

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОЛОГИИ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ИМ. М.М. КОВАЛЕВСКОГО

**Сборник научных статей по итогам
Зимней социологической школы в 2011 году**

**СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
МЕТОДОЛОГИЯ — ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ**

Под редакцией *А.О. Бороновой, Е.С. Богомягковой*

ИЗДАТЕЛЬСТВО СКИФИЯ-ПРИНТ

2013

ББК 60.5
С56

Редакционная коллегия: *А.О. Бороноев* (отв. ред.),
Е.С. Богомякова (отв. ред.),
М.В. Ломоносова (отв. секретарь)

Сборник публикуется в рамках Проекта
«Проведение научно-образовательного семинара
“Зимняя социологическая школа
«Современная социологическая методология — от теории к практике»»
(Проект СПбГУ №10.44.1177.2011)

С56 Современная социологическая методология — от теории к практике. Сборник научных статей по итогам Зимней социологической школы в 2011 году / Отв. ред. А.О. Бороноев, Е.С. Богомякова. — СПб.: Скифия-Принт, 2013. — 170 с.

ISBN 978-5-98620-097-2

Сборник научных статей «Современная социологическая методология — от теории к практике» издается по итогам проведения Зимней социологической школы в 2011 году, организованной факультетом социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

В сборнике представлены статьи участников Школы, а также ведущих преподавателей СПбГУ, посвященные актуальным проблемам современной социологии. Материалы отражают результаты авторских теоретических и эмпирических исследований.

Сборник может быть интересен социологам, представителям социального и гуманитарного знания, аспирантам, магистрантам и студентам.

ISBN 978-5-98620-097-2

© Коллектив авторов, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Д.В. Иванов (Санкт-Петербург). Актуальная социология: без социологизма и без актора</i>	5
<i>О.И. Иванов (Санкт-Петербург). От потенциальной к реальной комплексности междисциплинарных социальных исследований</i>	26
<i>В.Я. Фетисов (Санкт-Петербург). Деятельность как предмет исследования социологии и ее интегративный принцип</i>	40
<i>В.И. Бочкарева (Санкт-Петербург). Актуальность наследия классиков российской социологии при исследовании современных российских трансформаций</i>	58
<i>Н.П. Кирсанова (Санкт-Петербург). Семиотическое пространство политической коммуникации</i>	62
<i>И.С. Паутов (Санкт-Петербург). Теоретические основы анализа социальных рисков в современном обществе</i>	72
<i>Е.С. Богомягкова (Санкт-Петербург). Социальные проблемы как языковая игра</i>	96
<i>В.Г. Ушакова (Санкт-Петербург). Гендерные аспекты брачного выбора: теоретико-методологические аспекты</i> . . .	105
<i>М.А. Ерофеева (Санкт-Петербург). «Эмоциональный туризм» как новая форма туристской мобильности</i>	129
<i>Е.А. Скирдачева (Ростов-на-Дону). Эскапизм в социологии: разработка понятия и определение социальных практик</i> . . .	145

Е.В. Чайкина (Минск). Фотография как метод исследования социальной реальности 159

М.В. Ломоносова (Санкт-Петербурге). К вопросу о плагиате, коррупции, или О том, как дважды доктор юридических и исторических наук в соавторстве с кандидатом философских наук провели научное исследование и опубликовали статью 164

Д.В. Иванов

АКТУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: БЕЗ СОЦИОЛОГИЗМА И БЕЗ АКТОРА

Огромная и аморфная масса исследований, являющихся современной социологией хронологически, концептуально и институционально, не представляет собой своевременной и действенной науки. Большая часть этих исследований является анахронизмом и ритуальными практиками. Их формальная современность не гарантирует их актуальности. Концептуальная и институциональная принадлежность к социологии обеспечивает место внутри академического сообщества, но не гарантирует востребованность и эффективность вне его рамок.

Актуальная социология создается и существует внутри массива современной социологии как несколько разрозненных и иногда пересекающихся тенденций, выводящих исследования общественной жизни за рамки эпохальности («модерн», «постмодерн», «второй модерн» и т. д.) и вневременной банальности («повседневность», «действие», «знание» и т. п.) к интенсивному настоящему, в режим реального времени. Выделение тенденций актуализации социологии из массы современной социологии и отделение от нее может стать проектом и движением на основе своевременных и действенных исследований интенсивного настоящего в противовес тем затянувшимся дебатам о преодолении кризиса социологии и тем попыткам ее стабилизации, которые характерны для *ритуальной социологии*.

Ритуальная социология представляет собой движение тех, кто вот уже сто лет стремится «наконец-то» разобраться с предметом и методами социологии так, чтобы сделать социологию навсегда правильной. Движение это маятниковое: от структур к акторам и обратно. Фокусировка на проблемах, обостряемых до степени онтологических и экзистенциальных и формулируемых в виде жестких дилемм «структура или действие», «макросоциология или микросоциология», «количественные методы или качественные методы» и т. п., приводит к бесконечно повторяемому ритуальному раскачиванию в заданных координатах. Несмотря на явную бесперспективность попыток окончательно решить эти проблемы, маятниковое движение деятельно поддерживается нынешним ис-

теблишментом международного социологического сообщества. В преддверии XVII мирового социологического конгресса¹ президент Международной социологической ассоциации (ISA) Мишель Вивьорка, вице-президент Ханс Йоас и председатель местного оргкомитета Улла Бьонберг подписались под коротким, но емким манифестом «Социология в движении» (Sociology on the Move), где тема конгресса заявлена исходя из того, что «детерминизм мертв» и перспективы социологии определяются обращением к «человеческому действию и воображению». Таким образом, движение социологии предлагается снова свести к ритуальному раскачиванию, в котором нынешний истеблишмент как раз проходит фазу «смерти» структур и «креативности» акторов.

Такого рода «методологический гуманизм» морально привлекателен, но именно он останавливает поступательное движение социологии и возвращает ее в состояние схоластики, оперирующей универсалиями и сущностями в поисках первопричин. Собственно социология начиналась полтора века назад и всякий раз становится собой в момент ухода от рассуждений об общих свойствах *человеческой природы* к исследованию совместной жизни *разных людей*. То, что для интеллектуалов, принадлежащих к среднему слою и погруженных в мир потребления и коммуникаций, выглядит результатом «человеческого действия и воображения», для неквалифицированных работников, безработных или мигрантов, погруженных в рутину выживания и зависимости от бюрократии и социальных служб, скорее будет представляться очевидным и непреодолимым «детерминизмом структур». К тому же социологический истеблишмент, декларируя сейчас поворот к субъектности, явно запаздывает лет на двадцать-тридцать. Наиболее продвинутые члены сообщества пережили эту фазу движения в сторону методологического индивидуализма и конструктивизма в 1980–1990-х гг. и сейчас уже перешли в фазу поисков новой объектности и новых режимов объективности, как, например, Пиотр Штомпка, Лоран Тевено или Бруно Латур [11; 29; 22–24].

Социальные науки ныне сталкиваются с нарастающим безразличием к их проблематике, идеям, исследовательским результатам. И любые повороты к субъектности и методологическому индивиду-

---

¹ Конгресс состоялся в июле 2010 г. в Гетеборге (Швеция).

ализму или к объектности и социологизму не спасают социологию, поскольку в начале XXI века логика общественной жизни совсем иная, нежели субъектно-объектная логика, характерная для науки позапрошлого столетия. Сегодня требуется изучение других феноменов, и главный из этих феноменов — гламур.

Гламур (от англ. *glamour* — очарование) — это не только причудливый стиль жизни тянущихся ко всему «страшно красивому» и потому вошедших в городской фольклор блондинок и метросексуалов. Гламурными могут называть очень разные вещи, от макияжа и вечеринок до художественных выставок и литературы. В такого рода характеристиках гламур предстает как эстетическая форма, и эту эстетическую форму можно легко обнаружить в целом ряде культурных феноменов, среди которых голливудская «фабрика грез» 1930–1950-х², глэм-рок 1970-х, «кокаиновый шик» — клубная культура 1990-х и т. п. Но сегодня гламур уже не сводится только к эстетике. Например, для продвинутых специалистов по брендингу гламур в 2000-х скорее представляется «стратегической культурной идеей» [20, р. 226–227], то есть в нем обнаруживается своего рода идеология.

Феноменальность гламура в том, что он представляет собой безыдейную идеологию. Подобно идеологиям ушедших эпох, гламур обладает огромной внушающей и мобилизующей силой, влияет на сознание и поведение множества людей. Но при этом гламур не несет никаких «больших» идей вроде «свободы, равенства, братства», «порядка и прогресса» и прочих формул, веря в которые люди поколение за поколением участвовали в построении современного общества. Теперь оказывается, что формула «дольче и габбана» может объединить в одно движение тысячи и даже миллионы людей, но у этого движения нет никаких целей исторического масштаба. Эта сила гламура вызывает шок у интеллектуалов, привыкших верить в силу идей и сетующих на «безыдейность», «бездуховность» гламура. Однако гламур в этом смысле — лишь продолжение отмеченной еще Вебленом и Маркузе тенденции перехода функций

---

² Именно от стиля подачи образа в Голливуде, где фотографы и репортеры создавали культ кинозвезд, идет традиция современного употребления слова «гламур», закрепленного в сознании публики основанным в 1939 г. журналом *Glamour of Hollywood* (ныне издается по всему миру под названием *Glamour*).

идеологии к потреблению, то есть перехода от политической логики в структурировании общества к культурной логике [3; 6].

Для определения того, чем сегодня является гламур, теории демонстративного потребления «праздного класса» и потребления как новой формы социального контроля недостаточны, т. к. гламур не сводится к консьюмеризму и может быть характеристикой поведения не только на потребительском рынке. Например, финансовые аналитики с середины 1990-х гг. используют термин *glamour* для обозначения характерной стратегии трейдеров на фондовых рынках [19; 18]. Здесь особенно отчетливо гламур обнаруживает и свою универсальность, и свое «избирательное сродство» с сегодняшним капитализмом. Так что гламур правильнее считать не просто стилем, эстетикой или идеологией, но универсальной логикой — рациональностью ультрасовременного капитализма. Рациональность как форма восприятия и придания смысла любым явлениям задает логику и культурную, и экономическую, и технологическую, и политическую, и научную³.

Общество начала XXI века — это *глэм-капитализм*, для которого характерно превращение гламура в ресурс и конкурентное преимущество на перенасыщенных продуктами и брендами рынках, где прибыли интенсивно извлекаются из трендов и где товар должен быть агрессивно красивым, чтобы быть актуальным [5]. Весьма интенсивные тенденции глэм-капитализма очень просты в своей основе. Гламур — это жизненный мир, который формируется «большой пятеркой» (роскошь, экзотика, эротика, розовое, блондинистое) и «горячей десяткой» (топ-листы, номинации, рейтинги, хит-парады и т. п.). Гламур обнаруживает себя и распознается одинаково и в вещах, и в людях, и в их лицах и одеждах, душах и мыслях. Гламур повсюду, от макияжа до научной теории, распознается как:

- 1) яркая легкость — броскость-бросовость;
- 2) бескомпромиссный оптимизм — всепобеждающая позитивность;
- 3) утонченная стервозность — не классовая, а эстетическая ненависть к старой социальности.

---

³ За данное здесь определение рациональности Макс Вебер, Макс Хоркхаймер и Герберт Маркузе не несут никакой ответственности. Автор берет на себя всю полноту ответственности за интерпретацию и развитие этой идеи.

Логике гламура противостоит бунт аутентичности, выразителями которого становятся подрывающие режим глэм-капитализма хакеры, «пираты», антиглобалисты, фундаменталисты и т. п. Они являются альтер-социальными движениями, поскольку в отличие от социальных движений не создают и не отстаивают социальность как интегрированность и солидарность. Они образуют формы общественной жизни, альтернативные и гламуру, и традиционной социальности.

Феномены глэм-капитализма и альтер-социальных движений требуют изучения и становятся вызовом для социологов. Но актуальность исследования гламура и альтер-социальности не просто меняет концептуальный горизонт социологии, она отменяет актуальность и выявляет ритуальный характер той социологии, основу которой составляют не аналитические, а нормативные дискурсы:

- «информационное общество»;
- «социальные институты»;
- «акторы»;
- «средний класс»;
- «гражданское общество» и т. д.

Эти дискурсы, несмотря на терминологический модернизм, по сути своей остаются гуманистическими грезами ренессансных буржуа с их мифологической установкой мышления. *Миф — это возведение быта в ранг бытия.* В любом мифе вся сложность мира складывается из подручных вещей, составляющих быт человека, и вся сложность жизни сводится к обыденным мыслям, чувствам, действиям⁴.

Столь важный для социальных наук и социальной политики дискурс «информационного общества» (включая вариации вроде «общества знания» или «сетевое общества») — это современный ремейк платоновского мифа об идеальном полисе, в котором правят ученые и жизнь определяется создаваемым ими знанием. Наступление глэм-капитализма дезавуирует идеи о том, что научное знание — главный фактор экономического преуспевания и высокого социального положения и что телекоммуникационные системы — основа общества, в котором «знание — сила». На рынках и публич-

---

⁴ Например, в античной мифологии природные стихии, войны, возвышение и гибель царств — результаты по-человечески понятного семейного быта, то любви, то ссор Зевса и его многочисленной родни.

ных аренах, зависимых от внимания, главный фактор — привлекательный имидж, и поэтому «интеллектуальной собственностью» чаще бывает не собственность интеллектуалов, а собственность звезд шоу-бизнеса и обладателей прав на использование брендов. Новые масс-медиа наполнены креативными коммуникациями, которые не соответствуют идеалу передачи достоверных данных и приращения научного знания, но оказываются более важными для достижения успеха в конкуренции и поддержания отношений в организации, для определения статусов и формирования групп. Например, больше половины всех сообщений по электронной почте составляет не востребуемая пользователями реклама, то есть спам. Другой пример: статистика интернет-сайтов и поисковых машин показывает, что большинство пользователей входят в сеть не за «знанием — силой», а ради поиска порно и сплетен о знаменитостях, скачивания музыки и видео, обмена незамысловатыми репликами в чатах и блогах. Так что те функции, которые в новой экономике и новом обществе, как ожидалось, должна была выполнять информация, в сверхновой экономике и сверхновом обществе выполняет «информационный шум».

Несмотря на ее очевидные дефекты, идея «информационного общества» остается популярной потому, что она — современная утопия, заменившая собой традиционные прожекты лучшего общества. На фоне лелеющих утопию интеллектуалов и их политических клиентов подлинными реалистами оказываются пресловутые блондинки, метросексуалы и обладатели авторских прав на все «страшно красивое». Нашим будущим может оставаться какое угодно общество, но интенсивное настоящее — это глэм-капитализм, так что к правильной оценке идеи «информационного общества» ближе оказываются те, кто тем или иным способом капитализируют гламур.

Другой существенный для социальных наук и социальной политики дискурс — «институты» воспроизводят восходящий к стоикам миф о естественных законах. Существование и важность таких институтов, как рынок, государство, школа, церковь, семья и т. д., принято объяснять тем, что они суть объективные и органичные в силу своей функциональности системы норм, следуя которым индивиды оказываются способными поддерживать предсказуемое, бесконфликтное, продуктивное взаимодействие. Этот идеал естественной нормализации жизнедеятельности людей дезавуируется институто-

подобными структурами глэм-капитализма, которые искусственно создаются, легко поддаются реконфигурации и быстро превращают привычные функции и нормы в виртуальную реальность. Вменяемое социальным институтам приведение жизни к норме предполагает, что есть нормы как общезначимые правила (всем очевидные в обыденном опыте, хотя нигде и никем не сформулированные однозначно) и есть норма как среднестатистическое состояние (всем известное по быту большинства, хотя нигде и никогда не являющееся единственно желательным). Возникновение глэм-индустрий показывает, что институциональные нормы на практике оказываются не жесткими правилами и даже не мягкими нормативными ожиданиями, а весьма широкими и иногда пересекающимися диапазонами дозволенного, в которых ожидания хоть какой-то нормативности одних сталкиваются с активными стратегиями игры в «свою» институциональность других. Социальные институты, придающие взаимодействиям нормальность и рутинность, выглядят теперь скорее адресуемой большинству утопией в условиях, когда разного рода меньшинствами интенсивно создаются подвижные структуры, основанные на экстравагантности и креативности.

Интерпретируя упадок нормативности и подъем креативности в привычных терминах, лидеры ритуальной социологии развивают дискурс «возвращения актора». Однако «актор» как индивид, рационально справляющийся с ситуациями и целенаправленно выстраивающий взаимодействия с другими индивидами, это не столько модель сегодняшней креативности, основанная на классических идеях М. Вебера или А. Турена [2; 9], сколько фигура героического эпоса в духе «Илиады» и «Одиссеи» Гомера⁵. Этот миф о героях, ежедневно созидаящих социальность, совершенно дезавуируется креативными производителями и потребителями, живущими гламуром. Их интенции и решения не диктуются социальными структурами, но зато могут детерминироваться трендами и актуальными вещами. Детерминизм не «мертв», он просто «живет» теперь не в привычных институтах и группах, а в гламуре. Креативность производителей и потребителей не создает социальность между индивидами, она обеспечивает уход от традиционной социальности и участие в сетях

---

⁵ М. Хоркхаймер и Т. Адорно в «Диалектике просвещения» уже показали на материале «Одиссеи» диалектическое тождество мифологической концепции героя и рационалистической доктрины индивида как субъекта действия [1].

актуальности, в которых вещи (прямо по Латуру) могут быть узлами и актантами, а люди с их действиями могут оказываться лишь связками или каналами коммуникации [24].

Дискурс о «созидателях социальности» весьма значим в академических кругах, но вот близкий к нему по духу дискурс о «носителях социальности» — «среднем классе», к тому же еще и политически весьма значим. Все академические и политические дискурсы — исследования, рассуждения, решения, посвященные «среднему классу» как носителю эталонных социальных норм и гаранту социального порядка, — это современные вариации аристотелевского мифа о золотой середине, в котором добродетелью и залогом общего блага является умеренность, избегание крайностей. Теперь, когда «лимонообразная» стратификация с доминирующим средним слоем выглядит одноразовым эффектом, возникшим в XX веке благодаря политическим движениям и правительствам, стремившимся создать общество всеобщего благоденствия, миф о «носителях социальности» дезавуируется тем, как обеспечивают свой статус и как задают образцы стиля жизни глэм-капиталисты и глэм-профессионалы, образующие ядро сверхнового среднего слоя. Возникновение сверхнового среднего слоя и притягательность гламура для большого числа людей лишает былого значения и общественного звучания старую модальность социальности — статистическую и этическую нормальность традиционного среднего слоя, состоявшего в основном из классических буржуа.

Глэм-капиталисты и глэм-профессионалы совершенно не похожи на тот идеальный тип буржуа, что был представлен в начале прошлого века М. Вебером в концепции капитализма, движимого рациональностью. Вебер изобразил рациональность как «железную клетку» расчетливости, методичности, бережливости и дисциплинированности, которые превращают жизнь в постоянную работу, построенную на принципах умеренности и размеренности (как затрачиваемых усилий, так и получаемых результатов) [2]. Рациональность глэм-капитализма проявляет себя не в подобного рода трудовой этике, а в потребительской эстетике. *Потогонное потребление* — это то, чем постоянно заняты глэм-капиталисты и глэм-профессионалы. Они потребительски относятся ко всему и поэтому все превращают в проекты, в которые вкладываются, рассчитывая на максимально быструю отдачу, и из которых выходят ради других

проектов, как только отдача начинает снижаться. Этой проектной логике подчинены все аспекты жизни. Работа и ведение дел — это время от времени переживаемые фазы гиперпродуктивности, когда реализация бизнес-идеи становится увлекательной гонкой за близким результатом. Отдых и развлечения — фазы гиперконсюмеризма, когда шопинг-тур или клубная вечеринка обеспечивают энергичное расслабление. Образование — фазы гиперинформированности, когда интенсивные курсы и тренинги дают быстро усваиваемую порцию актуального знания и пополнение выставки дипломов на стене кабинета. Брак и семья — фазы гиперсексуальности и гиперзаботы, когда завязыванию и поддержанию отношений с партнером или воспитанию детей отдается максимум физических и душевных сил. И эти фазы могут завершаться переходом к новому «проекту» в том распространенном теперь режиме семейной жизни, который исследователи назвали «серийной моногамией».

«Размывание» среднего слоя и экспансия проектной логики жизни лишают смысла не только дискурс «среднего класса», но и тесно связанный с ним дискурс «гражданского общества». Исследования, дебаты, решения, представляющие «гражданское общество» как контрагента государственной бюрократии и систему структур, переводящих социальность «самоорганизующихся граждан» в их политическую активность, воспроизводят цicerоновский миф о достоянии общественности (*res publica*). Сейчас это предание о скромных демиургах общества — ремесленниках, торговцах, адвокатах и т. п., выглядит полным анахронизмом на фоне всепроникающих корпоративного бизнеса, масс-медиа и государственной бюрократии. Олицетворявшие раньше идею «гражданской» автономности и активности массовые партии и некоммерческие организации теперь могут служить образцами зависимости и клиентизма. Они существуют только потому, что поддерживаются дотациями из бюджета, грантами, получаемыми на конкурсной основе от государственных и частных фондов, пожертвованиями от крупного бизнеса.

Там же, где автономия и активность еще сохраняются, регулярно возникает необходимость в усилиях «полицейского государства», чтобы защитить людей от остатков «гражданского общества». Типичными примерами могут служить ку-клукс-клан — гражданская инициатива ксенофобов, от которых надо защищать этнические меньшинства; католическая церковь — социальный клуб педофи-

лов, от которых надо защищать детей и подростков; Аль-Каида — общественное движение фанатиков, от которых надо защищать обывателей.

В условиях, когда традиционный средний слой массово пассивен, а в лице маргинальных его представителей агрессивен, общественность приходит в упадок и ее сменяет публичность (*publicity*), которая суть типичное достояние гламура. Ночные клубы, фестивали, презентации, реалити-шоу, ресурсы Web 2.0 — это арены, где живущими в гламуре формируется капитал публичности: коммуникаций, известности, внимания. И когда государственная или корпоративная бюрократия отступает в конфликте с какими-нибудь активистами-экологами или правозащитниками, это не свидетельствует о существовании мифического «гражданского общества», а демонстрирует весомость *капитала публичности*, заработанного в сетях актуальности — на форумах и в блогах, в полном соответствии с логикой глэм-капитализма⁶.

Среди всех ритуальных дискурсов современной социологии один занимает особое место. Социология больше всего апеллирует к «повседневности», представляемой как подлинная и несомненная реальность, как фундамент социальности. Концепция, созданная А. Шюцем и его последователями и охотно используемая даже теми исследователями, которые не принимают феноменологическую социологию в качестве парадигмы, является академическим ремейком библейского мифа о святой простоте. Идея о том, что истина открывается в привычных делах и наивных речах «обычного человека», лежит в основе подавляющего большинства социологических исследований. Это пассивное воспроизведение обыденности было подано Шюцем как проект феноменологического понимания той реальности, которая возникает на основе естественной установки сознания [12]. Однако основоположник феноменологии Гуссерль разрабатывал *проект энергичного исследования*, в котором начинающаяся с отказа от естественной установки редукция вскрывает ин-

⁶ Понятие «капитал публичности» следует отличать от понятия «социальный капитал», которое используется, чтобы реанимировать доктрину «гражданского общества» (см., например, [25]). Капитал структур и коммуникаций действительно сейчас доминирует в жизни людей, но наиболее интенсивно наращивается он как раз глэм-капиталистами и глэм-профессионалами, чуждыми привычной социальности. Так что дебаты о «социальном капитале» не спасают идею «гражданского общества», зато способствуют дальнейшей экспансии логики глэм-капитализма.

тенциональность сознания и обнаруживает горизонт жизненного мира. В современной социологии возобладали обещающий простоту исследовательского труда подход Шюца, и сложный, подвижный и требующий усилий *жизненный мир* оказался по сути подменен незамысловатым, рутинным и доступным *житейским миром*.

Теперь дискурс «повседневности» дезавуируется жизненным миром гламура с его яркостью, эфемерностью, экзотичностью. И этот пластичный и волатильный мир по отношению к миру повседневности является гиперреальностью. Здесь хорошо виден описанный Бодрийяром эффект замещения реальности симуляциями, когда симулякры становятся для людей настолько насыщенной средой существования, что она оказывается более весомой и более значимой, чем обыденная реальность [14]. Социологи, привыкшие отождествлять обыденность и реальность, сталкиваются с тем, что *жизненный мир* может быть виртуальной реальностью, для которой характерны действенность образов, условность и изменимость параметров, возможность моментального входа/выхода. В результате упустившая из виду виртуализацию социология сама становится виртуальной реальностью. Ритуальные дискурсы поддерживают образ продуктивной научной деятельности, но продуктом являются симулякры — знаки, отсылающие не к актуальным вещам и тенденциям, а к таким же знакам героического прошлого или никак не наступающего будущего социологии. Поэтому потребность в актуальном знании об интенсивном настоящем удовлетворяется не академическим сообществом, а исследователями нетрадиционной интеллектуальной ориентации, которые создают глэм-науку.

Глэм-наука в самом чистом виде, без примесей, представлена в глянцевах журналах. В них (по)читатели гламура находят не просто развлекательное чтение, а аналитические материалы, ценимые по тем же критериям, по которым всегда ценились научные исследования: актуальность, истинность, практическая значимость. Модность, безапелляционность, полезность рецептов, предлагаемых на все случаи жизни глянцевыми журналами, обеспечиваются безошибочным выбором объекта и метода исследования этой самой жизни. В качестве объекта берется «большая пятерка» и в качестве метода применяется «горячая десятка». И это гламурное знание не пародия на науку, это яркое, броское выражение самой сути ее ны-

нешнего состояния. Исследовательские техники гламура, сфокусированность на «большой пятерке» и использование «горячей десятки» легко обнаруживаются и во вполне уважаемых книгах по менеджменту и маркетингу, формирующих знание об ультрасовременном обществе и весьма востребованных той публикой, которая претендует на интеллектуальное лидерство и, как правило, с иронией относится к картине мира блондинок и метросексуалов. Логика гламура проникает на перенасыщенный рынок интеллектуальной продукции, когда подгоняемому конкуренцией исследователю нужно не просто заинтересовывать и убеждать, а очаровывать, пленять аудиторию простой, но при этом яркой теорией, экстравагантной методикой, эффектными результатами. Таким образом, перевод исследований в режим глэм-науки — рациональное решение и еще одно следствие интенсивной виртуализации общества.

Глэм-наука сейчас процветает и постепенно монополизует знание о капитализме, вытесняя традиционные социальные науки на периферию общественного интереса. Однако вопреки тому, что принято думать, в результате экспансии гламура вовсе не обязательно страдает научная истина, объективность знания. Социальные науки возникли в XVIII–XIX веках как интеллектуальный проект власти «третьего сословия». Социальность в условиях индустриализации выростала из производства и политики, где она представляла как массовость, проблемность, конфликтность. Социальность заботила «третье сословие» с его ценностями гражданских прав и трудовой этикой, а умствующие буржуа отвечали на озабоченность исследованиями, сфокусированными на социальных проблемах, на том, как социальность понимать и как ее совершенствовать. В интенсивном настоящем прежняя социальность становится маргинальной, а новая модальность общественной жизни — гламур — возникает не в производстве и политике, а в потреблении и рекламе. Новая модальность общественной жизни адекватно раскрывается не в истинах-нравоучениях и проблемах старых социальных наук, а в истинах-развлечениях и решениях, предлагаемых гламурно-интеллектуальным комплексом «менеджмент-маркетинг». Современные потребители интеллектуального продукта — это не старое «третье сословие», заинтересованное в социальности, это сверхновый средний слой, который отличает утонченная стервозность — эстетически мотивированная антисоциальность.

Кризис социальных наук — это кризис внимания. Возникшую к концу XX века проблематичность научного статуса социологии и близких к ней дисциплин можно объяснить на основе данного Гуссерлем определения научной объективности: истина одна, независимо от того, созерцают ли ее люди, боги, ангелы или чудовища [4, с. 101]. Истина одна, восприятие ее разное, поскольку разнородна аудитория. Когда господство теологии в качестве универсального знания было разрушено философами-просветителями, боги оказались в положении маргиналов, о чьем восприятии можно не заботиться. Фридрих Ницше выразил это в емкой формуле: «Бог умер». Бог умер не вообще, он «умер» как та инстанция, к которой можно апеллировать в отстаивании истины. Бог умер для умствующих буржуа — творцов и (по)читателей социальных наук. Когда философы-постмодернисты обрушились на идею познающего объективную истину субъекта, в положении маргиналов оказались уже люди. И один из лидеров постмодернизма Мишель Фуко в 1966 г. перефразировал ницшеанскую формулу, провозгласив «исчезновение человека» [10, с. 404]. Характерное для социальных наук обращение в поисках истины к людям стало бессмысленным, а глэм-наука заняла господствующее положение, поскольку настала пора озаботиться восприятием истины ангелами и чудовищами.

Ангелы и чудовища — это те вдохновляющие и шокирующие образы, в которые вживаются ультрасовременные буржуа и которые создаются в виртуальных пространствах, возникающих по обе стороны монитора компьютера, наушников плеера и особенно интенсивно создаваемых по обе стороны дисплея каждого нового мобильного устройства. Гламурно-интеллектуальный комплекс «менеджмент-маркетинг», становясь в условиях глэм-капитализма универсальной наукой о том, как ультрасовременным ангелам и чудовищам управляться с делами, и о том, как управлять ангелами и чудовищами, переводит поиск истины в единственный приемлемый для ангелов и чудовищ режим — режим глэм-науки.

Кризис внимания социологи ощущают, но свои ощущения осознают на языке дисциплины. В результате профессиональное общество живет в ситуации кризиса внимания, обусловленного неактуальностью социальных наук, а переживает «парадигмальный кризис», связываемый с множественностью теоретико-методологических позиций и подходов, воспринимаемых как угроза научному

статусу дисциплины. Но многочисленные попытки разрешить этот «кризис» и тем улучшить положение дисциплины лишь усугубляют ситуацию, и социология превращается в *генератор вечных проблем*: «структуры или действия», «макросоциология или микросоциология», «количественные методы или качественные методы», «фундаментальное знание или прикладное знание». На этом фоне глэм-наука выступает как *поставщик актуальных решений*. На рынок интеллектуальной продукции идет нарастающий поток конкурирующих теорий, и при этом среди сегодняшних гуру менеджмента и маркетинга не возникает дебатов, хоть сколько-нибудь сопоставимых с «битвами парадигм» в социальных науках. Не возникает потому, что в глэм-науке место мучительной дилеммы «позитивизм или конструктивизм» занимает бодрый слоган «позитив(ность) + креатив(ность)». Вселяющие уверенность простые и эффектные модели не отображают реальность, не создают реальность, они «прогибают» реальность под пользователей. Очевидный контраст между положением испытывающего дефицит внимания «генератора проблем» и положением находящегося в центре внимания «поставщика решений» подталкивает к логичному выводу: социологам нужно уходить от ритуальной социологии с ее «вечными» проблемами, но без бегства в никогда не наступающее будущее эпохальной социологии.

Проекты выхода за рамки дилемм ритуальной социологии развиваются в последние годы рядом видных представителей социологического сообщества, которые стремятся отыскать некий «третий путь». Эта стратегия заявлена, например, Пиотром Штомпкой в его концепции «третьей социологии», которая призвана прийти на смену «первой», нацеленной на изучение «социальных целостностей» и их организации, и «второй», ориентированной на изучение «социальных атомов» и их взаимодействий [28]. Предлагаемый Штомпкой ряд определений предмета «третьей социологии»: «социальные события», «социальное существование», «социальное становление» — явно указывает на стремление сфокусировать внимание на процессах социальной жизни, чтобы избежать дилеммы «структуры или действия». В том же направлении от раздвоенной социологии либо структур, либо действий к новой социологии процессов движутся и Джон Урри с концепцией «мобильностей» [30], Аржун Аппадурай с концепцией «поток» [13], Бруно Латур с теорией «действующих сетей» [24] и многие другие.

Дилемму «макросоциология или микросоциология» и связанную с ней проблему мультипарадигмальности «продвинутые» члены социологического сообщества предлагают решать также на пути к «третьей социологии». Идея Джорджа Ритцера легитимировать мультипарадигмальность и развивать социальную теорию как дискурсивную формацию [27], которая является не консистентной теоретической системой, а живым процессом концептуализации, открывает «третий путь» после «первой социологии», замкнутой на поиске наилучшей парадигмы, и после «второй», нацеленной на построение интегративной парадигмы.

Наиболее «продвинутые» члены социологического сообщества выходят и за рамки дилеммы «количественные методы или качественные методы» и движутся к пониманию, что информант — это не индивид, а ситуация, что информация — это не только ответы на вопросы, а комплексный поток данных. Уход от изнурительной борьбы между сторонниками «первой», то есть числовой, и «второй», то есть текстовой, социологий начинается с отказа от утвердившейся модели информанта как *Homo Sociologicus* — человека рефлексизирующего, человека болтливоего. Именно такое представление об информанте редуцирует сбор данных к опросу и анализу текстов и навязывает безмолвствующему большинству «предания о социальном» разговорчивого меньшинства (включающего и самих социологов). Возможность «третьего пути» в методологии социологических исследований демонстрируют концепция методологического ситуационизма и метод «расширенного кейс-стади» Майкла Буравого [16], методика «конфигурационного сравнительного исследования» Чарльза Рагина [26], проект визуальной социологии в исполнении Пиотра Штомпки [11].

Дилеммы «фундаментальное знание или прикладное знание», когда социологи вынуждены выбирать между исследовательской работой, представляющей чисто академический интерес, и информационным сопровождением практически полезных, но далеких от науки проектов, «продвинутые» члены социологического сообщества пытаются избежать на пути, предложенном Майклом Буравым [15]. Его концепция публичной социологии (*public sociology*) стала логичным ответом на кризис внимания к социальным и гуманитарным дисциплинам в условиях роста глэм-капитализма и появления глэм-науки. Публичная социология, в которой явно проглядывает

желание донести свои концепции и амбиции до аудиторий, более широких, чем профессиональное сообщество, и сделать свои исследования медийными событиями, сопоставимыми с политическими новостями и светской хроникой, предстает «третьей социологией» по отношению к «первой» — академической социологии и ко «второй» — прикладной социологии.

В сумме исследования и концепции, выходящие за рамки ритуальной социологии, образуют движение к той более актуальной версии дисциплины, которую можно назвать «Социология 3.0». Направленность этого движения, которую сами «продвинутые» социологи любят именовать «поворотом» (turn), выглядит радикальной сменой ориентиров лишь во внутреннем контексте дисциплины. В контексте же господства глэм-науки и привязанности Социологии 3.0 к старой социальности в виде «повседневной жизни», на которой предлагает сфокусировать «третью социологию» П. Штомпка, или «гражданского общества», от имени и во имя которого должна выступать «публичная социология» М. Буравого, перспективы дисциплины выглядят иначе. Когда социология застряла в старой социальности, которая становится все более разреженной (местами и временами до состояния вакуума) предметной областью между гламуром и альтер-социальностью, явно нужен не «поворот», а уход «в отрыв». В условиях господства глэм-науки есть три перспективы для социологии:

- 1) консервация и закрепление на периферии общественной жизни в качестве интеллектуальных практик аутсайдеров;
- 2) перевод в режим гламура и растворение в менеджменте и маркетинге в качестве вспомогательных интеллектуальных практик;
- 3) переход в режим, альтернативный и традиционной науке о социальном, и глэм-науке.

Социология 3.0 создается теми исследователями, которые интуитивно стремятся сочетать две первые стратегии, чтобы и не отстать от лидеров рынка интеллектуальной продукции, и сохранить традиционную профессиональную идентичность. Третья стратегия предполагает неочевидные и более радикальные решения, чем «повороты» Социологии 3.0, но и выглядит более перспективной. Во-первых, «оторваться по полной» можно, исследуя альтер-социальность, которая еще не интегрирована в господствующий глэм-капитализм и, следовательно, является предметной областью, полностью сво-

бодной от глэм-науки. Во-вторых, «отрыв» возможен и в исследовании гламура, если не чураться его, как это делают представители традиционных социальных наук, и если подходить к нему не так, как это делают гуру менеджмента и маркетинга.

Гуру менеджмента и маркетинга весьма серьезно относятся к созданию интеллектуального продукта, и их глянцевого продукт воспринимается всерьез и принимается за чистую монету (как в прямом, так и в переносном смысле) ультрасовременными буржуа. При всей легкости и яркости глэм-наука — довольно унылое занятие. Она бодрит — стимулирует и развлекает, но делает это без тени иронии и того духа отрицания, «созидательного разрушения», без которого капитализм вырождается в веберовскую «железную клетку». Родившись из духа капитализма, глэм-наука сейчас этот революционный, предпринимательский дух утрачивает и сводится к тиражированию разнообразно упакованных штампов.

Альтернативой и традиционному академизму, и глэм-науке является веселая наука, более века назад заявленная Фридрихом Ницше, но так и не разработанная ни им, ни его последователями. Ницше отрицал отождествление научности с серьезностью и угрюмостью умствующих буржуа, чей «интеллект представляет собой неповоротливую, подозрительную и скрипучую машину, которую не так-то просто привести в движение», поскольку они стремятся «серьезно относиться к делу» и полагают, что «где смех и веселье, там нет места мысли» [7, с. 242–243]. При этом веселая наука отнюдь не является добродушным высмеиванием предмета изучения. Ницше полагал, что она открывает не столько забавные, сколько злые истины [8, с. 756–760]. Такого рода истины, как показано выше, открываются одна за другой, если заниматься анализом того, что происходит, а не сохранением того, что дорого как память. Злой истиной для социальных наук является глэм-капитализм. Злой истиной для глэм-капитализма является альтер-социальность сверхновых движений, а злой истиной для альтер-социальных движений является вырастающий из их столкновений и конвергенции с глэм-капитализмом альтер-капитализм.

В перспективе веселой науки о глэм-капитализме и альтер-социальных движениях предметные и методологические сдвиги к Социологии 3.0, обусловленные стремлением перейти от «вечных» проблем к актуальным решениям, предстают знаками, верно ука-

зывающими на необходимость движения к актуальной социологии. Но для верного определения направления и, особенно, интенсивности этого движения недостаточно проектов, остающихся в рамках Социологии 3.0.

Решение со времен Дюркгейма и Вебера парализующей воображение и волю социологов проблемы «структура или действие» лежит в актуальных предметных изменениях. Предмет веселой науки, идущей дальше и глэм-науки, и Социологии 3.0, определяется по формуле: «большая пятерка» гламура + потоковые структуры альтер-капитализма.

Наиболее «продвинутые» члены социологического сообщества, например Джон Урри, Скот Лэш, Аржун Аппадураи, Мануэль Кастельс, уже начали концептуализацию потоков [21; 30; 13; 17]. Потоки рассматриваются как пересечение границ массами людей, денег, образов, товаров, отходов [30, р. 35] или как устойчивые серии обменов между физически разделенными акторами [17, р. 442]. Для превращения потоков в ключевой предмет исследований таких дефиниций явно недостаточно. Нужно развить в социологии общее представление о потоковом характере, то есть об устремленности и темпоральности структур.

Традиционные социальные структуры представляют собой разграничения. Институты и группы четко фиксируют и ограничивают зоны и диапазоны разных взаимодействий. Через эти границы, структурирующие привычную социальность, и идет привлекающее внимание социологов движение — перенос вещей, людей, идей и т. д. Потоки ортогональны традиционным социальным структурам и потому образуют пересекающие границы *трансструктуры*. По отношению к ритму жизни, задаваемому социальными структурами, потоки диахронны (не в смысле историчности, а в буквальном смысле движения сквозь время), и потому нарушают привычный ход и дозировку событий, создавая *транссобытийность*.

Потоковые структуры замещают неактуальные конфигурации агентностей и структур. Вместо ценностных ориентаций и идентичностей жизнь людей структурируют проекты. Вместо взаимодействий — коммуникации. Вместо институтов — тренды. Вместо групп — движения. Вместо классов и собственности — сети и доступ. Вместо неравенства с разделением на имущих и неимущих — неодинаковая динамика с разделением на сейчас-имущих и

потом-имущих. Поточковые структуры предстают как «умные», потому что они интенциональны, и как «деятельные», потому что они проникающие. Но они не мифические «акторы», а устремленные и темпоральные структуры.

Не менее застаревшие, чем проблема «структура или действие», проблема мультипарадигмальности и проблема «количественные/качественные» решаются в том же направлении, задаваемом актуальными методологическими изменениями. Методы веселой науки характеризуются формулой: «горячая десятка» + потоковые решения.

Принцип «горячей десятки» позволяет, выстроив конкурирующие теории в топ-лист адекватных моделей изучаемого явления, одновременно и выбрать одну наиболее отвечающую задачам исследования, и учесть в виде иерархии теоретических предпочтений все многообразие возможных подходов. В следующем исследовательском проекте топ-лист теоретических решений принимает тот вид, который диктуется новыми исследовательскими задачами. Так что попытки «окончательного» решения вопроса о наилучшей парадигме и попытки уклониться от решения под девизом «мультипарадигмальность» уступают место потоку решений, принимающих форму «Top Ten», «Top Five» и т. п.

Наметившееся движение от истощившей своих участников борьбы числовой и текстовой социологий в направлении набирающей популярность визуальной социологии должно быть продолжено путем разработки методик сбора, анализа и презентации данных для *мультимедийной* веселой науки о глэм-капитализме и альтерсоциальных движениях. Если «продвинутые» социологи, например П. Штомпка, предлагают фотографию как метод, нужно двигаться дальше и применять в качестве методов видео- и аудиозаписи, монтируемые в видеоролики, музыкальные клипы и прочие формы, актуальные для сегодняшних аудиторий.

Обращение с актуальным интеллектуальным продуктом к аудиториям, существующим сегодня, а не к мифическому «гражданскому обществу», позволит преодолеть кризис внимания и решить застарелую проблему «фундаментальное знание или прикладное знание». Перспективу дают исследования ситуативные и инструментальные, предлагающие альтернативные решения и сверхновым движениям, и глэмерам, стремящимся стать альтер-капиталистами.

Эта ситуативная, альтернативная, инструментальная и потому актуальная наука о глэм-капитализме и альтер-социальных движениях и есть актуальная, а не ритуальная социология.

Литература

1. *Адорно Т., Хоркхаймер М.* Диалектика просвещения. М.; СПб., 1998.
2. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
3. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1984.
4. *Гуссерль Э.* Логические исследования. СПб., 1909.
5. *Иванов Д.В.* Глэм-капитализм. СПб., 2008.
6. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1995.
7. *Ницше Ф.* Веселая наука. СПб., 2006.
8. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. Минск, 2005.
9. *Турен А.* Возвращение человека действующего. М., 1998.
10. *Фуко М.* Слова и вещи. СПб., 1994.
11. *Штомпка П.* Визуальная социология. М., 2007.
12. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира. М., 2003.
13. *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996.
14. *Baudrillard J.* Simulacres et simulation. Paris, 1981.
15. *Burawoy M.* The Critical Turn to Public Sociology // Critical Sociology, Summer 2005.
16. *Burawoy M.* The Extended Case Method // Sociological Theory. 1998, Vol. 16, No. 1.
17. *Castells M.* The Rise of the Network Society. Second Edition. Oxford, 2006.
18. *Chan L., Jegadeesh N., Lakonishok J.* Evaluating the performance of value versus glamour stocks: The impact of selection bias // Journal of Financial Economics 38, 1995.
19. *Conrad J., Cooper M., Kaul G.* Value versus Glamour // The Journal of Finance, Vol. 58, No. 5 (Oct., 2003).
20. *Grant J.* The Brand Innovation Manifesto. Chichester, 2006.
21. *Lash S., Urry G.* Economies of Signs and Spaces. London: Sage, 1994.
22. *Latour B.* On Interobjectivity // Mind, Culture, and Activity. 1996, Vol. 3, No. 4.
23. *Latour B.* Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge (MA), 1999.
24. *Latour B.* Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford, 2005.
25. *Putnam R.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, 2000.

26. *Ragin C., Becker H.* What Is a Case? Exploring the Foundations of Social Inquiry. Cambridge, 1992.
27. *Ritzer G., Smart B.* (eds.) Handbook of Social Theory. London, 2001.
28. *Sztompka P.* Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // European Review. 2008, Vol. 16, No. 1.
29. *Thevenot L.* L'action au pluriel. Sociologie des regimes d'engagement. Paris, 2006.
30. *Urry J.* Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century. London and New York: Routledge, 2000. www.isa-sociology.org/congress2010/

О.И. Иванов

ОТ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ К РЕАЛЬНОЙ КОМПЛЕКСНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анализ науки можно проводить на разных уровнях ее существования и организации: на уровне персоналий (деятельности отдельных исследователей), научных школ, направлений (где выявляются принципиальные основания научного поиска, объединяющие многих исследователей), научных парадигм, когда устанавливаются наиболее общие (доменные) предпосылки развития нескольких школ, направлений. Науку можно рассматривать в дисциплинарных расчленениях и с точки зрения междисциплинарных связей, которые складываются при изучении какого-либо одного или совокупности объектов. Во втором случае чаще всего имеют в виду специализированные области, сферы коллективного междисциплинарного научного поиска. Этот поиск поддерживается стремлением изучить многие стороны выбранных объектов, среди которых предпочтение отдают особо значимым социальным феноменам, таким как семья, город, государство, демократия, экономика, социальное и экономическое пространство и тому подобное. Сегодня повсеместно, во всех странах, где развиты общественные науки, существуют специализированные центры по изучению общественно значимых социальных феноменов. При этом многие из этих центров имеют строго дисциплинарный, а другие — междисциплинарный характер.

Сегодня можно утверждать, что монодисциплинарные научные практики во многом исчерпали себя, и научный прогресс все активнее связывается со специализацией исследователей на разностороннем и одновременном изучении сложных социальных феноменов. Такой сдвиг в интересах многих представителей социальных наук начал происходить уже во второй половине двадцатого века. Так, например, в Великобритании в 1964 г. был учрежден Центр междисциплинарных культурных исследований (cultural studies) Бирмингемского университета под руководством Ричарда Хогарта.

Сегодня кроме культурных исследований существует и много других междисциплинарных областей исследований, например, исследования города (urban studies), транснациональные исследования (transnational studies) и т. п. В современной познавательной ситуации междисциплинарное взаимодействие рассматривается и учеными, и организаторами науки как норма, как такого рода требование, без соблюдения которого решение определенного класса научных и научно-практических проблем не представляется возможным. В современной научной деятельности вычлняются особые классы исследовательских ситуаций, которые требуют специфических форм взаимодействия ученых, представляющих разные области научного знания. Происходит институционализация таких форм. Становление этих новых форм взаимодействия исследователей происходит достаточно сложно и сопряжено с возникновением и решением многих методологических, теоретических, социальных проблем. Достаточно отметить, что в самой трактовке междисциплинарности отсутствует единство и взаимопонимание. И это не удивительно, поскольку принципы междисциплинарности могут реализовываться на разных теоретико-методологических платформах, наиболее перспективной из которых, по нашему мнению, является комплексный подход как особая стратегия научной и практической деятельности.

Стремление расширить научные знания о сложных и особо значимых социальных феноменах уже сегодня реализовалось в форме многообразных картин одних и тех же явлений, картин, которые созданы различными «мастерами» и группами «мастеров». Нельзя отрицать научную и практическую значимость этих картин. Но и нельзя не видеть того, что взятые вместе эти картины всего лишь пестрая мозаика изученной реальности, мозаика, сильной стороной которой является ее фактичность, многостороннее описание соответствующих феноменов. К числу главных причин такой мозаичности следует отнести присущий этим исследованиям теоретический и методологический эклектизм. Слабой стороной этой мозаики является внетеоретичность или недостаточная теоретичность, ее многоликость, что является серьезным препятствием для выполнения важнейших функций науки, а именно объяснения и прогнозирования.

Ситуация с социальными теориями у многих обществоведов вызывает озабоченность и, подчас, глубокий пессимизм.

Сегодня отдельные западные представители социальной науки (в частности Дж. Ритцер и Б. Смарт) отбрасывают все классические образцы научной работы и предлагают, в частности, по-новому взглянуть на социальную теорию. Для них она — «дискурсивная формация», не особого рода завершённый результат мыслительной деятельности, а динамическая практика концептуализации и реинтерпретации.

Здесь социальная теория трактуется чрезвычайно расширительно. На самом деле то, что авторы называют теорией, надо назвать теоретизированием. Правда, возникает вопрос, кому нужно такое теоретизирование. Впечатляющие результаты физики, химии, генетики, медицины и других развитых наук были достигнуты не на основе языковых игр, риторики, бесплодного теоретизирования, а на основе использования объективных методов и строгих научных критериев. Именно поэтому методология естествознания была и остается образцом для социальных и гуманитарных наук. Этой установке следуют многие представители сегодняшних социальных наук. Но есть и другое направление: отказ от старых парадигм и призывы к радикальным переменам, к этой группе можно отнести сторонников социальной теории как дискурсивной формации. Это направление можно оценивать по-разному. Например, Д.В. Иванов ситуацию с дискурсивной формацией квалифицировал как переход от контовского проекта науки к постнауке. Он пишет: «В состоянии постнауки кодифицированное знание ученых, выстраиваемое в единую и четко очерченную дисциплину, заменяется подвижным (в зависимости от конъюнктуры) знанием экспертов, образующим автономные, но пересекающие границы классических дисциплин исследовательские поля», например, от социологии культуры — к исследованиям культуры (*cultural studies*) или от социологии города — к исследованиям города (*city studies*) [1, с. 14].

Полагаем, что переходы от социологии культуры к культурным исследованиям, от социологии города — к исследованиям города неправомерно связывать с так называемой постнаукой XXI века, когда научное дисциплинарное знание пытаются заменить результатами коллективного дискурса в «исследовательских полях», знанием экспертов. Без пояснений о том, о каких экспертах идет речь

и о каких экспертных знаниях, данное утверждение выглядит не более чем метафора. Заметим также, что использование в данном контексте термина «исследовательское поле» вряд ли правомерно, потому что в социологии понятие «поле» приобрело специфическое значение, в частности в теории социального пространства П. Бурдьё.

На самом деле, те научные практики, которые осуществлялись и осуществляются в культурных, транснациональных и других междисциплинарных исследованиях, нацелены не на бесконечный и бесплодный дискурс, научную риторику, языковые игры, а на создание практически значимого социального знания.

Ускорить процесс создания такого знания можно совершенствуя методологическую и социальную организацию коллективного научного поиска.

Научные практики в междисциплинарных областях исследований должны опираться на определенные и разделяемые всеми участниками коллективного научного поиска принципы и стратегии научных исследований, а также на принятые исследователями критерии научности.

В общем плане для всех типов междисциплинарных исследований мы сформулировали следующую систему методологических принципов:

- 1) определение основной методологической базы конкретного междисциплинарного исследования (выбор подходов, методов из уже имеющихся; их модификация, адаптация к конкретным познавательным задачам; обоснование и создание новых подходов, методов);
- 2) определение логики междисциплинарного научного поиска и подчинение этой логике дисциплинарных исследований;
- 3) определение исходной, минимально необходимой, совокупности дисциплинарных знаний, которые можно использовать в качестве базы для построения междисциплинарных представлений об объекте исследования и для определения междисциплинарных познавательных задач. Для краткости этот принцип будем называть принципом реорганизации релевантных знаний;
- 4) сочетание текстуальных и нетекстуальных форм отображения объекта междисциплинарного исследования;

- 5) выработка междисциплинарных представлений об объекте изучения;
- 6) построение единого для всех участников сложноорганизованного междисциплинарного предмета исследования;
- 7) определение единых для междисциплинарного коллектива целей исследования и определение дисциплинарных задач;
- 8) определение базовой дисциплины; и (или) порядка их смены в ходе исследования;
- 9) контроль междисциплинарных связей и методологический самоконтроль за совместимостью идей и результатов;
- 10) определение, выбор, создание «метаязыка» или «гибридного» языка, которые обеспечивали бы взаимопонимание и сотрудничество разных специалистов;
- 11) поиск, выбор, создание метатеории, которая могла бы объединить уже существующие знания об объекте изучения и которая могла бы стать базой для синтеза, интеграции новых знаний;
- 12) совмещение дисциплинарных знаний, а также дисциплинарных и междисциплинарных результатов;
- 13) сопоставление научных знаний о социально-культурных явлениях с внеаучными знаниями;
- 14) добровольность участия специалистов в междисциплинарном исследовании [2, с. 46–71].

В каждом конкретном междисциплинарном исследовании эти принципы получают и (или) могут получить различную реализацию, как по объему, содержанию, так и по уровню и качеству воплощения их в научном поиске. Не все из указанных принципов могут быть реализованы в одном исследовании. Например, поиск, обоснование применения имеющейся и (или) создание новой «метатеории» являются чрезвычайно сложными задачами, и их решение может быть отнесено к следующим этапам изучения объекта. Кроме того, надо иметь в виду и возможность дополнения принципов междисциплинарности принципами тех подходов, методологических концепций, на базе которых организуются и реализуются конкретные междисциплинарные исследования. Это могут быть принципы системности, структурно-функционального анализа, комплексности и др. Достаточно полную реализацию принципов междисциплинарности мы связываем с системным и комплексным подходами.

Прогресс научных практик в междисциплинарных областях исследований достигается не столько результатами теоретизирования, сколько их ориентацией на диагностику и решение конкретных социальных проблем каждой сферы общественной жизни, которая охватывается соответствующей областью исследования. При этом необходимо иметь четкие представления о сущности социальной проблемы и о наиболее подходящей стратегии ее научно-го изучения.

По нашему мнению, социальная проблема — конкретный тип взаимодействия между отдельным коллективным субъектом (группой, общностью) и социальной средой его существования, при котором *отдельные компоненты среды неблагоприятно, отрицательно воздействуют на жизненную ситуацию субъекта*, на его социокультурный статус, «ущемляют» его потребности, права и интересы. Вторым признаком социальной проблемы является наличие оценки каким-либо общественным субъектом сущности и меры негативного воздействия социальной среды или ее отдельных компонент на жизненную ситуацию конкретной группы, общности. Важнейшей составляющей такой оценки является утверждение о нетерпимости положения дел и формулировка требований по их изменению. Третьим признаком социальной проблемы выступает ее дискуссионность, неоднозначность способов ее определения, объяснения и понимания. В качестве четвертого признака социальной проблемы выступает требование выработки определенных коллективных действий по изменению положения дел в определенной сфере общественных отношений, в определенных условиях существования группы, общности, чьи интересы ущемляются, чьи потребности не могут удовлетворяться на социально приемлемом уровне [3].

С нашей точки зрения, структуру социальной проблемы образуют отношения между конкретной общественной группой, ее основными свойствами (потребностями, интересами, правами и принятыми ценностями) и социально-экономическими условиями ее существования. В структуру проблемы при определенных обстоятельствах могут включаться также компоненты природных условий, прежде всего те компоненты, которые вызывают стихийные бедствия (ураганы, наводнения, землетрясения и т. п.).

Каждая общественная группа стремится к тому, чтобы удовлетворять (на социально приемлемом уровне) свои основные потреб-

ности, реализовать свои интересы и права в соответствии с принятыми ею социальными ценностями.

Степень удовлетворения основных потребностей группы, реализации ее интересов и прав и является основным критерием наличия или отсутствия социальной проблемы. Когда социально-экономические условия значительно снижают степень удовлетворения потребностей, уровень реализации интересов и прав, тогда и возникает социальная проблема.

Социальные проблемы, как правило, представляют собой проблемы комплексные, изучить которые в полном объеме и целостно невозможно, оставаясь в рамках одной научной дисциплины. Поэтому изучение социальных проблем требует того, чтобы исследователи объединялись в коллективы, которые включают в свой состав специалистов из разных областей научного знания.

При изучении конкретной социальной проблемы социолог должен взаимодействовать с психологами, социальными психологами, юристами, историками, культурологами, политологами и т. д.

Социолог должен интересоваться всеми знаниями, относящимися к данной проблеме. Он должен стремиться к тому, чтобы организовать совместное систематическое и целостное изучение социальной проблемы. Социолог может выступать в роли организатора комплексного исследования данной социальной проблемы.

Исходным принципом комплексного подхода является принцип *многосторонности* изучения сложных объектов, к числу которых принадлежат социальные проблемы.

Сложность социальной проблемы обусловлена множеством и многообразием ее причин; множеством образующих ее элементов; сложностью ее структуры; множеством следствий существования социальной проблемы.

Второй принцип комплексного подхода — принцип *единства исходных представлений об объекте изучения*. В полидисциплинарном исследовании каждый специалист работает со своим предметом, в комплексном изучении социальной проблемы необходим системно-организованный междисциплинарный предмет исследования.

Третий принцип — *принцип системной организации междисциплинарного предмета исследования*. Этот принцип требует комплексного изучения социальной проблемы, построения такого предмета исследования, который вбирал бы в себя знания из различных науч-

ных дисциплин и который увязывал бы эти знания в непротиворечивой, логически обоснованной форме.

Четвертый принцип — *принцип конгруэнтности (совместимости) дисциплинарных знаний и отдельных методов*. Это означает, что комплексное изучение социальных проблем возможно лишь в том случае, когда вовлекаемые в единый познавательный процесс дисциплинарные знания и методы не противоречат друг другу, не исключают друг друга.

Пятый принцип — *принцип единства познавательного процесса и единомыслия всех участников* комплексного изучения социальной проблемы. Этот принцип обеспечивается двумя другими важными принципами:

- а) единство познавательных целей на основе разнообразия познавательных задач, согласованных друг с другом;
- б) принцип единства идейного замысла; в каждом комплексном исследовании должен быть согласованный между всеми участниками исследования идейный замысел, т. е. весь коллектив должен исходить из единых теоретических представлений об изучаемом объекте и принимать и реализовывать взаимосогласованные, взаимоподдерживающие друг друга гипотезы.

Шестой принцип — *принцип базовой дисциплины*. В рамках комплексного изучения социальных проблем должна быть определена основная дисциплина, которая предлагает наиболее общие представления об изучаемой проблеме. В комплексных социальных исследованиях базовая дисциплина может определяться по-разному, в зависимости от целей исследования. В одном случае на передний край выходит социология, в другом — экономика или другая дисциплина. Но, как правило, именно социология может претендовать на роль базовой дисциплины в комплексных социальных исследованиях, т. к. она располагает наиболее общими знаниями о сущности изучаемого социального явления или проблемы.

Седьмой принцип *формирования и подготовки каждой научной дисциплины к участию в комплексном исследовании*. Этот принцип исключает стихийное участие той или иной научной дисциплины в изучении социальных проблем. Междисциплинарный коллектив должен проводить особую мыслительную работу, направленную на выявление возможностей привлечения тех или иных знаний в конкретном комплексном исследовании.

Восьмой принцип — *принцип интеграции частных результатов и фактов*, теоретических положений в единый целостный, синтетический результат.

Комплексный подход одновременно является не только стратегией познавательной деятельности, но и деятельности практической. Как основа практической деятельности по решению социальной проблемы, подход предполагает, что при решении социальной проблемы следует опираться на совокупность взаимосвязанных, взаимосогласованных мероприятий социальной политики, на программы решения социальной проблемы, на различные виды интервенции в социальные проблемы.

Если общество в своей преобразовательной деятельности ограничивается отдельными, случайными, сиюминутными, несогласованными мероприятиями, оно не в состоянии решить социальную проблему или снизить уровень ее остроты.

Комплексный подход как стратегия практической деятельности требует также выделения в социальной проблеме главных определяющих ее факторов и проведения мероприятий, которые воздействовали бы именно на эти факторы.

На основе комплексного подхода можно проводить всестороннее изучение любой социальной проблемы. Под комплексным исследованием здесь понимается исследование, проводимое по единой программе и на единых содержательно-научных основаниях группой ученых, представляющих разные области научного знания и (или) научные дисциплины, с целью многостороннего, согласованного и одновременного изучения сложно организованных объектов или комплексных проблем, не решаемых в рамках какой-то области научного знания или дисциплины.

Специфика организации комплексных исследований обусловлена, по крайней мере, тремя факторами. Во-первых, достаточной сложностью (и в психологическом плане — непривычностью) их предметной области. Во-вторых, необходимостью объединять и согласовывать идеи, понятия, факты, существовавшие ранее относительно независимо друг от друга. В-третьих, необходимостью формировать новые проблемные коллективы ученых, имеющих различные научные биографии, стили мышления, разные представления о критериях научности и т. п. Объединение этих разнородных идей и людей в единый познавательный процесс яв-

ляется одной из главных задач организации комплексного исследования.

Квалификация того или иного исследования как комплексного — достаточно сложная и вполне самостоятельная задача. Она требует от ученых особой тщательности в выборе тех критериев, опираясь на которые будут делаться выводы об уровне и характере комплексности их исследования. Необходимо использовать одновременно несколько критериев комплексности, их систему, и не только в начале исследования, но и в процессе его реализации. Отказ же от многокритериальной оценки комплексных исследований будет сдерживать успешное решение их познавательных задач.

Комплексность исследования может устанавливаться на основании нескольких групп признаков, среди которых можно выделить объектные и субъектные, внешние и внутренние. Объектные признаки — это характеристики объекта изучения, полученные на основании анализа накопленных научных знаний. Другая группа признаков отражает характеристики субъекта комплексного исследования — научных учреждений и коллективов, руководителя и участников с указанием их специализации, профиля и функций, выполняемых в данном исследовании.

Характеристика внешних и внутренних признаков комплексного исследования связана с отражением специфики познавательного процесса. Среди внешних характеристик можно назвать такие, как области знания, вовлеченные в научный поиск, используемые методы, формулировка направления, проблемы и темы исследования, описание этапов исследования, на которых требуется обеспечить взаимодействие представителей разных научных специальностей. Действительная комплексность может быть обеспечена только тогда, когда идеи комплексности будут пронизывать сущность познавательного процесса, его внутреннее содержание. А это проявляется, прежде всего, в теоретико-методологических установках всего исследования, в его идейно-теоретической базе, в развертывании исследования на единых идейных основах, что требует взаимосогласованного решения разнообразных познавательных задач. **Именно характеристика познавательных задач, решаемых в исследовании, и может служить тем внутренним критерием комплексности исследования, который отражает сущность познавательного процесса.** В структуре комплексных исследований эти задачи должны получить

осмысление не только с точки зрения их содержания, но и также с позиций их местоположения в структуре научного знания. Одни из этих задач будут носить характер строго монодисциплинарный, другие многодисциплинарный, относительно третьих будет определено общее направление, где они будут решаться. Можно, конечно, представить и такое комплексное исследование, в ходе которого все его познавательные задачи удастся надежно «расписать» по сложившимся дисциплинарным расчленениям науки, но это исключение, а не правило. Обычно в комплексных исследованиях выделяются задачи как дисциплинарные, так и многодисциплинарные, как задачи, которые решаются с использованием существующего потенциала науки, так и те, которые требуют формирования принципиально новых элементов этого потенциала. Низший уровень комплексности исследований характеризуется тем, что в его рамках каждая из познавательных задач решается средствами одной области научного знания. Более высокий уровень характерен для тех исследований, которые наряду с монодисциплинарными задачами включают и многодисциплинарные. Наконец, могут быть и такие исследования, в которых все познавательные задачи — многодисциплинарны с самого начала. Подобное расчленение и характеристика познавательных задач, решаемых в комплексных исследованиях, является обязательной процедурой и надежным показателем уровня его методологической организации и руководства. Одновременно это и показатели комплексности самих исследований.

Только используя совокупность вышеназванных признаков, можно с определенной степенью надежности устанавливать уровень комплексности исследований. В общем можно сказать: чем сложнее объект исследования, чем больше в исследовании исполнителей (коллективных и индивидуальных), областей знания (дисциплин), методов исследования, чем больше и разнообразнее познавательных задач, тем выше уровень комплексности исследования, тем сложнее его методологическая и социальная организация. Как видим, комплексность исследования может устанавливаться по исполнителям, областям знания, методам, познавательным задачам и другим его характеристикам.

Комплексность исследований не должна быть самоцелью. Стремление повысить масштаб и уровень комплексности должно сопровождаться четким осознанием возможностей управления ис-

следованием. Сегодня можно встретить ситуацию, когда руководители на первых порах стремятся придать своим исследованиям широкий масштаб за счет механического увеличения числа исполнителей, числа вовлекаемых областей научного знания, за счет постановки логически не обоснованных задач перед исполнителями и т. п. В дальнейшем же организовать все множество участников исследования в единый познавательный процесс оказывается практически очень трудно, а в отдельных случаях просто невозможно. Комплексность исследований — развивающаяся их характеристика. По мере осуществления научного поиска она (при специальном обосновании) может быть увеличена и может быть уменьшена. Во всяком конкретном исследовании ученые должны стремиться не к максимально возможному масштабу и уровню комплексности, а к некоторому его оптимуму, который, с одной стороны, гарантировал бы достижение целей исследования, с другой, обеспечивал бы в случае необходимости возможность расширения или сужения исследования.

Возможности комплексного изучения объекта всякий раз ограничиваются числом участников исследования, числом отраслей научного знания, вовлеченных в познавательный процесс, типом практических и научных задач, которые в данном исследовании решаются. **Правоммерно в этом плане говорить не только о степени комплексности конкретного исследования, но и о потенциале комплексного изучения того или иного объекта.** Далеко не всякое комплексное исследование в состоянии в полном объеме и на необходимом уровне реализовать потенциал комплексного изучения объекта. Причиной тому могут выступать ограниченность ресурсов и квалификации кадров, социальный заказ и сроки проведения исследования, и т. п.

Понятие потенциал комплексного изучения объекта (потенциал комплексности) может оказаться полезным при определении широких перспектив коллективного научного поиска. Тщательное определение потенциала комплексного изучения того или иного объекта и сопоставление этого потенциала с конечными кадровыми, материально-техническими, информационными и другими ресурсами позволяет достаточно определенно ставить конкретные задачи перед исследователями, последовательно реализовывать все возможные цели изучения объекта. Последнее достигается в той мере, в какой удается по ходу исследования привлекать свежие силы и допол-

нительные ресурсы. Потенциал комплексного изучения объекта и реально достигаемая комплексность исследования, как правило, не совпадают, и стремиться к такому совпадению можно лишь в том случае, когда созданы все необходимые предпосылки для достижения максимума комплексности исследования, который идентичен потенциалу комплексности. Но действительную комплексность исследования можно установить только на основе полученных в ходе его осуществления результатов, а они характеризуются глубиной проникновения в сущность исследуемого явления, многосторонностью его описания, познанием закономерностей его развития, эффективностью рекомендаций для общественной практики. Показатели результатов комплексных исследований наиболее трудноизмеримы. В литературе принято этот показатель выражать через такие качества, как синтетическое, интегративное, комплексное знание. Формы выражения этого знания могут быть различными, и сводить их только к образованию новой теории изучаемого объекта было бы неправильно. В результате комплексных исследований могут быть получены (развиты) совокупность взаимосвязанных теорий, моделей, концептуальных схем, которые на новом уровне объясняют и предсказывают поведение изучаемого объекта, новых типов объектов, новых средств измерения и диагностики свойств объектов.

При комплексном изучении социальных проблем целесообразно использовать особый методологический подход, опирающийся на системные идеи, получивший название «методология мягкой системности» — *soft systems methodology* (не надо путать данную ориентацию с понятиями мягкой и жесткой систем). Речь идет об особой разновидности методологического анализа, опирающегося на принцип системности [4].

Мягкая системность — такой вид системности, в которой она выступает средством не отражения реального мира в идеальных конструкциях, а средством непосредственного конструирования мира, его фрагментов, сфер и т. п. Чекленд (Chakland) — один из основателей мягкой системности, писал, что мы сами превращаем мир в систему с помощью таких понятий, как *иерархия, уровни, связи, контроль* и т. д. Методология мягкой системности сконцентрирована *не на истинных объяснениях объективных явлений, а на сугубо прагматической цели исправления проблемной ситуации*. Для мягкой

системности единственной реальностью является возникновение проблемной ситуации. Главное ее назначение — моделирование проблемных ситуаций, рассмотрение возможностей вмешательства в эти ситуации, исправление этих ситуаций, придание им тех свойств, которые устраивали бы человека. Мир становится партнером «в диалоге» субъекта с компонентами этого мира.

Литература

1. *Иванов Д.В.* Актуальная социология // Проблемы теоретической социологии. Вып. 7. Межвуз. сб. Под ред. А.О. Бороноева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.
2. *Иванов О.И.* Методологические принципы междисциплинарности в социальных и гуманитарных науках // Компаративистика — III. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
3. *Иванов О.И.* Введение в социологию социальных проблем. Учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
4. *Роуз Дж.* Методология «мягкой системности» как исследовательский инструмент в общественных науках // Наукоедение. РЖ. 1998. № 3.

В.Я. Фетисов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ И ЕЕ ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПРИНЦИП

Выяснение специфики каждой социогуманитарной науки — необходимое и важное условие выполнения ею своих функций. Оно, как представляется, может быть достигнуто в результате последовательного движения по схеме: объект науки — ее предмет — методы и средства исследования — содержание науки как система знаний — познавательные и социальные функции. Речь идет о характеристике каждого звена данной цепи, их связей и зависимостей, осуществляющихся как в прямом, так и в обратном направлении.

Особую сложность представляет раскрытие специфики социологии. Хотя дискуссии относительно нее приобрели хронический характер, однако они не привели к убедительному результату. Между тем потребность в нем диктуется кризисным состоянием социологии, проявляющимся в ее чрезмерной атомизации, вращением обсуждений в кругу одних и тех же антиномий («общество — индивид», «структура — действие» и т. д.), в отрицании идеи развития и замены ее изменениями, в сведении содержания науки к истории, в низкой прогностической способности и востребованности со стороны практики...

При раскрытии особенностей социологии, прежде всего, возникает вопрос о времени ее появления. Одни относят ее зарождение к античности, другие считают, что она возникла в XIX в. в результате усилий О. Конта, по мнению третьих, в собственном смысле слова она сформировалась значительно позднее [1]. Большинство придерживается второго взгляда. Однако следует иметь в виду: Конт вывел социологию посредством дедукции из специально сконструированной системы наук. Он поместил ее на вершину пирамиды, проигнорировав другие социальные дисциплины. Акцент в ней был сделан на методах познания общества, в качестве идеала которых выступали естественные науки, доказавшие свою эффективность в исследовании природы. Контовская социология опережала свой реальный предмет и потому обосновывалась скорее гносеологически,

чем онтологически. Отсюда ее обреченность на постоянные поиски своего предмета и, следовательно, собственной идентичности. Отождествление Контом общества как объекта и предмета социологии противоречило логике познания общества, заключающейся в переходе от синкретического его представления в мифологии, религии и философии ко все более дифференцированному теоретическому видению. В этой связи естественно возникает вопрос: «Что нового появилось в общественной жизни, вызвав потребность в социологии как особой науке?». При всем обилии литературы по истории социологии трудно обнаружить достаточно полный и развернутый ответ на данный вопрос. Внимание теоретиков, как правило, сосредоточено на духовно-теоретических предпосылках ее возникновения, что же касается онтологических оснований, то они оказались на периферии их интересов. Вряд ли можно получить ответ на поставленный вопрос, анализируя лишь частные процессы и явления. Здесь требуется более высокий уровень обобщения реальности, непосредственно примыкающей к социальной философии. Положения, являющиеся результатом такого обобщения, естественно, страдают упрощением и схематизмом, преодоление которых — прерогатива последующего конкретного исследования. Представляется, что возникновение социологии объективно было обусловлено переходом общества от естественно-исторического к социально-историческому развитию, означавшему сложную и противоречивую трансформацию объектно-субъектных отношений в отношения субъектно-объектные. В последних все более заметную роль начинает играть целенаправленная деятельность людей, что нашло отражение в философских доктринах XIX века. Заметное выдвижение на первый план различных общностей как ее субъектов происходит именно тогда. Оно, как известно, было вызвано многими процессами, связанными с развитием капитализма: индустриализацией, урбанизацией, секуляризацией, освобождением индивидов от присущей феодализму личной зависимости, повышением степени их свободы, превращением массы населения в рабочую силу капитала. Все это нашло концентрированное выражение в пролетариате как новой исторической силе, с присущим ему ростом потребностей и низким уровнем их удовлетворения, вызванным действием основного закона капиталистического производства. В то же время по своей внутренней природе, обусловленной содержанием этого производства,

пролетариат был предрасположен к консолидации в борьбе за свои интересы. Поэтому когда речь идет о возникновении социологии, то неправомерно ограничиваться анализом взглядов Сен-Симона и Конта. Понять ее становление можно, учитывая многие течения того времени, среди которых особая роль принадлежит марксизму. Именно последний сумел выразить вначале в философской форме дух наступающей эпохи, а затем осуществить конкретный анализ пролетариата как ее новой самостоятельной силы.

Принципиально новый взгляд на мир нашел отражение в знаменитых «Тезисах о Фейербахе» Маркса, которые, по словам Энгельса, содержат в себе гениальный зародыш нового мировоззрения. «Философы лишь различным образом объясняли мир, — говорится там, — но дело заключается в том, чтобы изменить его» [2, с. 4]. Обычно это положение трактуется упрощенно. В действительности есть основания считать, что, во-первых, речь идет не только о философии, но и о науке в целом, которая начинает органично включаться в практико-теоретический континуум истории. Во-вторых, изменение мира возможно только на основе его глубокого и всестороннего познания. В-третьих, лишь такое познание показывает, что надо менять, а что требует сохранения и развития. Последнее обстоятельство имеет особую значимость в связи с проводимыми преобразованиями в нашей стране, приобретающими, как правило, тотальный характер.

Г.В. Плеханов, сравнивая тезисы Маркса с положением Фейербаха о том, что наше «я» познает объективный мир лишь подвергаясь его воздействию, объясняет причину различия между позициями мыслителей в гениальной поправке Маркса. Она «была подсказана “духом времени”». В этом стремлении взглянуть на взаимодействие между объектом и субъектом именно с той стороны, с которой субъект выступает в активной роли, сказалось общественное настроение того времени, когда складывалось миросозерцание Маркса — Энгельса» [3, с. 137].

Анализ пролетариата как новой исторической силы стал возможным благодаря эмпирическому исследованию действительности. «Предпосылки, с которых мы начинаем, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», — не произвольны: они — не догмы; это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это действительные индивиды, их

деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем» [4, с. 18]. Применение Марксом и Энгельсом различных методов изучения общества, среди которых важную роль играли социологические, — характерная черта их научной деятельности. Достаточно вспомнить в этом плане работу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Маркс и Энгельс раскрыли обусловленность появления рабочего класса объективной фазой развития производства, его место и роль в нем, вытекающие отсюда потребности и интересы, необходимость превращения из «класса-в-себе» в «класс-для-себя», процесс его самоидентификации. Главное заключалось в обосновании того, что он должен делать для обеспечения своих жизненных потребностей и интересов. Марксизм, таким образом, дал характеристику пролетариата как нового социального образования, объективно вынужденного действовать определенным образом и потому нуждающегося в теоретическом обосновании своей деятельности.

Другое дело, что произошедшая при этом абсолютизация дуализма «пролетариат — буржуазия» привела к игнорированию других слоев, статус и роль которых по мере развития производства и общества существенно менялся. Преобразовывался и сам пролетариат, и способы его борьбы, о чем, в частности, свидетельствует раскол его политических партий на революционные и реформистские. Однако подход, примененный к анализу рабочего класса, можно считать социологическим, отвечающим духу новой эпохи — переходу от естественно-исторического к социально-историческому развитию общества. Поэтому он может быть с поправками, учитывающими обстоятельства времени, экстраполирован на другие социальные общности. Степень субъектности различных социальных единиц, обретения ими своей идентичности и способности соответствующим образом действовать имеет широкий диапазон как в пространстве, так и во времени. Она определяется многими объективными и субъективными факторами.

О сложности и противоречивости данного процесса свидетельствует индустриальная фаза в развитии общества. Машинное производство, технизация и бюрократизация общественной жизни превращали в массовом масштабе индивидов в «квазисубъектов»,

в функциональный придаток техники и в детали социальной машины. Для человека становилось естественным встраивание в организацию, повиновение ее программам, «бегство от свободы».

Превращение человека в реального субъекта своей жизни предполагает создание многих предпосылок, условий и средств, что связывается теоретиками с постиндустриальной стадией развития общества, с усилением в нем демократических и гражданских начал. Однако эта тенденция, как отмечалось, проявилась не сегодня. Она, в конечном счете, обусловила перенос акцента в изучении социальной реальности с внешнего на внутренний мир человека, о чем свидетельствует переход от позитивистской к различным вариантам «понимающей» социологии, в центре внимания которых оказались значения, смыслы, ценности... Социальная реальность, согласно этим теориям, порождается, конструируется и изменяется в результате группового сознания. И дело здесь не только в отрицании объективных закономерностей, но и в том, что субъекты деятельности сводятся к их отдельным свойствам. Аналогичный, фрагментарный, подход характерен и относительно внешнего мира, что ведет к общей атомизации социологического знания.

Дифференцированный подход к реальности — закономерный процесс научного познания социума. Однако взятый сам по себе он таит опасность абсолютизации отдельных сторон, редукции социального к индивидуальному, а последнего к отдельным актам сознания. В данном плане характерно распространенное положение, согласно которому общество конструируется в ходе мыслительной деятельности. Отсюда — смещение исследовательских интересов на уровень анализа повседневности и обыденного сознания, которые отнюдь не исчерпывают всего содержания социальной жизни. Возведение в абсолют индивидов, отдельных общностей и их сознания является гипертрофированной формой признания их роли. Однако переход от естественно-исторического к социально-историческому развитию вызывает потребность не только в дифференциации, но и в синтезе знаний, в целостном подходе, во-первых, к личности и общностям как социальным единицам и субъектам, во-вторых, к объективной реальности и в-третьих, в раскрытии связей и взаимодействия между этими мирами. Не случайно все чаще предпринимаются попытки сблизить, «навести мосты», объединить концепции социологического реализма и номинализма.

Трансформация общества в указанном направлении высвечивает особую роль целенаправленной деятельности по отношению к внешнему миру. Различные компоненты последнего, включаясь в деятельность общностей, приобретают новые свойства, превращаются в ее предпосылки, условия и средства. При этом объективный характер истории не исчезает, ибо он определяется результатами предшествующей деятельности, воплощенными в наличных предпосылках, условиях и средствах. Тем самым выявляется их единство в результате превращения из разрозненных, самодовлеющих величин в факторы человеческой деятельности. Разнообразный мир, как созданный людьми, так и естественный, подводится под общий, сопряженный с деятельностью субъектов знаменатель. Различные фрагменты мира, не теряя своих первичных свойств, приобретают вторую — социальную — природу. Проблема при их исследовании состоит в том, чтобы пройти по «лезвию бритвы», не впадая в крайности — в натурализм и вульгарный социологизм.

Качественные сдвиги в соотношении объективного и субъективного миров нашли отражение в различных концепциях и дисциплинах. Однако наиболее полное и адекватное выражение, как представляется, они получают в социологии. Эти изменения — онтологическая основа, анализ которой позволяет высветить парадигмальность данной науки.

Парадигма науки, как известно, есть общее представление о ее предмете, задающее исходные принципы и методы познания, определенную трактовку содержания теорий и связей между ними. Наука становится самостоятельной тогда, когда она достигает парадигмального статуса. На первых этапах своего становления, она, по словам Т. Куна, не обладает парадигмальностью. Последняя — результат длительного развития любой научной дисциплины. Можно утверждать: социология еще не достигла своей парадигмальной зрелости, о чем говорят многочисленные дискуссии по данной проблеме.

Прежде всего, речь идет о том, является ли она моно- или полипарадигмальной отраслью знаний. В литературе ставится вопрос и о метапарадигмальности социологии, понимаемой как высокий уровень обобщения, который «предполагает вынесение за скобки не только особенностей научных школ, но и особых парадигм» [5, с. 13]. Из существующих метапарадигм наиболее адекватной сов-

ременной социальной реальности представляется деятельностно-активистская. Она, ставя акцент на деятельности социальных агентов, не отрицая объективные закономерности, роль структур и институтов, позволяет проанализировать процесс становления субъектно-объектных отношений в различных социальных системах и осуществить синтез макро-, мезо- и микротеорий. Данная метапарадигма по существу тяготеет к марксистскому пониманию истории. Последнее, как известно, гласит: «Люди сами делают свою историю, но они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [6, с. 119].

Особое значение в обосновании указанной метапарадигмы приобретает трактовка деятельности, которая имеет множество вариантов. Среди них следует выделить два крайних взгляда: один низводит ее до ничтожно малой величины, делая упор на объективных обстоятельствах, которые, дескать, полностью определяют характер и содержание деятельности людей. Отсюда неизбежное вытеснение ее на периферию внимания социологов. Другой — наоборот, отрывает деятельность от объективных предпосылок, условий и средств, объясняя ее протекание исключительно свойствами субъекта, подчас сводя их к биологическим и психологическим основаниям. Так, постмодернизм стремится объяснить человеческую активность устойчивыми, неизменными природными инстинктами. В действительности же она имеет двойную детерминацию, определяется и объективными, и субъективными факторами, соотношение между которыми носит исторический характер. Если воспользоваться типологией идеальных типов действий М. Вебера, то можно утверждать, что переход от традиционной к ценностно-рациональной и от нее к целерациональной деятельности означает возрастание субъектного начала. Деятельность в общем виде определяется как специфическая форма отношения человека к окружающему миру и самому себе, выражающуюся в целесообразном изменении и преобразовании мира и самого человека. Она представляет собой процесс, включающий цель, средства и результат. Социологию интересует не конкретное содержание различных видов деятельности, а их социальная форма, через которую проявляется социальное взаимодействие между людьми. В этом отношении особое значение приобретает ее направленность, проявляющаяся в целях, средствах и результатах.

Деятельность — важнейший, но не единственный вид социального взаимодействия. Поэтому ее нельзя рассматривать в отрыве от других его видов. Это положение нашло отражение в тезисе: социология изучает социальное взаимодействие. «К какой бы теории мы ни обратились, — отмечает В.А. Ядов, — социальные взаимодействия (отношения, интеракции, коммуникации) остаются основным предметом социологической теории» [5, с. 30].

Тем не менее, содержание и структура взаимодействия понимаются неоднозначно. Некоторые направления сводят его к одной форме или сфере. Так, например, согласно этнометодологии социальное взаимодействие — это главным образом речевое взаимодействие, а феноменологическая социология ограничивает его кругом повседневности. Представляется, что неизменными составляющими (видами) социального взаимодействия выступают отношения, общение, включающее в себя коммуникации, поведение и деятельность. Причем последней в нем принадлежит особая роль. Во-первых, она определяется тем, что от содержания и характера деятельности основных слоев общества зависит его сохранение, воспроизводство и развитие. Причина крушения многих государств кроется, в конечном счете, в деградации деятельности его граждан, в низкой заинтересованности людей в результатах своего труда, в отчуждении, в насаждении уравнительности. Один из наглядных примеров тому — судьба советского общества. Во-вторых, ведущая роль деятельности в социальном взаимодействии проявляется в том, что она оказывает существенное влияние на другие его виды. Если вновь воспользоваться типологией социальных действий Вебера и представить в виде полюсов диапазона деятельности традиционную и целерациональную ее виды, то можно предположить, что каждый из них обуславливает соответствующие крайности в отношениях (господство и подчинение, патернализм — равноправие, партнерство), в поведении (конформизм — самостоятельность), в общении (монолог — диалог, полилог).

Что же выступает в качестве предмета социологии? Согласно взглядам Конта, как отмечалось, общество является и объектом, и предметом данной науки. Такая трактовка — дань синкретизму, уходящему своими корнями в философию. Подобное понимание предмета социологии имеет место и в наши дни. Однако оно ведет к дублированию социологией других наук и, следовательно, к утрате

ею своей спецификой. Между тем практика и логика познания требуют дифференцированного подхода к обществу, ко все большему расчленению его на отдельные сферы и стороны — предметы различных наук. Отсюда идет поиск такого аспекта реальности, который не был бы «захвачен» другими дисциплинами. Не вдаваясь в их анализ, следует отметить: они ведут к тому, что реально сложившееся содержание социологии не укладывается в «прокрустово ложе», отводимое ему данными определениями. Происходит разрыв между предметом науки, ее содержанием как системой знаний и функциями. Поскольку ни один из названных подходов не дает удовлетворительного результата, то многие авторы уходят от решения данной проблемы в исследование частных вопросов. Однако последние вряд ли могут получить глубокое освещение при игнорировании предмета науки, который определяет специфику ее содержания.

В действительности идет процесс дифференциации как объективного, так и субъективного миров, что находит отражение в появлении новых и обогащении традиционных наук. Вместе с тем, и это весьма существенно, имеет место и интеграция данных миров. Она осуществляется через деятельность социальных субъектов, уровень развития которых зависит от состояния социальной структуры и становления гражданского общества. Тенденция, как представляется, здесь такова: посредством сознательной, целерациональной деятельности общности преобразуют в своих интересах разнообразные структуры и институты. Так, государство превращается в социальное государство, экономика — в социально ориентированное ведение хозяйства, бизнес — в деятельность, преследующую реализацию не только частных, но и общественных интересов. Все эти процессы сложны и противоречивы, их вспышки вызывают эйфорию на одних этапах, однако нередко гаснут, как показывает история, на других.

Преобразование различных компонентов реальности в предпосылки, условия и средства жизнедеятельности большинства во многом зависят от степени социальной интеграции общества, которая, в свою очередь, определяет его сферную и экологическую интеграцию. В этом плане можно констатировать: социальная поляризация современного российского общества привела к дезинтеграции, дисбалансу различных отраслей производства, к разбуханию топливно-энергетического комплекса в ущерб другим его секторам, к опас-

ности превращения страны в сырьевой придаток Запада. Необходимая диверсификация общественного производства до сих пор остается на уровне деклараций.

Что касается экологической интеграции, то ее крайне неудовлетворительное состояние также в значительной мере определяется огромным разрывом между верхами и остальной массой населения. Варварское отношение к природе (хищническая вырубка лесов, загрязнение почвы, водоемов и атмосферы, истребление ценных пород рыбы и редких животных) у одних слоев вызвано стремлением к наживе, к получению прибыли, чувством вседозволенности, у других — потерей работы, материальной нуждой, необходимостью выживания.

Проблема интеграции общества органично связана с содержанием и характером деятельности людей. Социологический анализ интеграции предполагает рассмотрение ее в виде определенного диапазона, полюсами которого выступают сверхинтеграция и дезинтеграция. Достижение ее оптимального состояния необходимо потому, что оно содействует консолидации общества, обретению им самоидентичности и, следовательно, способности к рациональной деятельности, обеспечивающей его сохранение и развитие. Ни сверхинтеграция, ни дезинтеграция не могут решать данную задачу. Первая потому, что ведет к принуждению, насилию, отчуждению результатов трудовой деятельности от одних слоев в пользу других — узких, элитарных групп. Вторая — в силу внутренней центробежной природы, абсолютизации отдельными индивидами, группами и корпорациями своих интересов в ущерб интересам всего общества. События текущего года в странах Северной Африки убедительно продемонстрировали всю негативность перехода от одной крайности к другой. Главное состоит в том, что и сверхинтеграция, и дезинтеграция общества в массовом масштабе ведут к отчуждению от индивидов и общностей родовой, целерациональной деятельности, сводя ее в первом случае к простому исполнению, во втором — к вседозволенности, попустительству и эгоизму, к попранию всех норм и ценностей.

Другая важнейшая характеристика деятельности общества, связанная с его социальной структурой, — степень занятости населения. Социальная поляризация общества чревата резким ее сокращением, снижением достигнутого уровня качества жизни широких

слоев, что, естественно, вызывает соответствующие их действия. В этом отношении показательны массовые акции протеста, одновременно охватившие американский континент, Европу, Азию и Австралию осенью текущего года. В 950 городах, 82 странах мира, люди вышли на улицы и площади, выступая против засилья финансовых структур, политики властей и поддерживаемого ими крупного капитала.

Теперь представим общество как предмет исследования социологии, имея в виду, что речь идет о высоком уровне обобщения, который в ее содержании трансформируется в дифференцированный и конкретный анализ. Видение общества сквозь призму социологии можно выразить следующим образом: объективные предпосылки, условия, средства, культура — социальная структура и институты, основные классы, слои и группы, их потребности, интересы, нормы и ценности — цели и жизненные стратегии — деятельность и ее совокупный результат. Последний в свою очередь направляется в разных пропорциях, с одной стороны, на удовлетворение потребностей и интересов различных общностей, с другой, — на совершенствование и обновление материально-технических и организационных предпосылок, условий и средств. Абсолютизация первого направления оборачивается отставанием от других стран, потерей конкурентоспособности, финансовыми кризисами, второго — снижением уровня жизни, истощением людских ресурсов, падением заинтересованности людей в результате своего труда.

Указанный подход дает целостное, специфически социологическое представление об обществе, в котором интеграция осуществляется в результате взаимодействия объективного и субъективно-миров. Распространенный в настоящее время сетевой анализ социальных явлений не может его заменить, ибо при всей своей важности носит частный характер. Социологическое видение общества дает целостное представление о нем, отличающееся от синкретической его трактовки как простой совокупности различных сфер. Оно ориентирует исследователей не только на описание отдельных явлений и процессов, но и на раскрытие связей, взаимодействий между ними, осуществляемых в результате деятельности социальных субъектов. Тем самым высвечивается онтологическая основа конструирования содержания социологии как системы знаний. И, наконец, что не менее важно, предлагаемый подход к

обществу способствует более глубокому и всестороннему раскрытию его структуры и динамики, которые кардинально меняются в современную эпоху. Главное заключается в том, что при данном взгляде на общество деятельность социальных субъектов ставится не впереди объективных предпосылок, условий и средств, структур и институтов, как в ряде других теорий, а позади них. Тем самым она рассматривается конкретно-исторически. Противоположное понимание на практике продемонстрировали, например, российские реформаторы 90-х гг. прошлого века. Они полагали, что крупные собственники, так же как и в период свободной конкуренции, будут развивать производство, расширять рабочие места и т. д. Однако, как известно, эти надежды не осуществились, ибо и условия, и люди были уже другие. Содержание социологии при данной трактовке приобретает действительно деятельностно-активистскую характеристику, ибо все ее специальные теории так или иначе, непосредственно или опосредованно, сопрягаются с деятельностью индивидов и общностей, становятся ее предпосылками, условиями, средствами. Социологию в этом случае можно представить в виде концентрических кругов, находящихся на разном расстоянии от центра теорий, которые наиболее полно выражают ее специфику. В данном отношении показательно включение в орбиту социологического видения фрагментов материального мира, ресурсного обеспечения жизнедеятельности, которому все больше уделяется внимания. Если традиционно на языке социологии вещи описывались как маркеры, знаки, индикаторы социальных явлений, то теперь такой подход все меньше удовлетворяет социологов, ибо зримая и осязаемая вещь не должна в конечном счете редуцироваться к нематериальной... социальной вещи [7, с. 9]. Она должна выступать и в качестве фактора деятельности индивидов, направленной на их сохранение, воспроизводство и развитие.

Социология как система знаний в своем развитии стремится к целостности, к более конкретному раскрытию связей и взаимодействий между объективным и субъективным мирами. Степень ее конкретности выражается в том, насколько полно она раскрывает и обосновывает виды деятельности, обеспечивающие жизнь индивидов и общества. Можно утверждать, что высшим видом социальной активности является целерациональная деятельность. Поэтому задача современной социологии — ее теоретическое обоснование

на макро-, мезо- и микроуровнях. Процесс экстенсивного развития данного вида деятельности сопряжен с утверждением демократических принципов, со становлением гражданского общества. Поскольку цель — центральное звено этой деятельности, то задача заключается в раскрытии ее связей и взаимодействий, во-первых, с потребностями, интересами, нормами и ценностями субъектов, с уровнем их социального развития, во-вторых, с наличными условиями и средствами и, в-третьих, с результатами. Степень совпадения результатов с целями обеспечивается постоянной корректировкой всех звеньев деятельности. Цели не могут рассматриваться абстрактно, в отрыве от других сторон реального мира, на что обращали внимание еще классики философии. Так, например, Гегель писал о том, что цель из абстрактного стремления становится конкретной только в связи со средствами, с выбранным способом действия.

Содержание социологии как системы знаний, доведенное до обоснования необходимых для сохранения, воспроизводства и развития общества видов деятельности, есть конкретное знание. Конечным критерием его конкретности выступает степень совпадения результатов с целями при условии, что практика осуществлялась на основе соответствующей теории. При этом следует отметить: при создании и реализации социальных проектов возникает проблема преодоления неопределенности, абстрактности относительно различных звеньев деятельности. Так, если иметь в виду ожидаемые результаты деятельности, полная неопределенность существует тогда, когда оценка вероятности получения желаемого результата невозможна вследствие неполноты или ненадежности информации, воздействия случайных событий, игнорирования существенных зависимостей. В этом плане имеют место две крайности в оценке социальной реальности. Одна — объективизм, игнорирующий роль индивидов и общностей как субъектов деятельности и, следовательно, ведущий к апологетике стихийности. Другая — субъективизм, ставящий цели без учета объективных условий и средств, что в конечном счете оборачивается утопизмом. Динамизм современного общества предполагает постоянную корректировку тактических и стратегических целей общества, способов и средств их реализации, осуществляемую через обратные связи. В российском обществе в целях их усиления созданы Общественная палата, Общероссийский народный фронт (ОНФ), идет речь о формировании «большого

правительства». Однако, как показывает практика, эти образования представляют собой скорее квазиинституты, им не удастся существенно приблизить реальную политику к интересам большинства. В данном плане поучителен опыт ряда европейских стран, в которых импульс обратным связям задается вновь созданными и проходящими в результате выборов в государственные структуры партиями (например, «пираты», «зеленые» в Германии).

Трактовка общей социологии как теории социальной деятельности индивидов и общностей, направленной в конечном счете на их сохранение, воспроизводство и развитие, позволяет решить две важнейшие проблемы. Во-первых, она «высвечивает» специфику данной науки, которая в результате многократного расщепления предметного поля, быстрого роста разных теорий размывается и исчезает. Во-вторых, позволяет объединить на определенном уровне обобщения весь гносеологический материал, представить его как систему знаний и, следовательно, более четко раскрыть познавательные и социальные функции социологии. Попытки преодолеть мультипарадигмальность данной науки на другой основе до сих пор не увенчались успехом. Многие вновь возникающие концепции, например теория рисков, носят частный характер. Системное представление общей социологии не отрицает, а, наоборот, предполагает диверсификацию знания на других, низших уровнях, способствует решению проблемы когерентности, означающему преодолению разрыва между разными уровнями анализа социальной реальности. Оно выступает ориентиром, «компасом», не позволяющим заблудиться в огромном информационном пространстве, не превратить в силу той или иной научной моды периферийные и маргинальные проблемы в центральные.

Сказанное выше позволяет сравнить социологию с медициной, учитывая, что каждая аналогия, как гласит немецкая поговорка, «хромает». Задача медицины заключается не только в исследовании, диагностировании и лечении человека, но и в том, чтобы осуществлять профилактику, предупреждать заболевания. Медицина в узком смысле слова, следовательно, трансформируется в более широкую область деятельности — здравоохранение, где основной категорией становится не болезнь, а здоровье [8].

Нечто подобное происходит и в социологии. В значительной мере она формировалась как теория девиантного поведения и дея-

тельности. Эта тематика остается крайне актуальной и в настоящее время, свидетельством чему служит количество негативных отклонений в современном российском обществе. Вместе с тем социология, как представляется, по своей сути призвана исследовать общество и давать рекомендации политикам, социальным работникам и другим категориям не только по минимизации негативных отклонений, но и по созданию таких предпосылок, условий и средств, которые предупреждали бы их распространение в обществе. В противном случае приходится вести борьбу не с причинами девиаций, а с их следствиями. Происходит, таким образом, как и в здравоохранении, расширение предметного поля социологии и, следовательно, возрастание ее познавательных и социальных функций. Однако при этом специфика данной науки не размывается, а приобретает новую форму. Здесь возникает проблема обоснования гуманистических норм и ценностей, вокруг которых происходит кристаллизация гносеологического материала и на основе которых формируются цели и жизненные стратегии, подлежащие практической реализации. В данном отношении показателен индекс развития человеческого потенциала, разработанный специалистами ООН и широко применяемый для оценки уровня развития различных стран. Таким образом, раскрытие специфики социологии предполагает исследование процесса ее становления, тех объективных условий, которые вызвали объективную потребность в данной отрасли знания. Тем самым подтверждается положение Гегеля о том, что зрелое явление можно понять на основе анализа его генезиса и тенденции предшествующего развития. Действительно, обращение к истокам социологии проясняет как ее нынешнее состояние, так и ближайшие перспективы. По мере экстенсивного и интенсивного развертывания сознательной, целерациональной деятельности людей предъявляются все большие требования к социологии как ее теории — здесь находится основной импульс для ее развития. Вместе с тем нельзя не вспомнить и не менее знаменитый тезис Маркса о том, что ключ к анатомии обезьяны лежит в анатомии человека. Применительно к рассматриваемой проблеме это означает: уяснение специфики социологии позволяет более четко дать периодизацию ее становления, разграничить предысторию и собственно историю. Социальные учения, существовавшие до середины XIX века, обладали определенной степенью социологичности, но она была столь мала, что

не давала оснований для их характеристики как социологических в собственном смысле слова. Различные стороны и сферы общественной жизни в силу их недостаточной зрелости не могли быть сознательно и в широком масштабе превращены в предпосылки, условия и средства деятельности по сохранению и развитию личности и общества. Отсюда акцент на объективных детерминантах бытия, принимающих форму то космоса (античность), то бога (средневековье), то государства и рынка в более поздние эпохи.

Представляют интерес в данном отношении и многочисленные утопические доктрины XVI—XIX вв. В них, как известно, выдвигались такие проекты и цели, для реализации которых не было ни необходимых условий и средств, ни соответствующих исполнителей. Все это свидетельствует о том, что сознательная, социально-ориентированная деятельность определенных общностей — результат исторического развития, который в теоретической форме нашел выражение в социологии. Характерная черта последней — не только описание существующего, но и прогнозирование, устремленность в будущее. Поэтому утрата современной социологией этой проективной функции, в известной степени сопряженной с утопизмом, вызывает у ряда социологов чувство сожаления. Так, Э. Гидденс, обращаясь к социологам, пишет: «Больше нет утопических проектов, которые придали бы направленность социальным реформам и мотивирующим их идеям» [9]. «Весь проект утопии, — отмечает Дж. Александер, — напротив, нужно понять шире и в принципе иначе», — а именно как постоянно «ремонтируемое» гражданское общество [10, с. 4].

Исторические волны и зигзаги, ведущие к ограничению и деформации целерациональной деятельности то ли в форме государственного социализма, административно-командной системы, то ли в виде реалий рыночного фундаментализма вытесняют на периферию научного знания социологию. Весьма близок к такому пониманию ситуации Гидденс, когда он говорит в упоминаемом выше обращении о снижении статуса социологии под воздействием экономизма и чрезмерной дробности социологического знания. Предлагаемая трактовка социологии делает более прозрачной и широко обсуждаемую проблему ее практической востребованности. В конечном счете, потребность в данной науке определяется содержанием и характером сознательной, целенаправленной деятельности на

разных уровнях. Явное преобладание частных интересов над общими, сиюминутных над долговременными, потребительства над созданием, индивидуализма над коллективизмом — все это отодвигает на периферию научный анализ общества и тенденций его развития, процесс формирования субъектов, посредством деятельности которых они могут быть реализованы. Расхождение выдвигаемых целей и результатов — характерная черта нашей жизни. Не случайно получила широкий резонанс черномырдинская фраза: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Бюрократизация общественной жизни, отстранение широких слоев от активной и самостоятельной деятельности, превращение их в исполнителей чужой воли фиксируется многими социологами. Так, например, Е. Омельченко пишет: «В каждом своем исследовании мы сталкиваемся с множеством молчащих (немых), неслышащих (глухих), невидимых и слепых групп. Никто, кроме нас, не может (да и не хочет) помочь им заговорить, услышать, сделать их видимыми и зрячими» [11, с. 84]. Многие группы и общности в российском обществе не способны даже инициировать обсуждение проблем, не говоря уже о возможности бороться за их решение. Происходит утрата жизненной активности значительной части населения, ее способности к целенаправленной деятельности. Россия, по словам известного экономиста А. Аузана, превращается в страну менеджеров, охранников, мигрантов, пенсионеров. Между тем процесс сохранения, а тем более развития, и человека, и общества в современных условиях может быть обеспечен не иначе, как посредством социально ориентированной целерациональной деятельности, в которой все более заметную роль играют ее инновационные формы. Социология как теория деятельности должна сказать свое веское слово политикам и общественности, не дожидаясь стихийных взрывов, которые волнами прокатываются по миру, захватывая не только развивающиеся, но, что весьма существенно, и развитые страны.

Литература

1. История теоретической социологии. Т. 1. (Предыстория социологии и первые программы науки об обществе). М., 1995.
2. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.

3. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в пяти томах. Т. III. М., 1957.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Т. 3.
5. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российской трансформации: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. СПб., 2009.
6. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Соч. Т. 8.
7. Вахштейн В. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей. М., 2006.
8. Ерохин В.Г. Деятельностный подход к теоретизации медицины // Вопросы философии. 1984. № 1.
9. Гидденс Э. К социологическому сообществу! // Социологические исследования. 2007. № 9.
10. Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования. 2002. № 10.
11. Омельченко Е. Для кого и для чего сегодня существует социология в России // Общественная роль социологии. М., 2008.

В.И. Бочкарева

АКТУАЛЬНОСТЬ НАСЛЕДИЯ КЛАССИКОВ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Наследие отечественной социологии не утратило своей актуальности для понимания и изучения процессов современного российского общества, и нельзя считать, что социология пореформенного периода (середины XIX — начала XX века) никак не соотносится с состоянием пореформенной России сегодня. Это связано прежде всего с тем, что процесс развития как дореволюционной, так и современной социологии происходил и происходит в условиях радикального преобразования всех сфер жизнедеятельности общества — социальной, экономической, политической, правовой.

На этом фоне проявляется относительная устойчивость некоторых фундаментальных проблем, которые требовали тогда и требуют сейчас своего изучения, поэтому сохраняется и преемственность в исследовании проблем, общих для дореволюционной и для современной России.

При всем историческом и культурном своеобразии России, специфике ее социальных форм и институтов (что свойственно любой стране) все трансформации в ней середины XIX — начала XX века осуществлялись в соответствии с модернизационными процессами в европейских странах. Не случайно «юрист-социолог» А.Д. Градовский, известный в России работами по истории права, определял общую направленность проводимых в стране реформ «по европейской дороге» и выступал против «гордыни особой самобытности» России: «Каждый народ — французский, английский, итальянский, немецкий и т. д., есть народ “особенный”, в том смысле, что каждый из них образует самостоятельную и самобытную личность» [1, с. 70]. Однако при этом нельзя игнорировать такой элемент «бытия человека», как его легитимную и законную возможность реализовать себя в жизни, проявить свои способности в деятельности («во внешних актах»). «Личность, — подчеркивает Градовский, — получает действительное практическое значение в обществе, когда она возводится на степень лица (persona), а лицо образуется через сово-

купность законных прав, обеспечивающих материальную и духовную жизнь человека». И он делает вывод: «Итак, нет личности без права, нет и права без личности, а без того и другого нет общества, а есть только стадо» [1, с. 73].

Социальные изменения, происходившие в стране, определялись тенденцией развития гражданского общества и правового государства. Реалии пореформенной России середины XIX — начала XX века требовали практического решения таких проблем, как «перестройка всего государственного здания» [2, с. 245], перераспределения властных полномочий между государством и обществом, развития предпринимательства, активизации рационального личностного начала. Решение этих проблем было связано с мобилизацией трудовых, интеллектуальных, организационных, правовых, информационных ресурсов, с реализацией инициативного личностного начала.

«Частная инициатива» и рациональная самоорганизация населения стали проявлять себя во всех областях общественной жизни: в развитии предпринимательства (крупного, среднего, мелкого); в миграционных процессах, в «отходе»; в создании партий, союзов, сообществ (научных, профессиональных, потребительских, страховых и др.); в информационной, издательской деятельности (книжной, журнальной, газетной); в образовании (в появлении частных и общественных школ, в автономии университетов).

Активизировалось и «юридическое производство» на уровне горизонтального взаимодействия (при заключении договорных отношений, разработке уставов университетов, кооперативных организаций, потребительских обществ, политических партий, страховых касс и т. д.). Все эти процессы опровергали и господствующее стереотипное мнение об отсутствии в ментальности российского народа способности к самоорганизации, об отсутствии в народе инициативных «юридических начал» (Н.И. Кареев) и его исключительной приверженности общине.

Так, известный в России экономист, социолог, земский деятель Н.А. Карышев в своем исследовании «Труд, его роль и условия приложения в производстве» (1897 г.) приводит факты «предприимчивости» крестьян по созданию «договорных семей» между близкими и дальними родственниками. При этом оговаривались «сроки их соединения» для совместного ведения хозяйства и в этих случаях все чаще практиковалось даже заключение письменных договоров.

Реалиям пореформенной России соответствовали социологические исследования и на эмпирическом, и на теоретическом уровне, в том числе и по «большим проблемам» российского общества: преступности, включая и детскую преступность, коррупции (в форме взятки), положения рабочего класса, самоубийств, хулиганства, алкоголизма, проституции и др. [5, с. 141–294].

Что касается отечественной теоретической социологии, то она по своей проблематике была интегрирована в общий процесс развития мировой социологии. Иванов-Разумник, анализируя процесс развития социологии в России, подчеркивал, что социология как наука «едина и нераздельна» и «не может быть русской или немецкой социологии, так же как русской или немецкой арифметики» [3, с. 52].

«Специфической» чертой отечественной социологической теории стала разработка концепции активно действующих социальных субъектов взаимодействия (в современной социологии «деятельностно-активистский подход»). Особенно ярко это нашло свое выражение в теории «борьбы за индивидуальность» (по терминологии Н.К. Михайловского, и «личностной», и «общественной»), в теории «борьбы за среду» (С.Н. Южакова) и в разработке российскими «юристами-социологами» теории «борьбы за право» (физическими и формальными, юридическими лицами).

Сама проблема, которую в отечественной социологии называли «принципом личности», анализировалась в рамках таких тем социологической теории (которые остаются актуальными и сегодня), как: специфика объекта социологии (социального, социокультурного, «надорганического» мира), методология социологии, статус культуры в системе социологического знания, феномен жестокости (как «социальный факт коллективной безнравственности») в цивилизационном процессе, политика правового государства, основанная на принципах свободы, «юридического субъективизма» и «безусловной ценности личности», и др.

Реализация в социальной практике принципа «безусловной ценности личности», по мнению российских «юристов-социологов», возможна только в результате «долгой, упорной и систематической борьбы». Так, Б.А. Кистяковский особо выделял значимость такой борьбы: «Сама эта борьба должна вестись планомерно, последовательно, целесообразно и разносторонне. Нужно бороться за

осуществление всех видов субъективных прав и свобод, а не одного какого-нибудь вида. Прежде всего, каждый должен отстаивать свои права на том месте, на которое его поставила жизнь, и проводить принцип свободы в той сфере деятельности, в которой он работает. Затем особенно важна совместная и коллективная борьба за общие свободы. Поэтому такое громадное значение имеет свобода союзов... для устойчивости свободных форм жизни необходимо существование и развитие всех видов союзов, а не только политических партий, как думают некоторые. Не надо смущаться препятствиями и расхолаживаться неудачами, а неуклонно идти к цели — полному осуществлению свободы личности» [4, с. 558—559].

Современное звучание имеют и те негативные факторы, мешающие развитию страны, которые фиксировались российскими социологами на теоретическом и эмпирическом уровнях исследования — господство «вертикали власти», господство «административно-бюрократического усмотрения» и «административно-полицейской опеки», «правительственный педагогизм». Социолог Л.Е. Оболенский считал, что бюрократия и административная опека либо вызывают стихийный протест, либо «денационализируют народ» до состояния полного безразличия. Все эти факторы остаются злободневными и для нынешней России.

Литература

1. Градовский В.Д. Славянофильская теория государственности // Теория государства у славянофилов: Сб. ст. СПб., 1898.
2. Гурко В. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общество в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
3. Иванов-Разумник. ИНИЦИАЛЫ? История русской общественной мысли. М., 1997. Т. 2.
4. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998.
5. См.: Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России: Избранные сочинения: В 2-х кн. Кн. 2.

Н.П. Кирсанова

СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Проблема политической коммуникации является одним из новых и достаточно популярных направлений в современной политической науке. Взаимодействие языка и политики имеет глубокие исторические корни. Уже в античный период такие выдающиеся философы, как Платон и Аристотель, обращались к данной проблеме. Так, например, аристотелевское определение человека как политического существа может быть адекватно понято лишь в сочетании с его определением человека как живого существа, обладающего речевой способностью. Способность к речевой деятельности является основной для политической деятельности. Во многом политика и политическое в целом проявляются через речь. Поэтому адекватное понимание политики невозможно без анализа политической речи как средства политической коммуникации.

В современной политической науке сложилось несколько подходов к понятию «политическая коммуникация». Среди них можно выделить следующие:

1. Политическая коммуникация — это непрерывный обмен политическими смыслами между индивидами и политическими силами общества с целью достижения согласия (Р.-Ж. Шварценберг) [6, с. 174].
2. Политическая коммуникация — весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое разное влияние на политику (Л. Пай).
3. Политическая коммуникация — это постоянный процесс передачи политической информации, посредством которого политические тексты циркулируют между различными элементами политической системы, а также между политической и социальными системами (Л.Р. Посикера) [3, с. 3].
4. Политическая коммуникация — это процесс обмена смыслами между политическими акторами, осуществляемый в ходе их формальных и неформальных взаимодействий [1, с. 214].

Политическая коммуникация выполняет важную функцию для политической системы. Как образно заметил Р.-Ж. Шварценберг,

политическая коммуникация для политической системы — «это то же, что кровообращение для организма человека» [6, с. 175].

В содержательном плане политическая коммуникация выполняет следующие функции в политической системе:

- информационную, т. е. распространение необходимой информации (в виде особых знаков, символов, значений) об элементах политической системы и их функционировании;
- регулятивную, т. е. регулирует деятельность между элементами политической системы посредством обмена информацией между ними, формирует политическое сознание группы и гражданина, общественного мнения в целом, способствует созданию социальных и политических стереотипов и мифов;
- политической социализации, т. е. способствует формированию знаний и убеждений, относящихся к правилам и нормам политической деятельности и политического поведения.

Для изучения политической коммуникации широко используют методы семиотического анализа (изучение дискурса-рамки), а также риторики и литературоведения (анализ конкретного дискурса-произведения). Соответственно, понятие дискурса рассматривается в двух аспектах. В первом значении он представляет собой фрагменты действительности, обладающие временной протяженностью, логикой развертывания (сюжетом) и представляющие собой законченное сочинение, сформированное на основе организации смыслов, например, в виде текста с использованием смыслового кода. Задача анализа здесь состоит в том, чтобы постичь эту внутреннюю логику явления и выявить способы, приемы, посредством которых сюжет конструируется и разворачивается в реальности. В качестве базовых понятий анализа используются такие понятия, как «дискурс-рамка» или «порождающая система» (Дж. Покок, Кв. Скиннер). Именно в этом значении имеет смысл говорить о дискурсе либерализма или консерватизма. Во втором значении речь может идти о конкретном дискурсе — дискурс-произведение, обладающее определенным сюжетом, например, дискурс выборов президента РФ 2012 г.

Представители другого, более узкого, подхода трактуют дискурс как особый вид коммуникации. «Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это ком-

муникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие, и т. д.» [5, с. 75].

Кроме двух основных можно выделить также интегративный подход, при котором происходит объединение двух предыдущих в одном концепте, и эта цель достигается посредством включения в понятие «дискурс» широкого круга социальных явлений. В этом случае выделяются различные аспекты дискурса. Семиотический аспект включает в себя как «знаковые системы» (язык, жесты, образы, символические системы), так и формы знания, соответствующие определенному временному и социокультурному контексту. Деятельностный аспект дискурса представляет собой различные социальные действия, направленные на поддержание существующих знаковых систем и на создание новых смыслов. Материальный аспект представляет собой «окружающую среду» социального взаимодействия: время, место, условия. Политический аспект формирует и воспроизводит властные отношения в обществе. Выделение этого аспекта в качестве самостоятельного вытекает из понимания политики как особой сферы социальной жизни, связанной с феноменом власти, которая пронизывает все сферы и уровни социального взаимодействия. Социокультурный аспект дискурса представляет собой взаимодействие персонального, социального и культурного знания, ценностей, идентичностей, включающее в себя знание о «знаковых системах», социальных и политических действиях, материальном мире [10, с. 13].

Одним из преимуществ данного подхода является выделение политического аспекта дискурса, который акцентирует внимание на формировании, проявлении и воспроизводстве властных отношений в обществе.

По мнению российского ученого М.В. Ильина, главный и единственный предмет политического дискурс-анализа — «это политика как семиотическое явление, как осмысленное взаимодействие ради целедостижения. В этом своем качестве политика становится общением, коммуникацией, а потому и “языком” своего рода, но отнюдь не совпадающим с естественными человеческими языками» [2, с. 11].

Следовательно, дискурс-анализ собственно политического предмета есть исследование коммуникативных взаимодействий между людьми по поводу целедостижения с помощью циркуляции

власти как символического посредника такого взаимодействия. В прагматическом плане подобное исследование можно охарактеризовать как изучение «сюжетов» и, шире, «драматургии» политики. В этом плане дискурс-анализ политической коммуникации может быть тесным образом связан с анализом речевого общения в рамках микросоциологии Э. Гоффмана, Г. Гарфинкеля, А. Сикуреля и т. д.

Подобные «драматургии» могут оказаться не только мелко-масштабными, сводимыми, скажем, к интригам политических антагонистов или борьбе кланов, но и крупномасштабными, включающими многовековые «истории» политического развития.

Определяя политику как семиотическое явление, как осмысленное взаимодействие ради целедостижения, мы тем самым выводим ее на качественно иной уровень, уровень коммуникации, общения, ставя знак приближенного равенства между собственно коммуникацией и политической сферой.

Применительно к семиотическому пространству политического дискурса мы можем говорить о системе знаков, ориентированных на обслуживание сферы политической коммуникации. Политика это не только то, что находится на поверхности. Она отражает более глубокую социальную действительность. Политика есть определенный порядок организация общества, устанавливаемый в процессе борьбы между определенными дискурсами, которые воспроизводят акторы, поддерживающие различные способы организации общества, ради достижения своего господства.

Говоря о семиотическом пространстве политической коммуникации, можно выделить несколько своеобразных «языков»: помимо вербальных знаков существенное значение приобретают политическая символика и эмблематика, семиотика зданий или, шире, семиотика пространства. В политическом пространстве знаковый статус приобретает и сама фигура политика, и определенные поведенческие моменты, так называемые «знаковые действия». Здесь уместно привести цитату из книги К. Хадсона «Язык современной политики»: «Язык политики не сводится только к словам. То, что политики считают значимым или незначимым, так или иначе находит отражение в стили жизни нации. Политика — это одежда, еда, жилище, развлечения, литература, кино и отпуск — в такой же мере, как речи и статьи. Бутылочка с приправой на обеденном столе сэра Гарольда Вильсона в резиденции на Даунинг-стрит, 10 была частью

языка лейбористов в течение его срока пребывания у власти, с ее помощью он как бы публично заявлял, что предпочитает разделять вкусы простых людей и избегает элитизма. Никакие слова не могли бы лучше выразить эту мысль» [11, с. 19].

Таким образом, под семиотическим пространством политической коммуникации будем понимать систему знаков, ориентированных на обслуживание сферы политической коммуникации. В семантике этих знаков отражается реальность мира политики, интерпретированная тем или иным лингвокультурным сообществом.

Структурирование семиотического пространства политической коммуникации может быть проведено по различным основаниям. Наиболее значимыми выступают следующие параметры: оппозиция в плане выражения (вербальные — невербальные знаки), оппозиция по коннотативной маркированности (нейтральная и коннотативно нагруженная лексика), оппозиция по характеру референции (кто именно выступает референтом? С одной стороны, референтом выступает объект действительности, соотносимый с языковой единицей, а с другой — субъект дискурса), оппозиция по функциональной направленности (знаки агональности, ориентации, интеграции).

Семиотическое пространство политического дискурса формируется знаками разной природы: вербальными, невербальными и смешанными. К вербальным знакам относятся слова и устойчивые словосочетания, прецедентные высказывания и тексты (политическая афористика), к невербальным — флаги, эмблемы, портреты, бюсты, здания, символические действия и, наконец, знаковые или символические личности — сами политики. К смешанным знакам принадлежат гимн (сочетание поэтического текста и музыки) и герб (сочетание геральдических символов и вербального девиза).

Все эти типы символики и организуют политическое пространство конкретного общества. Этот процесс и будет характеризовать синтактику данных символов (т. е. взаимодействие внутри системы), в свою очередь, связанную с прагматикой и семантикой. Однако в случае с политическими символами, разумеется, нет той строгости в сочетании элементов, которая наблюдается, например, в языке.

Если говорить о знаковой политической комбинаторике, то следует отметить, что политические символы как бы «тянутся» друг к другу, нужно только умело их соединять. Например, поли-

тические манифестации обычно приурочены к какой-то памятной дате, проводятся возле значительных скульптурно-архитектурных ансамблей, с использованием наглядно-агитационных и ритуально-процессуальных средств, музыки, транспарантов с условно-графической символикой и т. д. Такая обстановка благоприятствует внедрению в сознание людей символических форм идеологии и, следовательно, рекрутированию новых членов в те или иные организации. При этом, как и язык, политическая символика выполняет функции коммуникации и социализации. Кроме того, таким образом осуществляются функции создания понятийных структур и даже иллюзий. Ведь важнейшее предназначение политической символики — собирать «под свои знамена» как можно больше людей, ориентируя их на цели данной организации. Тем самым лишний раз доказывается, что символика — это всего лишь инструмент для политики, но инструмент очень ценный, а задача — научиться грамотно им пользоваться и совершенствовать его.

Существуют два класса символов, используемых в вербальном политическом дискурсе: референтные (*referential symbols*) и конденсационные (*condensation symbols*) [9, с. 6–7].

Референтные символы указывают на частные или общие категории объектов, какими бы ни были эти объекты — физическими, социальными или абстрактными. Референтные символы имеют указывающие значения, смыслы, которые связывают символ с его референтом. Такие знаки способствуют логическому осмыслению ситуации.

Конденсационные символы вызывают сильную аффективную реакцию, которая ассоциируется с обозначаемой реалией. Они концентрируют в себе патриотическую гордость, память о прошлой славе или унижении, тревогу и беспокойство, и т. п. Конденсационные символы имеют более подразумевающее, сопутствующее значение, чем денотационный смысл.

Г. Лассуэлл еще в 1949 г. предложил разграничивать в политическом дискурсе два пласта знаков, текстов, событий, обращенных к чувственно-эмоциональным и рационально-логическим основам политической деятельности.

Первый, *Miranda* («чудесное») — все, что связано с чувствами, ориентировано на политическую мифологию, склонно вызвать восхищение и энтузиазм, укреплять веру и лояльность. К сфере *Miranda*

относятся гимны и флаги, торжественные церемонии, национальные герои и окружающие их легенды.

Второй пласт Г. Лассуэлл называет *Credenda* («символ веры») — политическая доктрина, все то, что относится к области логики, мнений и убеждений, касающихся проявлений политической власти в обществе. Наиболее ярко этот слой политического дискурса проявляется в конституциях, хартиях, официальных декларациях и пр. [13, с. 3].

В семиотическом пространстве политической коммуникации особое место занимает знаковая сущность политика, и прежде всего политика как главы государства. Именно по отношению к этому знаку организуются и выстраиваются в порядок все иные знаковые сущности других политиков. Глава государства, образно говоря, как Гринвич, является своеобразной точкой отсчета в рамках национального политического пространства, по отношению к которому определяется местоположение всех других политиков.

Знаковая сущность политика проявляется также в следующих аспектах.

Во-первых, политик как представитель группы, как метонимический знак, замещающий группу. С этой функцией связана персонализация политических партий и движений — их в современной России так много, что названия перестают выполнять идентифицирующую функцию, тогда как по именам лидеров они легко опознаются. Будучи представителем политической группы, политик одновременно предстает и как символ определенных политических взглядов, концепций, направлений. Эта знаковая связь наиболее явно проявляется в предложениях тождества типа: Горбачев — это перестройка и гласность; Гайдар — это реформы.

Во-вторых, политик как актер, как исполнитель роли (в театральном, а не социолингвистическом понимании), сам создает свой имидж или подыгрывает тому имиджу, который для него разработан. Ролевой образ является воплощением определенных черт внешности и поведения (царь, оракул, царедворец, каскадер, вундеркинд, строптивец и т. д.). Назовем наиболее узнаваемые «маски» в современном политическом дискурсе: клоун (Жириновский), крепкий хозяйственник, смекалистый, работающий мужик (Лужков), режущий правду-матку, грубоватый, бескомпромиссный вояка (Лебедь), студент-отличник, пай-мальчик (Кириенко), царь (Ельцин).

В-третьих, политик как носитель определенной политической функции: серый кардинал, страшилка, тень, экономический диктатор, деспот второй номер, выдвигенец, опытный хозяйственник.

В четвертых, политик как воплощение психологического архетипа. Психологи и психоаналитики подчеркивают значимость подсознания в восприятии массами имиджа политика. При недостаточном знании восприятие образа политика происходит с опорой на архетипы, концентрирующие в себе древний опыт человечества в области сексуальных и семейных отношений: старший брат, постылый муж, коварный обольститель, жестокий отчим, строгий отец и т. д. [7, с. 6].

Но не только физическое тело политика и его перемещение в физическом пространстве представляет научный интерес. С точки зрения семиотического анализа политической коммуникации представляет интерес процесс замены физического символа его репрезентацией в социальном пространстве.

Замена физического символизма репрезентацией предполагает подмену физического присутствия незаменимого тела его изображением. Кроме того, в отличие от символа, который действует в режиме непосредственной близости, репрезентация всегда предполагает дистанцию, расстояние. Поэтому для репрезентации характерно противостояние объекта и наблюдателя, которое не характерно для символа. Репрезентативная система является коммуникативным конструктом и по большей части имеет социально структурный характер. Так, например, в период Средних веков в Европе королевское тело-символ считалось носителем силы, которая самым непосредственным, магическим образом воздействует на людей, например, вылечивая их или придавая им силы в бою. При этом тело короля в некоторых случаях могло быть заменено реликвиями, наделенными точно такой же магической энергией [8, с. 91].

Аналогичным образом и сегодня — портрет главы государства, расположенный в кабинете чиновников, выполняет роль символического источника государственной мудрости, придающего уверенность в принятии политических решений.

Следует обратить внимание на то, что российский политический дискурс очень внимателен к знакам телесности. Власть объективируется в коммуникативной вязи плотских метонимий («фигур», «лиц», «правых рук»), смена политического стиля ощущается как

смена жеста, а физическое состояние главы государства привычно интерпретируется как состояние самой власти.

Отношение к знаку принципиально для анализа политического тела, которое аккумулирует семиотический потенциал персоны власти. Оно существует на пересечении элементов физического и символического ряда, экзистирующих подлинность и идентичность данного персонажа в системе политических отношений. Объективируясь в континууме «телесное-вербальное», политическое тело оказывается дискурсивной производной власти и одновременно плацдармом политической коммуникации. Присутствие политического тела производит структурирующее воздействие на политическую реальность, а его отсутствие проступает в сигнификационной немощи политика.

Неслучайно нехватка политического тела Путина и проблематичность его участия в процессах семиотического обмена переживались как дефицит власти: фактурная идентичность, эмблематичный опыт или харизма политика неразрывно связаны с политическим телом и производны от него. Они задают субъективную достоверность отечественной власти, оказываются механизмами персонализирующего конструирования и воспроизводства российской политики и государственности.

Активное использование физических (в т. ч. возрастных) конструкторов в строительстве и экзистировании политического тела — характерная черта современной политической анатомии. При этом обеспечение реальностью политической персоны и ее активности за счет физического тела имеет свои издержки. Будучи единожды включено в политический процесс, физическое тело надолго становится убедительным маркером состояния власти. И потому беды тела природного, в отличие от средневековой политической анатомии, описанной Эрнстом Канторовичем [12], могут серьезно повредить телу политическому. Хвори телесные интерпретируются как слабость власти, неуклюжая походка наносит ущерб державному образу, а положение физического тела в пространстве расценивается как политическое действие. Например, вот какая оценка была дана поведению президента в ситуации с подводной лодкой «Курск»: «Что касается катастрофы в Баренцевом море, — писала газета «Русская мысль», — то тут поведение президента было попросту диким. Мирно отдыхать в Сочи, когда с “Курском” происходит такое, — это фантастика какая-то!» [4]. В телесности персоны

власти грань между физическим и политическим становится условной. В этом качественное отличие множественного тела президента от «двух тел короля». А еще в том, что брненное тело в условиях девальвации религиозных мифологем и деконструкции идеологий позволяет обрести и сакральную ипостась, и профанную версию «человека в повседневности».

Так получилось и с физическим телом президента: оно задействовано и в сакральном, и в профанном политическом конструировании. Физически сильный человек, борец и горнолыжник, в пространстве власти легко превращается в сильного политика, борца и защитника.

В заключение можно констатировать, что семиотический анализ политики является в российской политической науке новым, но перспективным направлением ее развития, открывающим новые возможности познания политической действительности.

Литература

1. *Анохина Н.В., Малаканова О.А.* Политическая коммуникация // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. М. 2001.
2. *Ильин М.В.* Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования: сб. науч. тр. М., 2002.
3. *Посикера Л.Р.* Политическая коммуникация в условиях избирательных кампаний. Анализ концепций и технология. Автореферат диссертации. М.: Рос. академия госслужбы при Президенте РФ, 1994.
4. «Русская мысль». 31.08.00.
5. *Толыгина О.А.* Дискурс и дискурс-анализ в политической науке // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования: сб. науч. тр. М., 2002.
6. *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология. М., 1992.
7. *Шейгал Е.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.
8. *Ямпольский М.* Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана. Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М., 2004.
9. *Edelman M.* The Symbolic Uses of Politics. Urbana, 1964.
10. *Gee J.P.* An Introduction to Discourse Analysis // Theory and Method. London: Routledge, 1999.
11. *Hudson K.* The Language of Modern Politics. L., 1978.
12. *Kantorowicz Ernst H.* Selected Studies. Locus Valley: J.J. Augustin, 1965.
13. *Lasswell H.* The Language of Power // Language of Politics: Studies in Quantative Semantics. Cambridge, Massachusetts, 1968.

И.С. Паутов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В настоящее время процессы трансформации в области технологии и экономики, которые зачастую описываются термином «модернизация», затрагивают в значительной степени и сферу социальных отношений, порождая новые формы неравенств — неравенства в доступе к информации, к качественным услугам образования, здравоохранения, неравенства в степени контроля за своей жизнью. Более материально обеспеченные и более информированные имеют возможность лучше контролировать свою жизнь, чем те, доступ которых к средствам производства (прежде всего к информации), к материальным и духовным благам ограничен.

Эти процессы вызвали рост уровня неопределенности в развитии социальных систем, что, в свою очередь, привело к резкому увеличению таких феноменов, как социальные риски, то есть вероятность наступления тех или иных масштабных негативных событий, которые затрагивают общество в целом или крупные социальные группы и общности. Эта ситуация прервала тенденцию к устойчивому социальному развитию, которая наметилась в западных обществах (в Европе, Северной Америке, Японии, отчасти в СССР) во второй половине XX века. Современные исследователи все чаще обозначают идеал развития современного общества не как «стабильность роста», а как «минимизация риска» [2, с. 17]. Термин «социальный риск» стал элементом анализа ситуации, которая отличается высокой долей неопределенности индивидуального и социального развития, вследствие воздействия множества факторов на социальную реальность.

Эта ситуация с неизбежностью должна привести к изменению парадигмы социальной политики, трансформации «государства благосостояния», о чем пишут многие западные исследователи (Пьер Розанваллон, Госта Эспинг-Андерсен, Питер Тэйлор-Губи). В связи с ростом неопределенности, а также из-за растущей на систему обеспечения благосостояния в современном трансформационном обществе минимизация социальных рисков может стать

основой социальной политики на макро-, мезо- и микроуровнях. Следование традиционной модели государства благосостояния второй половины XX века при сокращении социальных обязательств можно уподобить попыткам «заполнить бреши в стене» социального благополучия, в то время как разработка и внедрение политики управления социальными рисками аналогична «укреплению стен во избежание таких брешей».

Несмотря на стремительный рост уровня неопределенности в течение последних 30 лет, феномен социальных рисков не является порождением XX века, а начало исследования тех феноменов, которые определяются сегодня как социальные риски, можно отнести к середине XIX столетия.

Обращение к проблематике социальных рисков в теоретической схеме марксизма

К первым исследователям социальных явлений, которые впоследствии были определены как социальные риски, следует, по нашему мнению, отнести основоположников марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса. Они связывали происхождение таких негативных социальных феноменов в среде рабочих, как высокая опасность производственного травматизма, «утрата здоровья из-за чрезмерной нагрузки, вредных условий труда», опасность попадания в состав «резервной армии труда» [7, с. 245–265] (то есть наступления безработицы), с накоплением изменений, связанных с капиталистическим способом производства, ростом классовых противоречий и развитием технической оснащенности предприятий. Впервые они были описаны Энгельсом в работе «Положение рабочего класса в Англии». Причем Энгельс обращал внимание не только на имеющиеся, но и на потенциальные проблемы, с которыми могут столкнуться рабочие, заложив, таким образом, основы эмпирической рискологии. Так, переход к индустриальному обществу — обществу «первого модерна» (по аналогии со «вторым модерном» Ульриха Бека) привел к первому обращению к проблематике рисков.

Для объяснения источника этих негативных тенденций Маркс использует категорию «отчуждения». Суть данного термина состоит в том, что в классовом обществе индивид «становится отчужденным от собственной деятельности и от продукта, который он производит. Его собственная деятельность и ее результат не воспринимают-

ся более как принадлежащие ему». Отчуждение, по Марксу, можно определить как основу социальных рисков: «отчуждение извращает отношения, связывающие человека с природой и социальным окружением, разрушает творчество и участие» [7, с. 217]. Человек испытывает недостаток творческой активности из-за монотонности труда, что приводит к отказу от управления собственной деятельностью, к пассивности. По Марксу, эффективная нейтрализация социальных рисков возможна в бесклассовом обществе на основе общественной собственности на средства производства.

Экономическая теория риска и ее значение для анализа социальных рисков

В 20-х гг. XX века начинают развиваться экономические исследования риска, в которых он трактуется как неизбежный элемент принятия хозяйственных решений. При принятии решения не всегда возможно получить полные и точные знания об отдаленной во времени среде реализации решения, о действующих или потенциально возможных внутренних и внешних факторах. Объективно существует неопределенность, имеющая место при принятии решений. Основной ее источник — неполнота, недостаточность наших знаний о процессах в экономической сфере. Неопределенность, в свою очередь, является основным фактором риска в экономической теории, т. к. она заключает в себе неразрешимое противоречие между планируемым и действительным результатом. Понимание неопределенности последствий принятия экономических решений как основного фактора риска было предложено немецким экономистом Йозефом Шумпетером в его работе «Теория экономического развития» и Фрэнком Найтом («Риск, неопределенность и прибыль»).

«Основной закон риска», разработанный в рамках экономической теории, гласит, что степень экономического риска прямо пропорциональна увеличению прибыли — более высокий риск связан с вероятностью извлечения более высокого дохода [14, с. 375]. Чем выше предполагаемая прибыль, тем более рискованным для предпринимателя является решение. В рамках данной парадигмы рассматривается, прежде всего, экономический риск в чистом виде, когда хозяйствующий субъект, принимая решение, подвергает опасности только свои внутренние ресурсы и возможную прибыль. Однако на практике зачастую возникает ситуация, когда предпри-

ниматель рискует не только внутренними ресурсами, но также ставит под угрозу социальное благополучие своих работников, потребителей своей продукции (при производстве продукции низкого качества для снижения ее себестоимости), других акторов, опосредованно связанных с его экономической деятельностью (вкладчики банка, в котором он берет кредит на развитие производства, акционеры его предприятия).

В такой ситуации чисто экономический риск переходит в социальный, и фактор неопределенности принятия экономических решений одним хозяйствующим субъектом начинает влиять на широкие массы населения. С этой позиции характеризует социальный риск Валентин Роик: «Рост степени риска — закономерный процесс, естественный в наших условиях (России середины 90-х гг.), своего рода “оборотная сторона” повышения экономической свободы» [10], свободы принятия экономических решений. Если рассматривать социальный риск с этой точки зрения, его можно определить как плату всего общества за стремление отдельных его членов к получению дополнительных прибылей.

Социология риска: основные идеи и направления

Исследование риска стало одним из ведущих направлений в европейской, американской и российской социологии в течение последних 20 лет. Анализу социальных рисков посвящены работы У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, О. Яницкого, А. Мозговой и других исследователей.

Западные и российские исследователи, работающие в русле «социологии риска», рассматривают данный феномен в современном обществе, прежде всего, как продукт новой, или «поздней», фазы модернизации. Высокая степень неопределенности, многовариантность развития общества потребовали поиска новой модели описания социальных процессов. Одной из таких моделей стала концепция социального риска, трактуемого как возможность наступления того или иного негативного или непрогнозируемого события. Мы не можем полностью достоверно предвидеть наступление такого события, но мы можем рассчитать большую или меньшую его вероятность с учетом действующих на систему факторов.

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу затронул все сферы общественной жизни, а не только производ-

ственную и экономическую, как было отмечено выше. Он повлиял на изменение социальной структуры, отношений в социуме, инициировал процессы глобализации, которые предполагают взаимосвязь и взаимозависимость различных стран, регионов, локальных сообществ и т. д. Побочными эффектами модернизации стали такие явления, как социальная, политическая и экономическая нестабильность, ухудшение экологической обстановки, изменение характера социальных взаимодействий. Несмотря на то, что в предшествующий период (60-70-е гг. XX века) развитые страны достигли относительно высокого уровня благосостояния, при переходе к информационному обществу им пришлось столкнуться с новой ситуацией, ситуацией неопределенности. В свою очередь, неопределенность породила опасность наступления социально значимых негативных событий, влияние которых испытывает не один индивид, а значительные по численности группы и общество в целом. Таким образом, современное общество превращается в «общество риска», идеалом которого является «не достижение благосостояния, а снижение уровня риска». В конце 80-х гг. XX века данные выводы стали предметом дискуссии, а опасения казались недостаточно обоснованными в связи с достигнутым в тот период высоким уровнем благосостояния. Однако сегодня, в условиях глобального кризиса, затронувшего все сферы социальной жизни, концепция риска как нельзя более точно описывает текущие процессы. Ведущий исследователь социальных рисков, автор термина «общество риска», Ульрих Бек считает, что рисков невозможно избежать, но можно снизить их негативные эффекты. Но для управления рисками, по мнению Бека, необходима выработка новой солидарности различных социальных групп и институтов. Он определяет риск как «еще не наступившее событие, которое активизирует действие» [2, с. 39].

Другой крупный социолог, обратившийся к исследованиям рисков, Э. Гидденс видит специфику современного общества в особом — онтологическом — статусе риска. Этот статус состоит не просто в увеличении рисков, а, прежде всего, в том, что «мышление в понятиях риска стало присуще как экспертному, так и массовому сознанию». Общество познает себя в категориях риска и необходимости выбора. При этом рисками чревата любая ситуация — бездействие так же рискованно, как и инновационное действие. Гидденс солидарен с Бекем, что риски — продукт жизнедеятельности

человека, а не внешней угрозы и порождаются институтами современного общества: «Мы живем в мире, где опасности, созданные нашими руками, не менее, а то и более серьезны, чем приходящие к нам извне» [18].

В работах Никласа Лумана риск также анализируется с онтологических позиций. По мнению исследователя, риск ставит под сомнение рациональную природу деятельности человека, поскольку анализ социального риска с точки зрения рационального поведения индивида, а значит, и возможности предсказания результатов социального действия, не вполне адекватен. Признавая продуктивность рационалистической традиции в понимании сущности риска, Н. Луман отмечает, что дихотомия «норма-отклонение» уже более не отражает специфику современного общества [5]. Специфика же современного общества, по его мнению, состоит в том, что зависимость будущего от принятия решений многократно возросла. Сейчас людей или организации можно определить как коренную причину перехода риска в стадию катастрофы. Основными категориями концепции Н. Лумана выступают коммуникация, масс-медиа, принятие решений. По мнению исследователя, идея о том, что риски могут быть объяснимы в терминах коммуникации [6], может быть базой для социологического анализа риска в современном обществе. Луман, в частности, считает важной причиной бедности плохие коммуникативные навыки наименее обеспеченных слоев населения. Таким образом, утверждает он, риск бедности возрастает из-за недостатка эффективной коммуникации в низших слоях общества.

Авторы концепции социальных рисков выделяют следующие основные черты рисков в современном обществе, «обществе второго модерна» (по определению У. Бека):

1. Универсализация риска — возможность глобальных бедствий, которые угрожают всем, независимо от социального положения, национальности, отношения к власти (ядерная война, экологическая катастрофа).
2. Глобализация риска, приобретающего необычайный размах: она зависит от комплекса факторов, затрагивая большие массы людей (финансовые риски, реагирующие на изменения политической ситуации в мировом масштабе; локальные конфликты, имеющие глобальные последствия; повышение цен на нефть и соперничество транснациональных корпораций).

3. Институционализация риска, т. е. появление организаций, принимающих его в качестве принципа собственного действия, основы для своей деятельности (рынки акций, страховые компании и др.).
4. Возникновение и усиление риска в результате побочных результатов человеческой деятельности — так называемый «эффект бумеранга» [2; 5; 16; 18].

Иной взгляд на проблему рисков предлагают сторонники «социокультурной теории», в частности, Мэри Дуглас, британский социолог и социальный антрополог. Ее основная работа — «Риск и культура» (1982), написанная в соавторстве с Аароном Вилдавски. Сторонники данной теории подчеркивают, что принимаемые индивидами представления и убеждения зависят от институтов, общества, сообщества, коллективных представлений [17]. Сущность «социокультурной теории» связана с объяснением генезиса коллективных представлений на основе аргументации функционализма: коллективные представления есть ненамеренные результаты индивидуальных действий. В качестве упрощенного примера Дуглас приводит распространенное в некоторых племенах убеждение, что измена жены может повлечь за собой определенные риски (например выкидыш). По мнению Мэри Дуглас, объяснить укорененность такого убеждения можно только ссылкой на то, что мужчины в данном обществе доминируют. Измена воспринимается как риск только в отношении женщин, ибо негативная будущая ситуация (выкидыш) касается только них, а у мужчин выкидыш невозможен. М. Дуглас подчеркивает, что речь не идет об обмане или своего рода «заговоре» мужчин против женщин. Просто имеет место бессознательный «отбор» таких убеждений, которые поддерживают существование специфических аспектов социальной структуры. Применительно к риску это означает, что отбор «значимых рисков» зависит от существующей формы социальной организации. «Каждое социальное образование акцентирует внимание на некоторых рисках, вынося другие за пределы видимости. Это культурное смещение является неотъемлемой частью социальной организации» [17, p. 8].

Социально-управленческий анализ: учет рисков в практике управления

Социально-управленческий анализ, в отличие от социологии риска, является практико-ориентированной отраслью социального

знания, направленной на поиск источников риска и анализ процессов его генерации с целью разработки системы мер по управлению тем или иным риском или группой рисков. Один из основных представителей данного направления, Ли Мерхофер, предлагает следующую схему генерации социальных рисков, состоящую из четырех этапов [19, р. 9]:

Опасность → Проявление → Эффекты → Оценивание

К естественным опасностям, по Мерхоферу, относятся природные катаклизмы, социальные опасности возникают в случае нарушения функционирования (дисфункций) социальных систем (технологических и социокультурных). Они могут возникать на различных уровнях. Межличностные взаимодействия (микроуровень), преступность (мезоуровень), ошибки в принятии политических решений (макроуровень) — такого рода опасности имеют разную степень влияния и распространения. Этот вывод подтверждает тезис о том, что любое социальное действие производится в условиях опасности, а значит — рискогенно.

Вторым этапом генерации риска становится момент проявления опасности. Моментом проявления в культурных рисках становится заболевание человека, возникновение массовых движений протеста, начало вооруженных действий. Тот факт, что некоторая опасность существует, не означает обязательно, что риск будет произведен. Есть множество опасностей, которые, никогда не проявившись, исчезают. Возникновению социальных опасностей предшествуют две стадии: 1) решение о создании потенциально опасного объекта — например, атомной станции (технологический тип опасности) или политической партии (культурный тип опасности); и 2) осознание этой опасности как рискогенной [19].

Решение о запрете строительства атомной станции может приниматься до принятия решения о самом строительстве. И не потому, что эта станция производит атомную электрическую энергию, а именно потому, что существует знание о негативных последствиях, о риске этого строительства.

Несколько иная ситуация в отношении социокультурных опасностей. В них, в отличие от опасностей технологических, неопределенность функционирования объекта выше. Поэтому решение об устранении источника социокультурных опасностей принимается *post factum*, после принятия решения о создании некоего источника

опасности либо после реализации этого решения (например, о введении некоей бюрократической процедуры, которая может привести к ухудшению социально-экономического положения ряда социальных групп).

Каждый из этапов генерации риска влияет на субъекты рискованной ситуации:

1. На «потребителей» риска.
2. На «производителей» риска.
3. На регулирующие агентства.

С одной стороны, потребители риска (рядовые граждане) часто не имеют информации для адекватной оценки степени риска, будь то экологическая авария либо принятие рискогенного политического решения. Они воспринимают это как данность. Именно в этом заключается проблема восприятия риска. Не случайно социологи указывают на повышение роли экспертного знания. С другой стороны, увеличивающаяся сложность и динамика социальных процессов дает основания не доверять экспертным оценкам. Производители риска, в свою очередь, не могут просчитать всех последствий решений (например, принятие решения о строительстве нового города или создание нового телевизионного канала). Механизмы производства риска скрыты в любом социальном действии и политическом решении. Посредниками между производителями риска и его потребителями выступают регулирующие агентства. Разработка новых законов, в отношении рискогенных объектов и ситуаций, санкции за нарушение существующих норм — все это становится расширяющейся ареной современной политической системы.

Другой исследователь, работающий в рамках данной парадигмы, Питер Тэйлор-Губи, разрабатывает концепцию модернизации государственной социальной политики на основе т. н. «новых социальных рисков». Он определяет их как «риски, с которыми люди стали в последнее время сталкиваться в ходе их жизни в результате экономических и социальных изменений, связанных с переходом к постиндустриальному обществу» [21]. Новые социальные риски, по мнению Тэйлора-Губи, наиболее остро проявляются для низкоквалифицированных женщин, испытывающих большие трудности в балансировании между работой и семьей, особенно в консервативных (Британия, Ирландия) и средиземноморских (Италия, Испания, Греция) странах. К этим странам можно отнести и Россию,

находящуюся в эпицентре модернизационных процессов. К новым рискам он относит:

- 1. Повышение доли женщин, вынужденных заниматься оплачиваемым трудом,** при одновременном сокращении соответствующего числа занятых мужчин. Так, по данным ОЭСР, доля мужской рабочей силы в странах ЕС упала с 89% в 1970 до 78% к 2001 г., в то время как процент участия женщин в экономической активности вырос с 45 до 61% за тот же период. Первый мощный двигатель этого процесса — потребность в двух «добытчиках» для поддержания достойного дохода семейства. Другая причина — рост требований большего равенства в доступе к образованию и независимой занятости женщин.
- 2. Увеличение абсолютной и относительной численности пожилых людей** имеет значение для социальной поддержки, а также для стоимости медицинского обслуживания и высоких пенсий в «государствах всеобщего благоденствия». Отношение пожилых людей к населению трудоспособного возраста в Европе сейчас составляет более 65%, а к 2030 г. вырастет до 73%.
- 3. Уход внутри семьи по-прежнему обеспечивается женщинами.** Женщины тратят вдвое больше времени на уход за детьми и пожилыми родственниками, чем мужчины. Традиционные требования ухода налагают двойное напряжение на женщин, ищущих оплаченную работу, и ставят задачу поиска содействия в альтернативных источниках — в частном секторе или государстве. Обязанности по уходу также воздействуют на занятости и на доходы. По данным исследований, риск бедности домохозяйств в ЕС, где только один партнер имеет оплачиваемую работу, в 4–6 раз выше, чем для семей, в которых работают оба супруга.
- 4. Структурные изменения рынка труда** укрепили связь между занятостью и образованием. Это связано с технической модернизацией производства, что уменьшило долю рабочих мест низкой квалификации в промышленности, а также с ростом масштабов и интенсивности международного соревнования, что позволяет развивающимся странам с низким уровнем оплаты труда использовать их сравнительное преимущество, чтобы привлечь производство из развитых стран. Это, в свою очередь, провоцирует риск социального исключения для лиц с недостаточным образованием. Люди с минимальным уровнем образования в 2,5 раза

вероятнее станут безработными по сравнению с выпускниками университета.

5. Расширение частных социальных услуг как результат попыток снизить расходы государства на социальную поддержку, чтобы смягчить давление рисков на «государство всеобщего благосостояния» старого типа. Хотя приватизация не является риском сама по себе, она может производить новые риски, если потребители соглашаются с неудовлетворяющим их выбором частных услуг или регулирование стандартов в частном секторе неэффективно. Переход к частному сектору чаще всего отмечается в сфере пенсионного обеспечения. Ряд стран также развивает частный сектор как одну из форм поддержки детей и пожилых людей.

Основные понятия современной концепции социальных рисков

Несмотря на существующие различия в интерпретации социальных рисков, во взглядах на их природу и проявления у представителей различных направлений, рассмотренных нами выше, мы можем выделить определенные общие критерии, по которым можно отнести то или иное событие к группе социальных рисков:

- вероятностный характер риска: негативное событие может произойти либо не произойти;
- наличие определенных факторов риска, т. е. условий, которые повышают или снижают степень опасности наступления данного события. Такие факторы могут быть индивидуальными, групповыми, либо социетальными;
- возможный ущерб для индивида, социальной группы и общества в результате реализации риска — ожидаемые последствия наступления того события, которого мы опасаемся. Этот ущерб не ограничивается прямыми результатами наступления события (например, ухудшение здоровья включает не только соматические или психические патологии), но имеет и косвенные последствия (потерю работы, появление конфликтов в семье, психологические проблемы);
- необходимость определенных усилий по минимизации риска. Он должен быть нейтрализован силами государства, общества, социальной группы, к которой принадлежит индивид, но и,

вместе с этим, усилиями со стороны самого индивида, подверженного риску.

На основе выделенных нами характерных черт социальных рисков мы можем предложить следующее определение этого социального феномена: социальный риск есть потенциальная возможность (опасность) наступления совокупности социально значимых негативных событий, которые вызывают определенный социальный, экономический и иной ущерб для данного индивида и общества в целом. Ситуация риска является социально опасной, затрагивает интересы различных групп населения (зачастую и общества в целом), требует проведения мероприятий по ее преодолению от общества, государства и самих индивидов.

Исходя из данной трактовки понятия «социальный риск», можно выделить ряд связанных с ним категорий [11]. Так, под *интенсивностью риска* понимается частота реализации опасности в некий промежуток времени, число рассматриваемых случаев (заболеваний, преступлений) в единицу времени, соотнесенное с численностью анализируемой группы. Наряду с этим понятием используется аналогичная категория «уровень риска». Понятие «*фактор риска*» трактуется как источник опасности, потери, ограничения социального благополучия и экономической самостоятельности человека. Схема оценки факторов риска включает их ранжирование на основе качественных и количественных сопоставлений. Категория «фактора социального риска» является ключевой в процессе исследования динамики уровня риска. *Оценка риска* есть определение вероятности причинения вреда, тяжести последствий; производится путем выявления факторов риска, их интенсивности, величины ущерба (некой совокупности показателей в результате реализации риска, которые можно подразделить на социальные и экономические).

Социальные показатели ущерба — это показатели последствий, вызывающих ограничения жизнедеятельности человека, приводящие к полной или частичной потере возможности осуществлять самостоятельную коммуникацию, самообслуживание, обучение, трудовую деятельность, передвижение, контроль над своим поведением по состоянию здоровья и (или) социально-экономическим обстоятельствам. К *экономическим показателям ущерба* следует отнести вынужденные затраты индивида, семьи, общества на компенсацию последствий реализации опасности, обусловленной соци-

альным риском. Социальные показатели помогают оценить уровень социальной защищенности людей, а экономические позволяют сопоставить уровни и значимость риска, возможности минимизации ущерба [11, с. 330].

Понятие «социальный риск» объединяет большее количество феноменов, различающихся по своим источникам и проявлениям, в связи с чем появилась необходимость разработки достаточно гибкой классификации социальных рисков. Примером ее может служить типология, предложенная Азиатским банком развития (Asian Development Bank), — она включает четыре макрогруппы социальных рисков, которые объединяют риски в зависимости от *сферы их проявления* [20]:

1. *Риски жизненного цикла* (lifecycle): к ним относятся замедленное развитие детей, заболевания, травмы, голод, старение, смерть.
2. *Социальные риски, связанные с экономическими отношениями* (economic): потеря источника существования, безработица, изменение цен на основные товары и услуги, экономический кризис / реформы.
3. *Экологические риски*, имеющие социальные последствия (environmental): засухи, наводнения, землетрясения, техногенные катастрофы.
4. *Социально-политические* (social/governance): политические перевороты, потеря социального статуса, социальная изоляция, коррупция, криминал.

Ли Мерхофер берет за основу классификации социальных рисков особенности источника опасности, потенциально способные повлиять на реализацию (проявление) риска. Так, им выделяются [19]:

- 1) риски вследствие опасного поведения индивида, направленного на себя;
- 2) риски вследствие опасного поведения индивида, подвергающего опасностям других;
- 3) риски, возникшие вследствие совместного производства опасностей (*cogeneration*): добровольные действия двух или более агентов, один из которых подвергается риску (например, в ситуации потребитель-производитель, где потребляется опасный продукт);
- 4) последствия производства — его нежелательные побочные исходы;

- 5) риски вследствие естественных процессов и катастроф;
- 6) опасности и риски как результат экономической активности;
- 7) риски как результат политических решений (связанные с политикой федерального правительства, региональных органов власти и местного самоуправления).

Другой вариант классификации рисков был предложен ярославским исследователем Виктором Мелиховским; в ее основу положен механизм генерации риска. Мелиховский выделяет три основные группы социальных рисков, подразделяющиеся на более частные. Три макрогруппы рисков, по Мелиховскому, состоят из более частных [8, с. 39]:

- 1) *чистые* (непредсказуемые форс-мажорные обстоятельства): природные стихийные бедствия, техногенные катастрофы, внезапные события в экономической, политической, военной и другой деятельности;
- 2) *административные* (обусловленные характером управленческих решений): ошибки в планировании и развитии социальных отношений; ошибки в определении приоритетов; нецелевое расходование бюджетных средств, хищение гуманитарной помощи; слабая правовая база регулирования социальных отношений;
- 3) *ситуационные* (связанные с текущим состоянием социальной сферы): недостаточное развитие социальной сферы; низкий уровень здоровья; низкая рождаемость, рост числа пожилых (повышение демографической нагрузки); девиантное поведение; нехватка учреждений социальной сферы.

В современной России социальные риски имеют свою специфику, которая отличается от описания рисков в западных странах. Это связано со сложностью процессов модернизации в нашей стране. По нашему мнению, российское общество можно определить как переходное в двух значениях:

- 1) переход от административно-командной системы советского периода и нерегулируемого рынка 1990-х гг. к частично регулируемой рыночной экономике (при сохранении множества неконтролируемых процессов);
- 2) попытки перехода от индустриального к постиндустриальному типу организации производства и экономики. В этих условиях предотвращение и нейтрализация последствий социальных рисков приобретают особое значение.

На основе серии исследований в области социальных страхов и опасений, В.Н. Шубкин предлагает следующую типологию тех рисков, к которым наиболее восприимчиво современное российское общество [13]:

1. Неожиданные, внезапные, непредсказуемые природные, экономические, политические бедствия.
2. Прогнозируемые специалистами экологические катастрофы (например, в результате постепенного разрушения среды обитания человека).
3. Социально-экономические потрясения длительного действия (например, глубокие реформации, революции и контрреволюции).
4. Бедствия, порождаемые враждебными внешними силами (так, некоторые международные организации, в частности НАТО, воспринимаются населением России как источник опасности для нашей страны).

Современный отечественный исследователь риска О.Н. Яницкий определяет Россию как «общество всеобщего риска». Предпосылками складывания такого общества выступает «запаздывающий характер риск-рефлексии» россиян, а также особенности российской модернизации, выделенные нами выше, из-за чего индивидуальное и массовое сознание не успевает адаптироваться к новым социальным условиям, угрозам и рискам [15; 16].

Риск-рефлексия происходит на нескольких уровнях, основными из которых являются:

1. *Уровень экспертного знания.* К данному уровню относятся оценки, которые претендуют на объективность анализа и не предполагают наличия каких-либо посторонних влияний, искажающих результаты экспертизы. На роль экспертного знания могут претендовать, например, данные официальной статистики, результаты специальных исследований и т. д. В частности, в сфере рисков, связанных со здоровьем, общество отводит особую роль медикам как носителям экспертного знания. В то же время, по результатам исследований [1, с. 130], в России происходит процесс утраты общего институционального доверия к экспертному медицинскому знанию.
2. *Восприятие риска его носителями,* то есть индивидами и социальными группами, которые подвергаются данному виду риска.

Это восприятие зависит, с одной стороны, от условий передачи экспертного знания от производителей к потребителям информации, а с другой — от особенностей распространения информации о рисках внутри так называемых «неформальных социальных сетей».

Таким образом, влияние экспертного анализа социального риска на его восприятие населением опосредовано деятельностью тех социальных институтов, которые осуществляют передачу «носителям риска» информации об уровне социальных рисков по результатам экспертной оценки. В ответ на это информационное воздействие у индивидов и социальных групп формируется восприятие этого риска, которое влияет на активность (либо неактивность) по его минимизации. Характер восприятия любого социального риска у каждого индивидуален, однако мы можем выделить три основных типа восприятия рисков:

1. Реалистическое восприятие: критическая оценка индивидом информации о социальных рисках, адаптация ее к своим повседневным практикам и выбор поведения, направленного на снижение вероятности ухудшения здоровья. Такой тип восприятия наиболее продуктивен и способен снизить уровень риска для индивида или социальной группы.
2. Повышенная тревожность: информация о вероятности наступления тех или иных негативных событий воспринимается индивидом без критического осмысления и адаптации к собственным условиям жизни. Такая оценка риска может возникать в некоторых случаях, например, при недостаточности информации о том, кто и в какой мере подвержен риску, при недоверии к экспертному знанию (или, напротив, при чрезмерном доверии). Зачастую она ведет к панике, принятию неадекватных решений либо к полному отказу от каких-либо действий, пассивности. Такой тип восприятия рисков был описан Э. Тоффлером в его работе «Футурошок». Футурошок, или «шок будущего», характеризуется внезапной, резкой утратой чувства реальности, вызванной страхом перед будущим, потерей способности разумно управлять событиями. По мнению Тоффлера, суть этого парадокса состоит в том, что, подчинив себе силы природы, создав мощнейшую технику, человек изменил ритм и течение своей жизни. Но сам оказался неприспособленным к этому ритму и

к ускорению, к усиливающемуся давлению событий, знаний, науки, техники, информации. Повышенная тревожность в отношении социальных рисков, названная Тоффлером «шоком будущего», поражает психику людей и политическую структуру власти, она же накладывает отпечаток на экономику и социальные отношения в различных типах сообществ [12, с. 17].

3. Недооценка опасности: индивид оценивает риск наступления того или иного события ниже его реального значения. Такой тип восприятия может формироваться при отсутствии достаточной информации об уровне риска либо сознательном ее игнорировании. Такой же тип восприятия может формироваться, если человек считает себя обладающим определенными ресурсами (крепким здоровьем, деньгами, «связями»), чтобы противостоять рискам, что позволяет ему чувствовать себя уверенно.

Чтобы определить уровень тревожности к социальным рискам в целом и в отношении отдельных рисков, необходимо проводить социологические опросы, наблюдения и эксперименты. Одним из вариантов такого исследования была исследовательская программа «Катастрофическое сознание в современном мире». Она была предложена профессором Мичиганского университета В.Э. Шляпентохом и реализована в 1996–1999 гг. в России отечественными учеными В.Н. Шубкиным и В.А. Ядовым. В данном исследовании для характеристики восприятия социальных рисков были использованы такие категории, как «страх» и «катастрофизм сознания». В анкету-интервью были включены вопросы, которые характеризуют отношение респондентов к разным видам опасностей, уверенность в будущем, интенсивность страхов и тревог («меня это не беспокоит», «это вызывает у меня некоторое беспокойство», «сильную тревогу», «постоянный страх»). Задавались вопросы и о времени, причинах таких тревог и страхов, о том, как предполагает вести себя респондент, чтобы избежать опасности, т. е. в какой мере он готов противостоять опасностям или предупредить их. Респонденты должны были предположить, как они будут себя вести, если негативное событие произойдет с ними или с их родственниками.

Результаты опроса показали, что наибольшие страхи и опасения у населения России (опрос проводился во всех регионах) вызывают следующие риски:

1. Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов (67,7% респондентов указали, что испытывают в отношении него тревогу и страх).
2. Снижение жизненного уровня, обнищание населения (как наиболее опасный для них риск его указали 67,2% респондентов).
3. Полное беззаконие, криминализация общества (беспокоит 66%).
4. Массовые эпидемии, распространение СПИДа и других болезней (64%) [13].

Уровень тревожности по регионам России распределяется неравномерно — наиболее высок уровень страхов, по результатам исследования, на юге России, где социально-психологическое состояние населения близко к тотальной панике. Наиболее спокойными, по данным опроса, оказались Север и Северо-Запад, а также Поволжье и Урал.

Необходимо отметить, что процессы экспертной и повседневной рефлексии риска взаимосвязаны посредством информационных каналов, по которым экспертная оценка риска передается потребителям информации и таким образом формирует их восприятие. При этом формируются как бы две реальности. Первая — реальность, существующая вне информационных каналов, вторая — реальность, передаваемая по каналам информации и воспринимаемая членами социума. Луман называет вторую реальность «реальностью масс-медиа» [6] и утверждает, что получатели информации склонны считать ее идентичной «первой реальности», т. е. событиям, происходящим в окружающей природной и социальной среде. Однако «вторая реальность» не может быть идентична первой из-за особенностей функционирования каналов информации, которые испытывают влияние различных социальных институтов и социальных групп. Таким образом, степень тревожности в отношении того или иного риска может не соответствовать результатам экспертных оценок. Именно поэтому в последнее время исследования социальных рисков проводятся не только на основе объективистской парадигмы, но также в русле социального конструкционизма, изучающего процессы конструирования социальных проблем.

Факторы социальных рисков: их классификация и значение для анализа рисков

Говоря о факторах социальных рисков, исследователи, как правило, имеют в виду две их основные трактовки. Во-первых, фактор

социального риска определяется как источник опасности потери или ограничения экономической самостоятельности, социального и психологического благополучия человека, а также стабильности общества. Во-вторых, под факторами социальных рисков понимаются объективные условия, влияющие на уровень и восприятие вероятности негативных социальных явлений в обществе. Исследование факторов крайне важно с управленческой точки зрения — воздействуя на причины явления, можно управлять им в нужном направлении. Необходим всесторонний анализ факторов социальных рисков для возможности относительного управления изменениями риска.

Факторы социальных рисков могут быть классифицированы по следующим основаниям:

- 1) местонахождение источника фактора риска;
- 2) степень регулируемости фактора;
- 3) количество объектов, на которых влияет данный фактор;
- 4) степень значимости влияния фактора.

1. По местоположению источника факторы делятся на:

- внутренние, (источник риска находится внутри системы — общества, группы людей или отдельного индивида, — которая подвергается риску);
- внешние (фактор риска лежит в окружении системы, действует извне).

Данное деление имеет принципиальное значение в контексте управления риском — если определяемый фактор является внутренним, то нам необходимо влиять на саму систему, чтобы изменить степень ее подверженности риску. Если фактор является внешним по отношению к системе, то применяется воздействие на окружающую макросистему.

2. По степени регулируемости выделяются:

- регулируемые факторы (к ним относятся факторы, характеризующие качество социальных отношений, уровень их организации и т. д.);
- условно регулируемые (труднорегулируемые) факторы — зависят от предыстории функционирования экономических, политических, социальных отношений, на которые накладываются проблемы текущего периода;

- нерегулируемые факторы — факторы, которые не могут быть предусмотрены и решены субъектами социальных отношений (непредвиденные события — резкая смена политическо-го курса, экономический коллапс и т. д.) [9, с. 13].

3. По количеству объектов, на которые влияет фактор, различают:

- индивидуальные факторы, оказывающие влияние на конкретного индивида;
- групповые факторы — влияют на определенную социальную группу;
- массовые факторы — воздействуют на общество в целом.

4. По степени значимости влияния факторы можно разделить на крайне значимые, значимые и малозначимые факторы. Оценка степени значимости позволяет выявить те факторы, на которые следует обратить особое внимание при работе с рисками. Для определения значимости используются различные методики количественного (корреляционный и факторный анализ, математическое моделирование) и качественного (экспертный опрос) анализа.

Теоретические модели анализа социальных рисков как основа разработки современной социальной политики

Рассмотренные выше проблемы определения категории «социальный риск», исследования факторов социальных рисков необходимо решать для разработки эффективной системы противодействия социальным рискам. Эта система может быть структурирована по нескольким основаниям.

По содержанию мероприятий выделяют:

1. Превентивные меры, результатом которых должно быть снижение числа вероятных негативных событий до минимально возможного уровня.
2. Компенсационные меры, реализуемые после совершившегося события и необходимые для покрытия негативных последствий реализации риска.

По области воздействия можно выделить:

1. Операции, которые влияют на **объективные показатели** и факторы риска, определяемые с помощью статистических показателей.

2. Мероприятия, которые затрагивают **субъективное восприятие** риска всем населением и различными социальными группами.

По субъектам социальной политики, в число которых входят «государство, экономика, гражданское общество и человек» [4, с. 11]:

1. Действия, осуществляемые государством: социальное страхование, социальное обеспечение. Целевые социальные программы для пожилых людей, молодежи, семьи и детей, инвалидов, мигрантов, безработных граждан, других категорий.
2. Социальная политика коммерческих предприятий как представителей сферы экономики, реализуемая в основном для своих сотрудников, однако возможная в отношении других лиц, которым необходима такая поддержка.
3. Мероприятия гражданского общества в лице благотворительных фондов и некоммерческих организаций в интересах как отдельных категорий нуждающихся, так и всего общества в рамках деятельности организации.
4. Активность самого человека как носителя социальных прав и обязанностей в отношении предотвращения и компенсации риска.

К приведенному списку мы можем также добавить информационную политику, осуществляемую средствами массовой информации, которые способны косвенно влиять на деятельность остальных социальных акторов. Традиционно (в узком смысле) под «мерами по управлению риском» понимают исключительно страхование, которое представляет собой формирование фондов для последующего использования при наступлении страхового случая. Однако такой подход в отношении социальных рисков является ограниченным, так как не включает превентивных мер и сужает круг субъектов управления рисками. Мы считаем, что более целесообразно рассматривать управление социальным риском как комплекс мероприятий, которые реализуются всеми субъектами социальной политики. Отечественные исследователи предлагают следующий «общий концептуальный подход к управлению рисками» [3]:

- 1) анализ основных факторов, влияющих на уровень социального риска;
- 2) выявление возможных последствий от воздействия данных факторов;

- 3) разработка мер, уменьшающих ущерб от воздействия рисков факторов, в том числе неучтенных факторов и непредвиденных обстоятельств;
- 4) создание системы адаптации населения к социальным рискам, при помощи которой могут быть не только нейтрализованы или компенсированы негативные последствия социальных рисков, но и реализованы шансы для достижения населением максимально возможного уровня благосостояния.

Данный алгоритм предлагается как универсальный, в то же время на практике политика в отношении социальных рисков в тех или иных странах, как отмечает Питер Тэйлор-Губи, значительно различается. Связано это, по его мнению, с тем, к какому типу государства благосостояния относится анализируемая нами страна. Он выделяет не три (как, например, Г. Эспинг-Андерсен), а четыре типа государства благосостояния:

1. Скандинавский (социал-демократический) тип.
2. Континентальный (корпоратистский) тип.
3. Англо-саксонский (либеральный) тип.
4. Средиземноморский тип, который можно определить как традиционалистский (несмотря на повышение доступа к здравоохранению и активное развитие пенсионной системы, такие страны, как Греция, Испания, Португалия, Италия, не имеют пока что высокоразвитой системы поддержки семей и опираются на само- и взаимопомощь семей в рамках неформальных социальных сетей).

Тэйлор-Губи отмечает, что, столкнувшись с новыми социальными рисками, все европейские страны (независимо от типа государства благосостояния) вынуждены были реформировать свою систему социальной поддержки жителей этих стран, однако «воздействие реформ на жизни граждан ограничено, так как сосредоточено, прежде всего, на поощрении поиска оплачиваемой работы и поддержке на определенных этапах жизненного цикла семьи» [21, р. 17]. В то же время выработка новой тактики в отношении рисков предоставляет возможности для трансформации государства благосостояния.

В зависимости от типа государства благосостояния европейские страны различаются по степени устойчивости системы социальной политики, которая сталкивается с новыми социальными рисками, и по составу социальных групп, наиболее уязвимых для данных

рисков. Наибольшей устойчивостью, по мнению Тэйлора-Губи, обладают скандинавские страны, которые уже в течение длительного времени проводят политику занятости женщин наравне с мужчинами и предоставляют широкий комплекс социальных услуг для семей с детьми и пожилых людей. Наименее защищены от рисков в этих странах иммигранты, одинокие родители, расширенные семьи в связи с давлением на них государственных органов и недостаточностью социальных услуг для этих категорий. Кроме того, к наиболее уязвимым в ближайшие годы можно будет отнести (считает Тэйлор-Губи) пожилых людей, в связи с развитием частных систем пенсионного обеспечения, участвовать в которых может далеко не каждый.

Другие модели государства благосостояния представляются значительно более уязвимыми для новых социальных рисков. Ни социальное страхование (в корпоративской модели), ни рыночное регулирование социальной политики (в англо-саксонской), ни ориентация на традиционные модели неформальных социальных связей (в средиземноморской) не способны эффективно минимизировать новые социальные риски, считает Тэйлор-Губи, а принимаемые решения по повышению степени государственного регулирования социальной политики не всегда оказываются успешными.

Таким образом, проанализировав комплекс категорий и социальных феноменов, которые связаны с понятием «социальный риск», можно сделать вывод, что для эффективной реализации программ по управлению социальными рисками на различных уровнях необходим анализ социальных рисков и их факторов (с помощью как количественных, так и качественных методов), необходимы исследования в области восприятия рисков их носителями (членами общности или социума), а также анализ социальной политики государства и ее сравнение с моделями социальной политики других стран.

Литература

1. *Аронсон П.Я.* Утрата институционального доверия в российском здравоохранении // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 2. С. 120-131.
2. *Бек У.* Общество риска: на пути к новому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

3. Бочко М.Э. Управление рисками в сфере занятости населения: региональный аспект // Человек и труд. 2005. № 3.
4. Григорьева И.А. Социальная политика: взаимодействие государства, общества и человека / Автореф. дисс. ... доктора социол. наук. СПб, 2005.
5. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. Тема номера «Риск, неопределенность, случайность». С. 135-160.
6. Луман Н. Реальность масс-медиа. М.: Праксис, 2005.
7. Маркс К. Капитал. Т. 1 М.: Политиздат, 1969.
8. Мелиховский В.М. Теория организаций и принятие управленческих решений. Ярославль, 2003.
9. Позднякова М.В. Неопределенность и риск в условиях изменения рыночной конъюнктуры. Ярославль, 2005.
10. Роик В.Д. Рыночные перемены и социальное страхование // Российский экономический журнал. 1995. № 11.
11. Смирнов С.Н., Сидорина Т.Ю. Социальная политика. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
12. Страхи и тревоги россиян: сборник статей. СПб.: Издательство РХГИ, 2004.
13. Шубкин В.Н. Страхи в России // Социологический журнал. 1997. № 3.
14. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
15. Яницкий О.Н. Россия как общество всеобщего риска // Общество и социология: новые реалии и новые идеи. Труды Первого Всероссийского социологического конгресса 27–30 сентября 2000. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002.
16. Яницкий О.Н. Социология риска. М.: Изд-во LVS, 2003.
17. Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1982.
18. Giddens A. Fate, Risk & Security // A. Giddens. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. 1991.
19. Merkhofer M. Decision Science and Social Risk Management... Dordrecht: Reidel, 1987.
20. Social protection strategy / Asian development bank. July, 2003.
21. Taylor-Gooby, Peter. Welfare State Reform and New Social Risks // Taylor-Gooby P. New Risks, New Welfare. Oxford, 2003.

Е.С. Богомякова

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАК ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

Феномен социальной проблемы находится в центре внимания социологов с момента возникновения социологии как науки. Главными задачами социологии всегда выступали изучение социальных проблем и разработка методов их решения. Изначально социальные проблемы воспринимались как часть объективной реальности, как неблагоприятные объективные условия, препятствующие реализации интересов и/или удовлетворению потребностей тех или иных социальных групп. С социологической точки зрения они трактовались как патология, дезорганизация или дисфункции социальных институтов.

Однако уже 1940-е гг. Р. Фуллер и Р. Майерс подняли вопрос о недостаточности рассмотрения только объективных условий и впервые предложили анализировать субъективную составляющую любой социальной проблемы. Они разработали концепцию «ценностного конфликта» в качестве инструмента анализа социальных проблем. Р. Фуллер и Р. Майерс впервые обратили внимание на относительность категории «социальная проблема» и ее связи с оценкой социальными группами существа и меры неблагополучия. В разное время и в разных обществах различные условия трактовались как социальные проблемы, что, по мнению социологов, определяется существующей ценностной системой общества. Более того, ценности детерминируют и возможные способы решения и интервенции в социальные проблемы. Каждое общество в определенное время характеризуется своим набором социальных проблем. Таким образом, социальная проблема предполагает двойной конфликт ценностей — по поводу существования/несуществования социальной проблемы и по поводу способов ее решения.

В 70-х гг. XX века в социологии сформировался принципиально новый подход к рассмотрению социальных проблем — конструкционизм. Его предшественником был Г. Блумер, критиковавший объективистские подходы за их неспособность предложить общую теорию социальных проблем, позволявшую выделять инвариантные, универсальные характеристики данного феномена. Также подчеркивалась неспособность социологов самостоятельно обнаружи-

вать социальные проблемы. Социологическая мысль, по мнению Г. Блумера, всегда следовала в кильватере социетального признания социальных проблем [3]. Такие разноплановые явления, как преступность, проституция, безработица, бедность, наркомания и т. д., определялись в качестве социальной проблемы, при этом ярлык «социальная проблема» не нес никакой дополнительной смысловой нагрузки, не давал ничего нового для описания и анализа конкретной социальной проблемы.

Впервые основные положения конструкционистского подхода были сформулированы М. Спектором и Дж. Китсьюзом в работе «Конструирование социальных проблем» в 1977 г. [6]. Исследователи предложили отказаться от идеи объективного характера возникновения и существования социальных проблем. Согласно конструкционизму, социальная проблема — это деятельность социальных групп по выдвижению утверждений-требований в отношении некоторых предполагаемых условий с целью их изменения. При этом неважно, каковы эти условия, обстоятельства. Более того, верификации не поддается даже сам факт их существования. Исследовательский интерес представляют риторика выдвижения утверждений-требований, того, как утверждения-требования выражают представления участников о проблеме, какие интересы преследуются при выдвижении утверждений-требований, какие ресурсы мобилизуются, и т. д. М. Спектор и Дж. Китсьюз предлагают анализировать и исследовать тезаурус, который используется для описания, классификации, структурирования того или иного условия в качестве социальной проблемы.

Конструкционистский подход давно используется американскими учеными, о чем свидетельствует значительное количество кейс-стади, посвященных различным социальным проблемам — от загрязнения окружающей среды до ВИЧ-инфекции и преступности. Тем не менее, конструкционизм все чаще используется и российскими социологами (И. Ясавеев, Ю. Верминенко и др.) и уже доказал свой эвристический потенциал для анализа конкретных социальных проблем.

В качестве одной из наиболее интересных и актуальных концепций в рамках конструкционистского подхода является разработанная С. Хилгартнером и Ч.Л. Боском [7] концепция публичных арен, основной категорией анализа которой является понятие конкурен-

ции. Согласно данной концепции, социальные проблемы конкурируют между собой на аренах публичного дискурса за общественное внимание. Публичные арены являются той средой, в которой происходит определение той или иной ситуации как проблемной. В качестве таких публичных арен можно выделить средства массовой коммуникации, исполнительную и законодательную ветви власти, суд, общественные организации, религиозные организации, научное сообщество и т. д. С. Хилгартнер и Ч.Л. Боск выделили два типа конкуренции социальных проблем. В первом случае за общественное внимание конкурируют различные социальные проблемы, например, наркомания и безработица, терроризм и насилие в армии, проблемы пенсионеров и бедность, и т. д. Во втором случае конкурируют различные определения одной и той же социальной проблемы. От того, какое из определений «выиграет» в этой борьбе, зависят способы решения проблемы.

Доминирующий дискурс, в рамках которого типизируется, конструируется социальная проблема, задает рамки конструирования смыслов и значений в повседневной деятельности человека, структурирует взаимодействие индивидов на микроуровне, воспроизводится через институты семьи, школы, церкви, СМИ и т. д. Например, интерпретация наркомании как неизлечимого заболевания в рамках медицинского дискурса формирует восприятие и отношение к категории наркозависимых со стороны «нормальных» членов общества (стигматизация и т. д.), а также во многом способствует формированию собственной идентичности «наркомана».

Правом определять, типизировать социальные проблемы на аренах публичного дискурса обладают группы власти (экономической, политической, религиозной, медицинской и т. д.). По мнению Дж. Гасфилда, владеть проблемой — значит «обладать правом называть эту проблему и иметь в состоянии предложить что-то, что может быть сделано по поводу нее. Знание этого что-то — и есть мандат профессии на владение проблемой» [1]. Эти группы осуществляют определенную «социальную работу» по легитимизации социальных проблем и легитимизации способов их решения. Между ними ведется борьба за право предлагать и навязывать свое определение (видение) проблемы, а также опровергать все контрпредложения. Когда какая-то группа побеждает, ее способ определения институционализируется, тогда как определения других групп отходят на второй план

или вовсе предаются забвению. Изменение терминологии, создание новых терминов или наполнение существующих терминов новым смыслом — сигнал того, что произошло нечто важное в отношении карьеры или истории социальной проблемы. Определения социальных проблем выражаются в терминах, которые описывают условие, отражают установки в отношении этого условия и дают другие указания на то, каким образом это условие рассматривается как неприемлемое и проблематичное. «Право называть и контролировать социальную проблему» дает право контроля над распределением власти и ресурсов в рамках деятельности по решению данной проблемы.

Определения социальных проблем имеют культурную, политическую и др. обусловленность. В разные исторические периоды развития общества различные условия определялись в качестве социальных проблем, а также менялся и сам дискурс, в рамках которого конструировались социальные проблемы. Современное российское общество характеризуется значительным количеством социальных проблем, конкурирующих между собой за общественное внимание. Кроме того, увеличилось и число открытых публичных арен, на которых конструируются социальные проблемы. СМК приобретают все большее значение, недаром их называют «четвертой властью». Общественное внимание становится все более дефицитным ресурсом, что обуславливает все большую конкуренцию между социальными проблемами. Увеличивается и число социальных групп (коллективных субъектов), выдвигающих утверждения-требования, что в свою очередь приводит к большему многообразию «систем значений и интерпретаций», характеризующих одну и ту же социальную проблему. Кроме того, размываются традиционные стереотипные образы, модели поведения, характерные для советского периода, формируются новые паттерны взаимодействия. Так, «образы» мужчины и женщины, здорового и больного и связанные с ними смыслы и значения претерпевают значительные изменения. При этом изменения на индивидуальном уровне взаимодействия, расширение набора поведенческих паттернов способствуют изменению социальных структур. В современном российском обществе появились такие дискурсы, не характерные для советского периода, как правовой, экологический и т. д. Возникли различные общественные организации, активно конструирующие те или иные социальные проблемы — «Матери против

наркотиков», «Комитет солдатских матерей» и т. д., предлагающие свое «видение» социальных проблем. В современном российском обществе, несмотря на наличие различных негосударственных организаций (НГО), тем не менее, большинство публичных арен контролируются властными группами или находятся под их влиянием. Эти группы определяют доминирующий дискурс, навязывают свою проблематику и блокируют альтернативные варианты определения ситуации. Как правило, большинство вновь возникших социальных проблем находятся на краю доминирующего дискурса и включаются в него тогда, когда это выгодно властным элитам (экономическим, политическим и т. д.).

Несмотря на значительные успехи конструкционистской методологии, в рамках конструкционистского направления развернулась острая дискуссия об онтологических основаниях социальной проблемы, что привело к возникновению двух направлений — строгого и контекстуального конструкционизма. Контекстуальные конструкционисты настаивают на том, что любое знание вплетено в социальный контекст, и отделить утверждения-требования от «людей, которые их выдвигают, от арен, на которых это происходит, или от аудиторий, которые реагируют на эти утверждения-требования, невозможно» [2, с. 31]. По их мнению, исследователи не могут не основываться на предположениях о социальной жизни. Социальные проблемы, таким образом, приобретают определенную двойственность — они одновременно принадлежат и объективной реальности, и субъективной. В качестве концепций контекстуального конструкционизма можно указать уже рассмотренную нами концепцию публичных арен (С. Хилгартнер, Ч.Л. Боск), а также концепцию моральной паники (С. Коэн, Н. Бен-Иегуда).

По мнению строгих конструкционистов, П. Ибарры и Дж. Китсьюза [4], такая форма конструкционизма является непоследовательной и противоречит изначальной логике конструкционизма. В рамках строгого конструкционизма социальная реальность — это и есть дискурс. Основания социальной реальности, и в т. ч. социальных проблем, укоренены в субъективности сознания. Исследователь не может «заглянуть за» этот дискурс. Дискурс формируется участниками процесса проблематизации, их интерпретирующие практики создают социальные проблемы. Для понимания и анализа социальной проблемы необходимо осуществить деконструк-

цию, т. е. вскрыть те смыслы и значения, которыми люди наделяют окружающий их мир, проблематизируя тревожащие их явления, ситуации, процессы. В связи с этим пригодным и перспективным представляется подход деконструкции, предложенный Р. Михаловски [5]. Он выделяет две формы деконструкционизма: литературная деконструкция, связанная с именами Соссюра и Деррида, и социальная деконструкция, связанная с именами Фуко, Батая и Бахтина. В то время как литературная деконструкция сосредоточивается на анализе текстов, социальная деконструкция направлена на изучение поведения. Оба эти направления нашли применение в анализе социальных проблем, приведя к возникновению риторической и ритуальной деконструкций.

Пример риторической деконструкции представляет подход П. Ибарры и Дж. Китсьюза. Предметом их исследовательского интереса являются утверждения-требования, которые принимаются как данность, «как объекты в мире» («object in the world») [4]. Социальные группы, члены общества конструируют определения социальных проблем в процессе своего взаимодействия, используя определенные методы для придания важности, значимости тем или иным условиям. По мнению П. Ибарры и Дж. Китсьюза, задачей социолога является «определение конфигураций свойственных участникам посылок, практик, категорий и чувств, конституирующих социальные проблемы как идиоматические продукты» [4, с. 60]. Внимание уделяется как тому, каким образом утверждения-требования одобряются и выдвигаются, так и тому, каким образом они вытесняются и дискредитируются.

Социологи предлагают встать на точку зрения участника, согласно которой социальные проблемы — это то, что вызывает их беспокойство. Артикуляция недопустимости данного положения дел опирается на предположение о том, что условия существуют объективно и независимо от их интерпретации (общераспространенная онтология Мелвина Полнера). Однако нетрудно заметить, что в процессе выдвижения утверждений-требований возникает спор «о чем на самом деле эта социальная проблема», спор по поводу оснований, по поводу предмета утверждений-требований. Для участников процесса проблематизации предмет спора лежит в области «объективной реальности», тогда как исследователи рассматривают его как конструкт. Эти конструкты являются результатом социо-

логического анализа, т. к. в повседневной практике неразличимы. П. Ибарра и Дж. Китсьюз обозначают их как «условие-категория».

По их мнению, использование социологами термина «предполагаемое условие» (характерно для раннего конструкционизма) ведет к раздвоенности онтологических оснований социальной проблемы. Следуя этой логике, выступления сторонников общества «Гринпис» в защиту окружающей среды и «реальное» состояние окружающей среды могут быть проанализированы и поняты раздельно. Кроме того, может быть установлено соответствие или «несоответствие» между этими составляющими. Вместо того чтобы концентрировать внимание на процессе выдвижения утверждений-требований, в спектр внимания социологов попадает предмет утверждений-требований — вместо анализа деятельности общества «Гринпис» изучается состояние окружающей среды. Исследования подобного рода исходят из предпосылки, что любое высказывание — это всегда высказывание о чем-то. Таким образом, может существовать множество описаний и интерпретаций одной и той же социальной реальности, которые конкурируют между собой за право на истинность, за право быть доминирующей версией реальности. Введение понятия «условие-категория» снимает противоречие между означаемым и означающим, т. к. помещает их в одну и ту же реальность.

Условия-категории — это термины, которые используют социальные группы, выдвигающие утверждения-требования для определения предмета данных утверждений; это языковые единицы, с помощью которых структурируется и классифицируется социальная реальность. Наша реальность такова, каков наш язык, и выйти за рамки языка представляется проблематичным, практически невозможным. Применение понятия «условие-категория» «высвечивает символический и языковой характер деятельности по выдвижению утверждений-требований» и ориентирует исследователя на рассмотрение того, «каким образом использование участниками моральных и дискурсивных стратегий... составляет процесс социальных проблем» [4, с. 63].

Любой акт выдвижения утверждений-требований выражает взгляды участников на условия-категории, каждое из которых предполагает подтексты, символические ходы участников процесса проблематизации. По мере продвижения утверждений-требований могут возникать новые смыслы и подтексты. Специфичность условия-

категории объясняется с точки зрения расположения его в системе знаков или в языке.

Социальные проблемы предстают в форме игры, в которой меняются темы и участники, а смыслы и значения подвижны. Одни определения и интерпретации сменяются другими или сочетаются, подчас причудливым образом. Таким образом, дискурс социальных проблем имеет открытый характер и зависит от направленности теоретизирования участников. Системы классификации общества различны, что позволяет участникам формировать различные, а подчас и совершенно противоположные типизации явлений, вызывающих недовольство. От того, каким образом происходит определение социальной проблемы, артикулируется символический и ценностный ряд, зависят действия участников, привлечение ресурсов, динамика социальной проблемы, используемые контрриторические стратегии и приемы оппонентов.

При этом социолог — исследователь социальных проблем сталкивается с требованием «рациональности изнутри» — социальная проблема может быть понята только исходя из системы смыслов и значений участников. Научная рациональность непригодна для описания и объяснения социальной проблемы. Позиция социолога утрачивает свой привилегированный статус. Версия реальности, предлагаемая социологом, является только одной из возможных, но никак не доминирующей и приоритетной. П. Ибарра и Дж. Китсьюз настаивают на том, что социолог-конструкционист всегда находится в области языка, в области текстуального, реконструируя используемые участниками просторечные ресурсы в темы исследования.

П. Ибарра и Дж. Китсьюз предложили четыре измерения дискурса выдвижения утверждений-требований: риторические идиомы, лейтмотивы, контрриторические стратегии, а также стили выдвижения утверждений-требований.

Риторические идиомы — это дефициональные комплексы, которые размещают условия-категории в моральном универсуме, присваивая им проблематичный статус и используя специфические образы и символы. Под лейтмотивами П. Ибарра и Дж. Китсьюз понимают общераспространенные фразы, которые выражают динамику условия-категории или реакции на него. Контрриторические стратегии отражают дискурсивные стратегии противодействия проблематизации того или иного условия-категории. Стили выдвиже-

ния утверждений-требований — это «манера и тональность», в которых они выдвигаются [4]. Данные категории позволяют описать и изучить любую социальную проблему с точки зрения тех смыслов, значений, которыми она наделяется, описать тот моральный поря-док, в который она вписана.

Таким образом, социальная проблема предстает как результат борьбы социальных групп, обладающих экономической, политической, символической властью, за право предлагать и навязывать свою версию реальности, свое видение социальной проблемы. Для каждой такой группы «реальность» социальной проблемы своя. При этом социолог как аналитик всегда находится в области языка, в области текстуального, анализируя риторику выдвижения утверждений-требований. Рассмотрение социальной проблемы как языковой игры имеет не только научное, но и прикладное значение, т. к. позволяет участникам процесса проблематизации выработать компромиссный взгляд на те или иные обстоятельства, ситуации, процессы.

Литература

1. *Gusfield J.* Constructing the Ownership of Social Problems: Fun and Profit in the Welfare State // *Social Problems*. 1989. Vol. 36. № 5.
2. *Бест Дж.* Социальные проблемы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 26–54.
3. *Блумер Г.* Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 11–25.
4. *Ибарра П., Китсьюз Дж.* Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 55–114.
5. *Михаловски Р.* (Де)конструкция, постмодернизм и социальные проблемы: факты, фикции и фантазии в условиях «конца истории» // Контексты современности — II / Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С. 175–185.
6. *Спектор М., Китсьюз Дж.* Конструирование социальных проблем // Контексты современности — II. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С. 160–163.
7. *Хилгартнер С., Боск Чарльз Л.* Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И.Г. Ясавеев. — Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000. С. 18–53.

В.Г. Ушакова

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ БРАЧНОГО ВЫБОРА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Актуальность темы данной статьи обусловлена не только новыми тенденциями в развитии института семьи и брака в России, но и сложностью социологического изучения, трудностями, которые испытывают студенты при разработке программы исследования.

В изменившихся социальных и экономических условиях России самыми опасными и ведущими в конечном итоге к депопуляции населения являются следующие тенденции:

- отсрочка браков путем замены их добрачными сожительствами и, как следствие, увеличение возраста вступления в первый брак и отсрочка рождений;
- отказ все большего числа мужчин и женщин от легитимации брачных союзов в пользу сожительств, не связанных ни с какими юридическими, а порой и моральными обязательствами друг перед другом;
- увеличение доли браков с иностранными гражданами, усиление общественного внимания к таким бракам;
- рост числа разводов;
- кризис морально-нравственной сферы;
- изменение репродуктивных установок, снижение рождаемости среди молодых женщин, утверждение малодетной и бездетной семьи как доминирующей модели;
- изменение функциональной структуры семьи.

Под влиянием указанных процессов не происходит должного количественного и качественного восстановления человеческого потенциала, необходимого для нормального функционирования общества. При этом сокращение воспроизводства населения не только негативно сказывается на поддержании целостности и устойчивости российского общества, но и ставит под вопрос непосредственное его выживание.

Следует отметить, что в отечественной литературе эта тема является недостаточно разработанной областью исследования.

Начиная с 1970-х гг. в западных странах было проведено большое количество эмпирических исследований, посвященных проблемам брачного выбора [1], на основе которых был создан целый ряд социологических и психологических теорий, описывающих основные факторы и общие закономерности процесса брачного отбора. Самыми известными из таких теорий стали: трехфазная теория выбора супруга «Стимул — Ценность — Роль» Б. Мурстейна, теория комплементарных потребностей Р. Уинча; инструментальная теория влечения Р. Сентерса, теория «фильтров» Дж. Удри, экономическая концепция выбора супруга Г. Беккера и др.

В отечественной социологии и психологии проблема выбора брачного партнера, как и специфика добрачного периода, крайне редко являлась предметом теоретических и практических исследований. В настоящее время анализ тенденций брачности и брачного выбора наиболее полно представлен в работах В.М. Медкова [2]. В них сформулированы основные теоретические понятия (брак, брачный отбор, брачный круг и т. д.), рассмотрены факторы брачного выбора, проанализированы эмпирические данные. Но следует отметить, что В.М. Медков в своих работах уделяет основное внимание социально-демографическим аспектам брачного выбора, оставляя в стороне такие важные его составляющие, как ценностные ориентации, ролевые ожидания и брачно-семейные установки супругов. К тому же при анализе тенденций брачного отбора Медков использует в основном данные государственной статистики, которых зачастую оказывается недостаточно для полного понимания проблемы.

Из недавних работ по проблематике брачного выбора следует упомянуть исследование «Брачный рынок в России: выбор партнера и факторы успеха» Я.М. Рощиной и С.Ю. Рощина, проведенное в Высшей школе экономике в 2006 г. [3]. Авторы основывались на данных Российского мониторинга экономики и здоровья населения за 1994–2003 гг. — единственной панельной базы данных о российских домохозяйствах. Однако в своем исследовании более пристальное внимание авторы уделили экономической стороне брачного выбора, оставив в стороне культурологические, социологические и психологические его аспекты.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема брачного выбора в отечественной литературе исследована фрагментарно, и,

несмотря на все многообразие литературы о семье и браке, научных работ, предметом исследования которых выступал бы непосредственно брачный выбор, очень мало. Недостаток социологических данных по данной проблематике обуславливает и научный, и практический интерес к выбранной теме исследования.

Объектом подобного рода исследований является бракоспособное население России.

Предметом — основные факторы и особенности брачного выбора.

Целью данной статьи является теоретико-методологический анализ основных тенденций брачного выбора в современном российском обществе, а также методическая помощь студентам в составлении программы социологического исследования данной темы с использованием количественных методов.

Теоретико-методологической основой исследования являются системный, структурно-функциональный, а также гендерно-эгалитарный подход, предполагающий признание равноценности и равнозначности полов.

Брак и семья: определение, функции, типология

Определение брака и семьи. Семья и брак являются объектами исследования многих общественных наук — социологии, истории, правоведения, экономики, демографии, статистики и т. д. Каждая из этих наук выделяет особые стороны функционирования и развития семейно-брачной сферы в соответствии со спецификой своего предмета. В связи с этим понятия «брак» и «семья» далеко не однозначно трактуются в общественных науках. Рассмотрим основные подходы к их определению.

Толковый словарь С.И. Ожегова дает наиболее общие и упрощенные определения семьи и брака. «*Семья* — это группа живущих вместе близких родственников» [4, с. 711]. «*Брак* — семейные супружеские отношения между мужчиной и женщиной» [4, с. 58].

Более полные определения приводятся в Большой советской энциклопедии: «*Семья* — основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью» [5]. Этим определением пользуется наша историческая наука, а также этнография. Однако оно оказывается явно недостаточным для работы демогра-

фов, статистиков и юристов, ибо не всегда родственники, живущие вместе, являются единой семьей.

Рассмотрим социологический подход к анализу брачно-семейной сферы. Социология сосредотачивает внимание на изучении семьи и брака, прежде всего, как социальных институтов.

Понятие *институт* (от лат. *institutum* — устройство, установление) используется для обозначения устойчивого комплекса формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов [6, с. 20].

Так, с социологической точки зрения *семья* — «это совокупность социальных норм, санкций и образцов поведения, регламентирующих взаимоотношения между супругами, родителями, детьми и другими родственниками» [7, с. 301]. Соответственно *брак* — «это социальный институт, представляющий собой совокупность социальных норм, санкционирующих взаимоотношения мужчины и женщины, а также систему их взаимных обязанностей и прав» [7, с. 19]. Данное определение брака можно считать одним из наиболее удачных с социологической точки зрения. В нем учитывается, что брачные отношения регулируются двумя типами норм — юридическими (которые регламентируются законодательством) и культурными (которые регламентируются морально — обычаями и традициями), чего явно не хватает определениям брака, принятым в правовой литературе.

Говоря о соотношении институтов семьи и брака, следует отметить, что институт брака не охватывает всю сферу семейной жизни и уж тем более все многообразие отношений между близкими и дальними родственниками. Он подразумевает совокупность норм и санкций, регулирующих отношения в первую очередь между супругами. Однако необходимо учитывать, что без института брака немислимо существование и института семьи. По словам А.И. Антонова, «семью создает отношение *родители—дети*, а брак оказывается легитимным признанием тех отношений между мужчиной и женщиной, тех форм сожителства или сексуального партнерства, которые сопровождаются рождением детей» [8, с. 44].

Итак, семья и брак — важнейшие институты человеческого общества, придающие ему стабильность и дающие возможность восполнять население в каждом последующем поколении. Однако

социология не ограничивает свой анализ брачно-семейной сферы изучением семьи и брака только как социальных институтов. Еще одно направление анализа — рассмотрение семьи как малой группы.

Семья как малая социальная группа попадает в поле зрения социологов тогда, когда исследуются отношения между индивидами, связанными личными взаимоотношениями в конкретных семьях.

Таким образом, то, какое определение будет дано семье и браку, зависит, во-первых, от научной специфики, а во-вторых, от конкретных исторических и социально-экономических условий.

Функции семьи и брака. Проблема функций семьи и брака достаточно хорошо изучена в социологии [9].

На наш взгляд, одна из наиболее полных и развернутых классификаций функций семьи и брака была представлена отечественным социологом *М.С. Мацковским* в конце 80-х гг. прошлого столетия, и можно с уверенностью сказать, что она до сих пор не потеряла своей актуальности. Увязав функции семьи с основными сферами ее жизнедеятельности, он предложил рассматривать их в двух ключах: как социальные (по отношению к обществу) и как индивидуальные (по отношению к личности). Исходя из этой концептуальной модели, он представил основное содержание функций семьи в виде следующей таблицы:

Таблица 1

Функции семьи [10, с. 43]

Сфера семейной деятельности	Общественные функции	Индивидуальные функции
Репродуктивная	Биологическое воспроизводство общества	Удовлетворение потребности в детях
Воспитательная	Социализация молодого поколения. Поддержание культурной непрерывности общества	Удовлетворение потребности в родительстве, контактах с детьми, их воспитании, самореализации в детях
Хозяйственно-бытовая	Поддержание физического здоровья членов общества, уход за детьми	Получение хозяйственно-бытовых услуг одними членами семьи от других

Окончание табл. 1

Сфера семейной деятельности	Общественные функции	Индивидуальные функции
Экономическая	Экономическая поддержка несовершеннолетних и нетрудоспособных членов общества	Получение материальных средств одними членами семьи от других (в случае нетрудоспособности или в обмен на услуги)
Сфера первичного социального контроля	Моральная регламентация поведения членов семьи в различных сферах жизнедеятельности, а также ответственности и обязательств в отношениях между супругами, родителями и детьми, представителями старшего и среднего поколения	Формирование и поддержание правовых и моральных санкций за недолжное поведение и нарушение моральных норм взаимоотношений между членами семьи
Сфера духовного общения	Развитие личности членов семьи	Духовное взаимообогащение членов семьи. Укрепление дружеских основ брачного союза
Социально-статусная	Предоставление определенного социального статуса членам семьи. Воспроизводство социальной структуры	Удовлетворение потребностей в социальном продвижении
Досуговая	Организация рационального досуга. Социальный контроль в сфере досуга	Удовлетворение потребностей в совместном проведении досуга, взаимообогащение досуговых интересов
Эмоциональная	Эмоциональная стабилизация индивидов и их психологическая терапия	Получение индивидами психологической защиты, эмоциональной поддержки в семье. Удовлетворение потребностей в личном счастье и любви
Сексуальная	Сексуальный контроль	Удовлетворение сексуальных потребностей

Типология семейных структур. Под *структурой семьи* понимается «совокупность отношений между ее членами, включая родственную структуру, а также систему духовных, нравственных отношений» [7, с. 301]. По своей структуре семьи и браки подразделяются на множество типов в зависимости от того, какой признак положить в основу этого деления. На сегодняшний день социологами создано огромное количество классификаций типов семьи и брака. Рассмотрим основные из них.

По количеству поколений, входящих в состав семьи, различают *нуклеарные* и *расширенные* семьи. Семья, состоящая из супружеской пары и их детей (т. е. из двух поколений) называется *нуклеарной* (от лат. *nucleus* — ядро). *Расширенная* семья представляет собой семью, объединяющую две и более нуклеарные семьи с общим домохозяйством и состоящую из трех и более поколений.

По характеру распределения власти между супругами различают *патриархальные* семьи, где муж (отец) является главой семьи, и *матриархальные* семьи, где наивысшим авторитетом и влиянием пользуется жена (мать). Там же, где нет четко выраженных семейных глав и властные функции поровну разделены между мужем и женой, имеют место *эгалитарные* семьи.

В зависимости от места проживания выделяются *патрилокальные*, *матрилокальные* и *неолокальные* семьи. Патрилокальная семья образуется в том случае, если супружеская пара проживает вместе с семьей мужа. Матрилокальная семья формируется, когда муж включается в семью жены. Неолокальная семья проживает отдельно как от семьи мужа, так и от семьи жены.

По характеру наследования фамилии, имущества и социального положения выделяют *патрилинеальные* и *матрилинеальные* семьи. В патрилинеальных семьях наследование осуществляется по отцовской линии, соответственно в матрилинеальных — по материнской.

В зависимости от числа детей семьи подразделяют на *многодетные* (5 и более детей), *среднедетные* (3–4 ребенка), *малодетные* (1–2 ребенка) и *бездетные* (без детей) [8, с. 59].

В последнее время социологи стали уделять все больше внимания новым формам семьи. Прежде всего, к таковым относятся *повторные* семьи (т. е. семьи, основанные на повторном браке) и *неполные* семьи, состоящие из одного родителя и детей. И если раньше

неполные семьи были в основном семьями вдов, то сейчас они — главным образом, итог развода [8, с. 56].

В том, что касается *типов брака* и брачных отношений, существует терминологическая путаница, которая возникла из-за некритического переноса юридической терминологии в демографию и социологию семьи и разобраться в которой не всегда просто. Не только разные энциклопедические справочники трактуют эти понятия по-разному, но даже в пределах одного и того же словаря в статьях разных авторов порой можно найти взаимоисключающие трактовки этих терминов. В частности, выражение *фактический брак* иногда употребляют как синоним *сожительства*, противопоставляя его зарегистрированному браку. В таком же контексте употребляют порой и выражение *гражданский брак*, понимая под ним брак незарегистрированный.

Чтобы избежать этой путаницы, следует уточнить, по каким основаниям выделяются те или иные типы брака.

Так, по процедуре брачной церемонии браки подразделяются на *гражданские* и *церковные*. Под *гражданским браком* понимается брак, оформленный в соответствующих органах государственной власти без участия церкви [11]. Следовательно, гражданский брак есть брак зарегистрированный. *Церковный брак* — это брак, заключенный в церкви по религиозным обрядам [11]. В России церковный брак юридической силы не имеет.

Термин *фактический брак* употребляется для обозначения продолжительного полового союза, не зарегистрированного в органах записи актов гражданского состояния в соответствии с брачным законодательством [12, с. 395]. О наличии фактического брака свидетельствуют постоянное совместное проживание супругов, общность имущества и бюджета.

Типы брака — *зарегистрированный* и *фактический* — не являются взаимоисключающими. Большинство зарегистрированных браков являются также и фактическими, а большая часть фактических — зарегистрированными. Но нередки случаи, когда кто-то состоит в зарегистрированном браке с одним человеком, а в фактическом — с другим. Поэтому как альтернативные типы можно рассматривать только *зарегистрированный* и *незарегистрированный* брак [12, с. 45].

Под *сожительством* чаще всего понимается половой союз, не оформленный в соответствии с брачным законодательством данной страны.

Таким образом, под *гражданским браком* следует понимать брак зарегистрированный, а о *сожительстве* говорить в тех случаях, когда брачные отношения существуют вне юридически признанной, легитимной формы. Что касается термина *фактический брак*, то он должен использоваться только для констатации наличия действительных и эффективных брачных отношений безотносительно к их юридической форме.

Интересный подход для разделения фактического брака и сожительства предлагает Т.А. Гурко. О *сожительстве*, по ее мнению, следует говорить, когда мужчина и женщина «живут вместе с перспективой “посмотрим, что получится”». Такие взаимоотношения впоследствии могут заканчиваться браком либо в связи с беременностью партнерши, либо с желанием узаконить устраивающие обоих отношения, либо с приобретением собственного жилья. Либо сожители расстаются, иногда и после рождения ребенка. Другой феномен — женщина и мужчина живут вместе, имеют совместных детей и принимают на себя связанные с браком обязательства, но по разным причинам не регистрируют свои отношения в ЗАГСе. В этом случае можно говорить о *фактическом браке*», — пишет она [13, с. 190–191].

От типов брака следует отличать виды брака [12, с. 45]. Среди видов брака прежде всего различают *моногамию* (однобрачие) и *полигамию* (многобрачие). Моногамия (моногамное супружество) — это брачный союз одного мужчины с одной женщиной. Полигамия (полигамное супружество) — это брачный союз между партнером одного пола и несколькими партнерами другого. При этом полигамия бывает двух видов: *полигиния* (брак одного мужчины с несколькими женщинами, или многоженство) и *полиандрия* (брак одной женщины с несколькими мужчинами, или многомужество). В первобытном обществе был распространен *групповой брак* — брачный союз между несколькими мужчинами и несколькими женщинами.

Таковы основные типы семьи и брака. Разумеется, их число не ограничивается приведенными здесь, ведь практически любой мыслимый критерий может стать основой выделения все новых и новых типов семейных структур.

Брачный выбор и его детерминанты

Прежде чем перейти к рассмотрению понятия брачного выбора и анализу факторов, его определяющих, необходимо разобраться,

какое место занимает этот феномен в системе семейного поведения в целом.

Под *семейным поведением* понимаются «все те специфические проявления социального поведения, которые делают возможным функционирование супружества-родительства-родства» [8, с. 415]. Выделяют следующие разновидности семейного поведения: *брачное, репродуктивное, социализационное* и *самосохранительное* [8, с. 33, 415]. Репродуктивное и социализационное поведение семьи связаны с рождением и воспитанием детей, самосохранительное поведение — с поддержанием физического существования членов семьи и сохранением семейной целостности.

Все изложенное выше можно представить в виде следующей схемы:

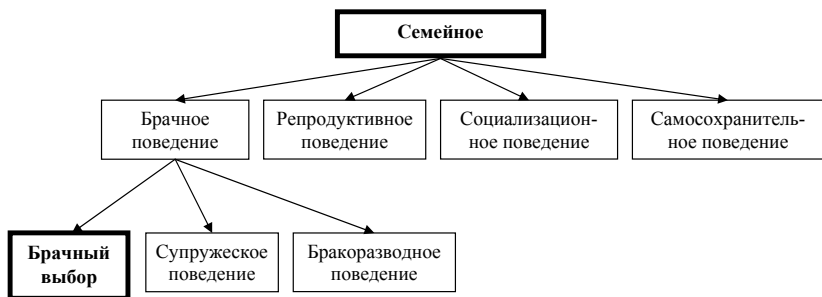

Схема 1

Таким образом, *брачный выбор* — это часть брачного поведения, его начальная стадия, связанная с выбором брачного партнера и заключением брака.

Чаще всего в научной литературе *брачный выбор* определяется как «выбор брачного партнера в рамках данного *брачного круга*». При этом под *брачным кругом* понимается совокупность возможных для данного человека брачных партнеров [8, с. 49].

Процесс брачного отбора исторически конкретен и зависит от экономических, социальных, социокультурных и других условий, существующих в обществе. Основные особенности брачного выбора связаны с тем, что в разных культурах и на разных стадиях исторического развития различны: 1) пространство возможных брачных

партнеров (брачный круг); 2) степень свободы индивидуального выбора. Рассмотрим эти две составляющие по порядку.

1) На формирование *брачного круга*, его динамику и состав значительно влияет ситуация на «брачном рынке». Термин *брачный рынок* применяется в литературе для условного обозначения системы соотношений численностей различных групп бракоспособного населения.

Таким образом, формирование брачного круга зависит от численности потенциальных брачных партнеров, от возрастной структуры населения, а также, что очень важно, от того, допускаются или нет в данном обществе *повторные браки*.

Если повторные браки допускаются, иными словами, если допускается *серийная моногамия* (иногда ее называют *последовательной полигамией*, имея в виду последовательную смену брачных партнеров), то совокупность, из которой производится отбор брачного партнера, является предельно широкой и включает в себя как не состоящих, так и состоящих в браке. Правилom здесь является то, что человек, мужчина или женщина, постоянно доступен для брака независимо от того, состоит он в браке или нет. Напротив, в культурах, где повторные браки не допускаются, т. е. в культурах традиционной, *жесткой моногамии*, пространство возможных выборов не включает в себя тех, кто уже состоит или даже состоял раньше (вдовцы) в браке.

2) Во втором отношении, т. е. в том, что касается *степени свободы индивидуального выбора*, между различными обществами также существуют большие отличия. В некоторых культурах, а в прошлом — практически повсюду, преобладают браки, организуемые родителями или другими родственниками, под чьей опекой находятся молодые люди. В других доминирует «свободный» выбор, когда его основными агентами являются сами вступающие в брак.

А.Б. Синельников в своей недавней работе «Трансформация семьи и развитие общества» выделяет четыре основных этапа на пути к свободному выбору брачного партнера [14, с. 30–33].

Первый этап — брак по воле родителей и под давлением общественного мнения, осуждающего безбрачие. На этом этапе родители имеют право женить своих сыновей и выдавать замуж дочерей без их согласия. Критерии выбора являются сугубо рациональными, поскольку исходят не от молодых новобрачных, а от представителей

старшего поколения, которые подходят к браку своих детей с сугубо прагматических позиций. Эта модель заключения браков была характерна для всего мира до конца XVIII века. В некоторых развивающихся странах она сохранилась до сих пор.

Второй этап — брак по личному выбору, но с согласия родителей. На этом этапе молодые сами выбирают себе супругов, но родители сохраняют за собой право контроля, если избранница сына или избранник дочери кажутся им неподходящими. В конце XVIII — начале XIX вв. в высших социальных слоях западноевропейского и российского общества стал распространяться идеал брака по любви, который с научной точки зрения более правильно называть браком по личной симпатии. Это предполагает, что выбор делают сами молодые, но с согласия родителей. Материальные и социальные соображения по-прежнему очень важны для старшего поколения, но для молодых основное значение приобретает критерий личной привлекательности. В России такое отношение к браку распространилось в XIX веке, причем сначала — среди высших классов.

Третий этап — брак по личному выбору без обязательного согласия родителей, но под давлением общественного мнения, осуждающего безбрачие. При данной модели вступления в брак родители не навязывают детям конкретных женихов и невест и не имеют даже права вето в случае неодобрения ими выбора детей, но это не значит, что дети абсолютно свободны в решении своей судьбы. Ведь если они слишком долго, по понятиям данного общества, не вступают в брак вообще, общественное мнение начинает осуждать их как «старых холостяков» и «старых дев».

Четвертый этап — свобода выбора между браком и безбрачием. На этом этапе вступление в брак становится необязательным. Общество терпимо относится к добровольному и сознательному безбрачию, а также к добровольно бездетным бракам, групповым бракам и т. д. Россия, по мнению А.Б. Синельникова, в данный момент пребывает на третьем этапе. В то же время есть немало признаков перехода к четвертому этапу.

Факторы брачного выбора. Несмотря на все вышесказанное, следует отметить, что вступление в брак и выбор брачного партнера *никогда не являются произвольными*, как бы ни увеличивалась степень свободы индивидуального выбора и как бы ни возрастало число потенциальных партнеров. Брачный выбор в любом случае подчиня-

ется действию определенных факторов культурного, социального, психологического и даже отчасти социально-биологического характера. Рассмотрим их.

Наиболее сильно на выбор брачного партнера воздействуют *культурологические факторы*. Важнейший из них — так называемое *правило эндогамии-экзогамии*.

Под *правилом эндогамии* понимается предписание выбирать себе брачного партнера из своей собственной этнической группы, но из разных кланов [8, с. 294]. Еще в недавнем прошлом это правило действовало жестко и непреклонно, сегодня же оно не универсально: его действие резко ослабевает на территориях со смешанным по этническому составу населением, где контакты и общение между представителями различных национальностей являются более частыми и интенсивными.

Правило экзогамии запрещает брак внутри собственной семейной группы, т. е. направлено на предотвращение браков между близкими родственниками [8, с. 294]. Оно, в противоположность правилу эндогамии, обладает универсальным и жестким действием, подкрепляясь в ряде случаев правовыми нормами, прямо запрещающими брак между родственниками.

Термины «эндогамия» и «экзогамия» обычно применяются в этнологии для описания того, как происходит брачный выбор между родами одного племени. В современной социологии семьи при характеристике процесса брачного отбора эти термины используются условно, в основном, когда речь идет об этнической и расовой принадлежности.

Функциональная роль правила эндогамии-экзогамии состоит в ограничении поля возможных выборов брачного партнера, в исключении из него тех, кто не может быть брачным партнером.

Вторая группа факторов брачного выбора — *социологические*. К социологическим факторам брачного выбора относятся *гомогамия-гетерогамия* и *близость (соседство)*.

Термин *гомогамия* употребляется для обозначения тенденции заключения браков между людьми, обладающими некоторыми сходными характеристиками. В отношении того, к каким именно характеристикам применять данное понятие, единого мнения не существует. Некоторые авторы предлагают рассматривать в качестве таковых только возраст, социальный статус и брачное состо-

яние [1, с. 277, 254–255]. Другие, и В.М. Медков в их числе, ничем не ограничивают количество сравниваемых параметров, называя также образование, уровень интеллекта, религиозные убеждения, целый спектр психологических качеств и даже физические характеристики [8, с. 295–310].

Противоположная тенденция, т. е. тенденция заключения браков между людьми, обладающими различными или противоположными характеристиками, обозначается термином *гетерогамия*.

Значения понятий «экзогамия» и «гетерогамия» часто сближаются. Однако между ними есть разница. Заключается она в том, что перенесенные в социологию термины «экзогамия» и «эндогамия» обозначают, по сути, некое социокультурное *принуждение*, заставляющее индивида действовать в брачном выборе тем или иным образом. Термины же «гомогамия» и «гетерогамия» являются чисто социологическими, означающими, что браки между индивидами со сходными индивидуальными характеристиками являются более вероятными, чем браки между индивидами, чьи характеристики сильно отличаются друг от друга. Иными словами, если экзогамия, являясь правилом, *требует* различий между будущими супругами, то гетерогамия, являясь тенденцией, эти различия лишь *отмечает*.

Вторым важнейшим социологическим фактором брачного отбора является *территориальная близость (соседство)*. Социологи связывают роль близости, в первую очередь, с *территориальной доступностью* и *облегчением контактов*: соседство, совместная работа или учеба повышают вероятность встречи с потенциальным партнером, который, к тому же, с большей вероятностью будет иметь сходство и по другим личностным и социальным характеристикам, включая сходство ценностей, интересов. Некоторые исследователи при этом уточняют, что на самом деле решающее значение имеет не территориальная близость, а «*функциональная дистанция*», т. е. то, насколько часто пути двух людей пересекаются [15, с. 500].

Всю систему факторов, влияющих на брачный выбор, можно представить в виде следующей схемы (схема 2).

Учитывая весь материал, рассмотренный выше, брачный отбор в целом можно представить как процесс движения через культурологические, социологические и психологические фильтры и постепенного сужения пространства возможных выборов (схема 3).

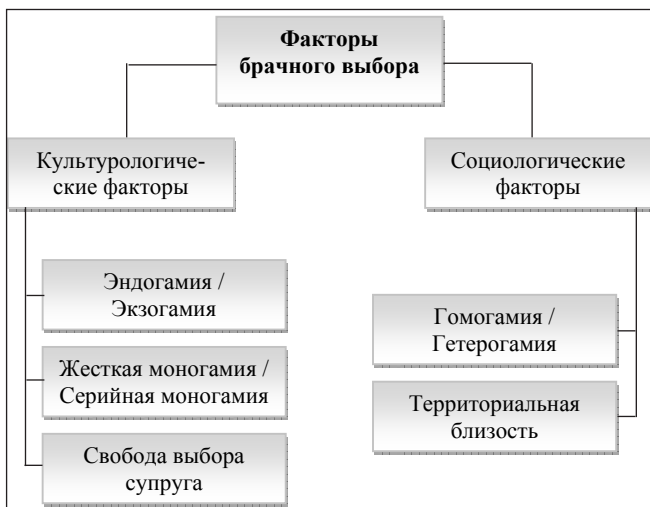

Схема 2

Программа исследования

1. Методологический раздел

1.1. Проблема, объект и предмет исследования

На современном этапе особенностью развития брачно-семейных отношений как в России, так и в других развитых странах является большое количество разводов. В настоящее время утратили свое значение многие внешние факторы, стабилизирующие семью: юридический и религиозный запрет, осуждение разводов, экономическая зависимость женщин от их супругов и т. д. В связи с этим определяющее значение для стабильности брака приобрели внутрисемейные факторы, связанные, в первую очередь, с индивидуальным поведением супругов. Одним из таких факторов является выбор партнера для брака, или *брачный выбор*.

Брачный выбор, являясь первым и ключевым этапом формирования семьи, имеет решающее значение для дальнейшего ее развития, ведь многие факторы риска разрушения брака имеют место уже в момент его заключения. Следовательно, одним из направлений изучения причин разводов и нестабильности браков должно стать исследование брачного выбора: его факторов, механизмов и критериев. Этому и посвящено данное исследование.

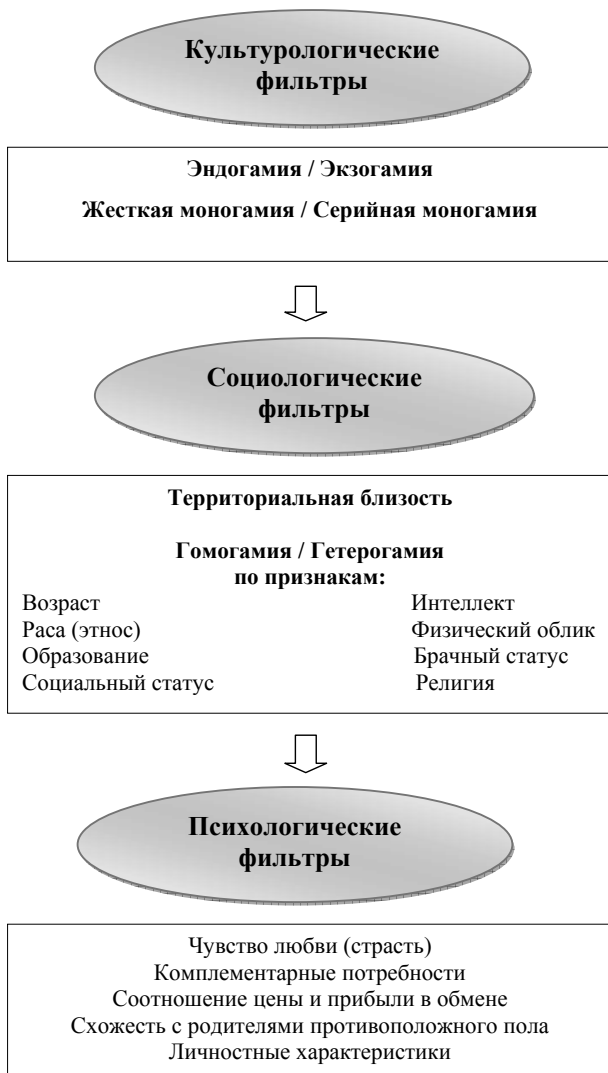

Схема 3. Культурологические, социологические и психологические фильтры брачного отбора

Объектом исследования выступают мужчины и женщины, вступающие в зарегистрированный брак в г. Санкт-Петербурге, т. е. женихи и невесты, подавшие заявление о заключении брака в орган ЗАГС.

Предмет исследования — добрачные характеристики будущих супругов и их установки в отношении семьи и брака.

1.2. Цель и задачи исследования

Целью исследования является выявление и анализ основных закономерностей формирования брачных пар в зависимости от добрачных характеристик и установок будущих супругов.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Анализ основных факторов брачного отбора.
2. Выявление у будущих супругов:
  - социально-демографических характеристик;
  - системы ценностных ориентаций, ролевых ожиданий и установок в отношении семьи и брака;
  - обстоятельств знакомства;
  - мотивов вступления в брак;
  - основных характеристик родительской семьи.
3. Анализ влияния выявленных характеристик на выбор супруга.
4. Сопоставление выявленных характеристик и анализ степени их совпадения у жениха и невесты.
5. Выявление общих закономерностей формирования брачных пар.

1.3. Интерпретация основных понятий

Брак (брачный союз) — постоянная, регулируемая обществом, связь между мужчиной и женщиной, преследующая цель создания семьи.

Зарегистрированный брак — брачный союз мужчины и женщины, зарегистрированный в государственных органах записи актов гражданского состояния.

Сожительство — брачный союз мужчины и женщины, не зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния.

Бракоспособное население — часть населения, которая имеет право вступать в зарегистрированный брак, т. е. лица, достигшие минимального брачного возраста.

Брачный возраст — установленный законодательством возраст, по достижении которого возможно вступление в брак. В Российской Федерации — 18 лет (как для мужчин, так и для женщин).

Брачный выбор — процесс, в результате которого из совокупности возможных, потенциальных брачных партнеров тем или иным способом отбирается тот единственный партнер, который и становится мужем (женой).

Брачный статус — положение индивида по отношению к институту брака.

Брачные установки будущих супругов — система идей и убеждений относительно различных сфер семейной жизнедеятельности, выражающая предрасположенность супругов действовать в этих сферах определенным образом.

Ценностные ориентации будущих супругов — осознание совокупности желаемых материальных и духовных благ и выбор из них наиболее предпочтительных, которые выступают в качестве целей жизни [16, с. 189].

Рольевые ожидания будущих супругов — представления об основных функциях семьи и о желаемом распределении ролей между супругами при реализации этих функций.

1.4. Основные гипотезы исследования

В ходе исследования предполагается проверить справедливость следующих гипотез:

1. На выбор брачного партнера влияют такие добрачные характеристики, как:
  - Возраст.
  - Национальность.
  - Уровень образования.
  - Социально-экономический статус.
  - Профессиональная принадлежность.
  - Брачный статус.
  - Религиозные убеждения.
  - Место и ситуация знакомства будущих супругов.
  - Личностные характеристики.
  - Ценностные ориентации, рольевые ожидания и установки в отношении семьи и брака.
  - Образ жизни, привычки.

2. Браки между индивидами со схожими добрачными характеристиками являются более вероятными, чем браки между индивидами, чьи характеристики сильно отличаются друг от друга.
3. Мужчины в качестве брачных партнеров предпочитают более молодых женщин с относительно низким уровнем образования и принадлежащих к относительно более низкой социальной группе.
4. Женщины в качестве брачных партнеров предпочитают мужчин более старшего возраста с более высоким уровнем образования и принадлежащих к более высокой социальной группе.

Переменные, подлежащие исследованию, объединены в следующие блоки:

1. Социально-демографические характеристики будущих супругов:
  - 1.1. Пол.
  - 1.2. Возраст.
  - 1.3. Национальность.
  - 1.4. Уровень образования.
  - 1.5. Профессиональная принадлежность, сфера занятости.
  - 1.6. Управленческий статус.
  - 1.7. Место жительства (мигрант или коренной житель).
  - 1.8. Брачный статус.
  - 1.9. Религиозные убеждения.
  - 1.10. Конфессия.
2. Социально-психологические характеристики будущих супругов:
  - 2.1. Характеристика личности будущего супруга.
  - 2.2. Установки в отношении семьи и брака:
    - репродуктивные установки;
    - установки на распределение хозяйственно-бытовых обязанностей;
    - установки на характер семейной власти.
  - 2.3. Ценностные ориентации.
  - 2.4. Ролевые ожидания.
  - 2.5. Оценка успешности будущего брака.
3. Характеристики родительской семьи:
  - 3.1. Образование родителей.
  - 3.2. Профессиональная принадлежность родителей.

- 3.3. Материальная обеспеченность родительской семьи.
- 3.4. Брачный статус родителей.
4. Характеристики добрачного поведения:
  - 4.1. Место и условия знакомства.
  - 4.2. Продолжительность знакомства.
  - 4.3. Отношение родителей респондента к заключению брака.
  - 4.4. Мотивы вступления в брак.

2. Процедурный раздел

2.1. Стратегический план исследования

В качестве основной стратегии исследования был избран *описательный (дескриптивный) план* [17, с. 104–110]. Основание для его принятия — наличие данных для формулировки описательных гипотез. Все элементы, подлежащие описанию, заранее определены и классифицированы в гипотезах. Цель плана — строгое, систематическое качественно-количественное описание объекта, его свойств, состояний.

2.2. Обоснование системы выборки единиц наблюдения

Исследование планируется как *пилотажное*. Пилотажное исследование представляет собой пробное исследование, цель которого — проверка качества подготовленного инструментария для сбора первичной социологической информации, определение валидности, т. е. надежности применяемых опросных листов (анкет). В связи с этим предпочтительной является целевая выборка. Предполагается охватить небольшую обследуемую совокупность — 50 брачных пар, т. е. 100 человек.

2.3. Основные процедуры сбора данных

Основным методом исследования является **анкетный опрос**.

Процедура сбора данных такова: парам, пришедшим подавать заявление на регистрацию брака в отдел ЗАГС, раздаются анкеты (мужской и женский варианты), заполнение которых должно осуществляться женихом и невестой одновременно, но независимо друг от друга. Анкеты каждой пары после заполнения помещаются в общий конверт, образуя так называемую «Анкету молодоженов», которая затем превращается в основную единицу обработки. Опрос проводится анонимно.

Данная методика имеет ряд преимуществ.

- Во-первых, мы получаем информацию об обоих супругах сразу, что обеспечивает возможность обследования супружеской пары как единицы.
- Во-вторых, полученные данные о женихах и невестах легко сопоставлять и сравнивать между собой, т. к. мужской и женский варианты анкеты состоят из унифицированных блоков и практически идентичны.
- В-третьих, место проведения опроса (отдел ЗАГС) обеспечивает исследование характеристик мужчин и женщин практически в момент принятия решения о вступлении в брак, т. е. в ходе опроса мы получаем данные о тех парах, которые совсем недавно прошли этап брачного отбора. Изучение пар со стажем семейной жизни чревато искажением полученных результатов, т. к. могли измениться как социально-демографические характеристики супругов (например, уровень образования), так и социально-психологические (ролевые ожидания, ценности, привычки и т. д.). Для нас же исследовательский интерес представляют именно добрачные характеристики и установки респондентов, которые и определяют сам брачный выбор. Напротив, при изучении пар, еще не принявших решения о вступлении в зарегистрированный брак, существует риск того, что процесс брачного отбора в данном случае еще не завершен, и молодые люди находятся на каком-либо из его этапов. Нас же интересует конечный результат — сам выбор.
- В-четвертых, данный метод позволяет в короткие сроки опросить большое количество респондентов и получить большой массив информации, к тому же стоимость его относительно невелика.

В анкете можно выделить следующие смысловые блоки вопросов:

1. Социально-демографические характеристики будущих супругов (возраст, национальность, брачный статус сфера занятости и профессиональный статус, место жительства).
2. Характеристики родительской семьи будущих супругов.
3. Обстоятельства знакомства будущих супругов.
4. Мотивы вступления в брак.
5. Оценка личности будущего супруга.

6. Установки в отношении семьи и брака.
7. Ценностные ориентации.
8. Ролевые ожидания.
9. Оценка успешности заключаемого брака.

Брачный выбор, являясь первым и ключевым этапом формирования семьи, имеет прямое отношение к процессам воспроизводства российского общества. Актуальность и необходимость изучения основных тенденций и особенностей брачного выбора в российском обществе обусловлены, в первую очередь, двумя аспектами.

Во-первых, брачный выбор является одним из факторов семейной стабильности, прочности и устойчивости брака, изучение которых как никогда актуализировалось в последние десятилетия в связи с остро вставшей проблемой увеличения числа разводов. Брачный выбор имеет решающее значение для дальнейшего развития семьи, ведь многие факторы риска разрушения брака имеют место уже в момент его заключения. Следовательно, изучение закономерностей брачного выбора необходимо для прогнозирования «удачности» брака, его прочности, а также для практической деятельности различных служб семьи и выработки мер социальной политики, направленных на стабильность семьи и рождение детей.

Во-вторых, тревожная тенденция увеличения доли браков с иностранными гражданами, безусловно, требует более глубокого понимания сущности, факторов и механизмов брачного выбора. Ясно, что предрасположенность к браку с иностранными партнерами основывается на нарушении количественных и качественных показателей российского брачного рынка. Происходит усложнение реализации брачного выбора, особенно для женщин. В результате подавляющее большинство межнациональных браков заключается женской частью населения России, а ведь именно с женщинами связано воспроизводство человеческого рода. Следовательно, складывается противоречие между потребностью российского общества в простом воспроизводстве и «оттоком» российских женщин посредством браков с иностранными гражданами за пределы Российской Федерации. В этой связи необходимым является исследование критериев брачного отбора, тех требований, которые российские женщины предъявляют к брачным партнерам, и причин, по которым российские мужчины им не соответствуют, что напрямую отражается на качестве воспроизводства населения России.

Таким образом, необходимость углубленного исследования тенденций брачного выбора обусловлена его многоаспектным, качественным влиянием на процессы воспроизводства населения России.

Литература

1. См. об этом: *Clayton R.R.* The Family, Marriage and Social Change. D. C. Heath and Company, 1975; *Eshleman J.R.* The Family: An Introduction. Fifth edition. Boston: Allyn and Bacon, 1988; *Collins R.* Sociology of Marriage and the Family: gender, love and property. Second edition. Chicago: Nelson-Hall, 1988.
2. См.: *Медков В.М.* Демография: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2003. 544 с.; Социология семьи: Учебник / Под ред. проф. А.И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005. 640 с.
3. См.: *Рощина Я.М., Рошин С.Ю.* Брачный рынок в России: выбор партнера и факторы успеха. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 60 с.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.
5. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] // <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/>
6. См.: *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация: Учебное пособие. М.: Наука, 1995.
7. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. М.: Политиздат, 1989.
8. Социология семьи: Учебник / Под ред. проф. А.И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005.
9. См. об этом: *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. М., 1979; *Мацковский М.С.* Социология семьи: Проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989; Социология семьи: Учебник / Под ред. проф. А.И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005; *Гребенников И.В.* Основы семейной жизни. М., 1991; *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Фундаментальная социология: В 15 т. Том 10: Гендер. Брак. Семья. М.: ИНФРА-М, 2006; *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В.* Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб.: Питер, 2008.
10. *Мацковский М.С.* Социология семьи: Проблемы теории, методологии и методики. М., 1989.
11. См.: Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А.Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2007.
12. См.: Социальная энциклопедия / Ред. колл.: А.П. Горкин, Г.Н. Горелова, Е.Д. Катульский и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

13. *Гурко Т.А.* Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008.
14. См.: *Синельников А.Б.* Трансформация семьи и развитие общества: Учебное пособие. М.: КДУ, 2008.
15. См.: *Майерс Д.* Социальная психология. 7-е изд. СПб.: Питер, 2007.
16. См.: *Сикевич З.В.* Социологическое исследование: практическое руководство. СПб.: Питер, 2005.
17. См.: *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М: Добросвет, 2000.

М.А. Ерофеева

«ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ТУРИЗМ» КАК НОВАЯ ФОРМА ТУРИСТСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

«Движущийся в движимом» (*Mobilis in mobile*) — этот знаменитый девиз одного из основоположников поэтики путешествий Жюль Верна как нельзя лучше характеризует современное состояние стремительно меняющегося мира. Новые коммуникационные технологии, способствующие активизации контактов между людьми и странами поверх национальных границ, сделали значимой для социального познания проблему дистанции. Осмысление нового статуса времени и пространства отражается в научном языке, использующем для описания и объяснения происходящих изменений такие метафоры, как «гибель дистанции» (Ф. Кейнкросс), «глобальная деревня» (М. Маклюэн), «маленький мир» (С. Милгрэм). Сверх того, в фокусе внимания оказывается постоянная изменчивость социальной реальности, поэтому современная социология стремится описывать не жесткие, устойчивые структуры, а их динамику в «текущей современности» (З. Бауман), «потоки» (А. Аппадурай), «мир в движении» (Дж. Урри). Даже исследовательский вопрос теперь ставится иначе: особое значение приобретают так называемые «мягкие переменные», которые отражают подвижность отношений между людьми, например «доверие» [9, с. 324]. Дж. Урри называет эту тенденцию в социальных науках «поворотом в сторону мобильности» (*mobility turn*), поскольку именно из движений (мобильностей) складывается реальность современного мира.

Одной из таких мобильностей, способствующих интенсификации взаимодействия между людьми из разных стран, является международный туризм. Туризм становится массовым явлением после Второй мировой войны вследствие развития массового производства, увеличения свободного времени, совершенствования информационных технологий и инфраструктуры транспорта. С каждым годом все большее количество людей и мест становятся участниками глобальной туристской мобильности, описываемой метафорой «цунами» (Р. Проссер). Сфера туризма непосредственно связана с множеством институтов, таких как транспортные перевозки, гостиничный бизнес, средства массовой информации. Все это оказывает

большое влияние на формирование мирового социального порядка, потому что отношения между странами сегодня опосредованы, в том числе, потоками туристов. Тенденцией конца XX — начала XXI века является расширение дифференциации туристских практик: появляются «медицинский туризм», «образовательный туризм», «секс-туризм» и т. д. Возникают альтернативные формы туризма, существенно отличающиеся от своего прототипа, но тоже функционирующие в глобальном масштабе. Некоторые из них целиком и полностью обязаны своему существованию сети Интернет.

Интернет как средство коммуникации играет огромную роль в жизни современного общества. Сегодня все большее число коммуникаций совершается с помощью Интернета. В последнее время самыми популярными средствами общения в виртуальной среде стали социальные медиа (вики, блоги, форумы, социальные сети и др.). Ранее имевшие лишь опосредованное значение для развития альтернативных форм туризма, социальные медиа приобретают самостоятельную роль в формировании новой туристской мобильности с появлением виртуальных сетей гостеприимства (*online hospitality networks*) — онлайн-сообществ людей, предлагающих погостить у себя дома другим членам этого сообщества. Они не только позволяют участникам экономить на жилье при путешествии, что расширяет круг потенциальных туристов, но также дают возможность встретить интересных людей, единомышленников, познакомиться с бытом местных жителей «изнутри». Соответственно, меняется сама функциональная наполненность практик туризма, что свидетельствует о возникновении у широкого круга людей новых потребностей, которые не удовлетворяются в рамках классического туризма.

1. Современные туристские мобильности.

Мы говорим о современных туристских мобильностях, поскольку понятие международного туризма не отражает всю совокупность движений, которые во взаимосвязи составляют комплексную природу данного феномена. Как отмечает Э. Кохен, посвятивший себя изучению развития социологии туризма, социологическое понимание категории «туризм» еще не сложилось, а определение Всемирной Туристической Организации лишь отграничивает это явление от переселения и транзита: временное посещение страны минимум на 24 часа с целью отдыха или по личным причинам [6, с. 311]. Данное определение замыкает сферу туризма на физическом перемеще-

нии людей в пространстве, в то время как другие виды путешествия, сопутствующие туризму, упускаются из виду. Например, игнорируется коммуникативный аспект туризма, заключающийся в обмене сообщениями с помощью писем, телефона, факса и т. д., которые предшествуют туристической поездке. Тем не менее, этот и другие аспекты во многом определяют, каким будет взаимодействие, когда пространственная дистанция будет преодолена. В данной статье мы опирались на концепцию мобильностей Дж. Урри, поэтому, прежде всего, необходимо рассмотреть, что она из себя представляет.

Базовым положением концепции мобильностей Дж. Урри является тезис о том, что в современном мире все находится в движении (on the move). Отныне все социальные проблемы и вопросы решаются посредством фактора мобильности. Однако социологическое измерение мобильности как изменения положения в социальной структуре — лишь один из аспектов, ее описывающих. Урри под мобильностями понимает движения людей, идей, объектов, информации [13, р. 3–17]. Здесь можно провести параллель с концепцией А. Аппадураи, согласно которой социальные структуры теряют привязанность к территории и перемещаются в символические пространства-потоки (landscapes), среди которых Аппадураи выделяет движения технологий, денег, людей, идей, образов [4, с. 120–121].

Итак, ключевой метафорой для понимания социальной реальности в ее современном измерении является «поток». Однако не стоит полагать, что потоки есть чисто символические образования, лишённые какой бы то ни было связи с физической действительностью. Непространственный характер потоки приобретают не потому, что они перемещаются в некий воображаемый мир, а вследствие имманентного им движения, которое осуществляется в том числе и в физическом пространстве. Мир сдвинулся с мертвой точки и полностью перешел в состояние движения, как подхваченный ураганом фургончик Элли из сказки о волшебнике Изумрудного города. В этом мире движется огромное число потоков, состоящих из людей, объектов, образов, информации, отходов; они сталкиваются и переплетаются, что приводит к совершенно неожиданным следствиям и образует «комплексности глобального» (complexities of the global). При этом потоки преодолевают границы национальных государств, поэтому горизонтальная мобильность приобретает значимость.

Несмотря на активное использование категории потока, Урри употребляет также понятие «сеть». Чтобы разграничить их, он задается вопросом, как вообще могут пересекаться физическое и социальное пространства. Ответ он заимствует из работ А.-М. Мол и Дж. Ло, которые выделяют три социальных топологии: регионы, сети и потоки. Если регионы маркируются наличием физических границ, а сети — отношениями между элементами, то потоки не обладают никакими атрибутами, которые бы позволили проводить различие между тем или иным местом в физическом или семиотическом пространствах. Иными словами, потоки не имеют никаких границ, потому что находятся в постоянном движении. По мнению Урри, обе последние метафоры наилучшим образом характеризуют современные глобализационные процессы.

Итак, мобильности формируют сети (networks). Это означает только то, что создаются структуры из группы узлов и связей между ними. Важнейшей чертой сети является ее относительная устойчивость, признаками которой являются русла (scapes) и течения (flows). Русла представляют собой материальную основу сети, т. е. это те технологии, которые содействуют реализации подвижности (motility) — способности к движению. Руслами являются, например, транспортная и кабельная (телефонная, телевизионная, компьютерная) системы, радиосвязь. Течения финансовой, научной, новостной и иной информации, которые связывают узлы сети, имеют тенденцию двигаться в руслах. Поэтому когда они образуются, индивиды и организации стремятся установить с ними связи, чтобы оказаться на пересечении информационных течений. Этот механизм предпочтительного присоединения (preferential attachment) позволяет говорить о том, что данные сети, скорее всего, строятся по модели безмасштабных (scale-free), т. е. связи распределены по узлам неравномерно и концентрируются вокруг небольшого числа узлов [10, p. 60–69].

В современном мире можно найти два основных вида таких сетей: глобальные сети (global networks) и глобальные потоки (global fluids). Их общей чертой является то, что они надтерриториальны, простираются над границами национальных государств. Отличие заключается в том, что глобальные сети стремятся к унификации своих операций и структур, чтобы достичь сходных результатов для всей сети в целом. Это требует создания предсказуемой, стандар-

тизированной среды, которая описывается параметрами, поддающимися измерению. К примерам такого типа сетей можно отнести многочисленные транснациональные корпорации, производящие более или менее одинаковые продукты более или менее одинаковым образом во всех странах, куда простирается сеть. В отличие от глобальных сетей, потоки представляют собой неоднородные, непредсказуемые мобильности, хаотично движущиеся через регионы. Они не имеют никакой определенной направленности или цели и могут протекать вне русел, тем самым формируя новые русла и оказывая влияния на сети. Так, у нас есть глобальные туристические сети, предлагающие «потреблять места» в рутинизированной форме, и есть глобальные туристские потоки, которые могут изменить саму структуру сетей. Обращение «взгляда туриста» на самые неожиданные туристические направления, например на Южную Африку или Антарктиду, служит основанием для образования русла и включения этих мест в индустрию туризма. Может показаться, что потоки не являются устойчивыми, но они не являются устойчивыми только *как сети*. Их устойчивость определяется не просчитываемостью, закрепленной в пространстве и времени, а постоянным движением. Таким образом, можно говорить о том, что потоки представляют собой сети в постоянной реконфигурации.

Интернет в концепции Урри представляет собой русло, по которому циркулируют разнообразные течения информации. Согласно механизму предпочтительного присоединения, глобальные потоки чаще всего подключаются к руслам, чем вызывают социальные изменения. Однако природа потоков не является чисто социальной, они состоят из знаков (signs) — людей в совокупности с материальными и нематериальными объектами. Глобальная комплексность современности заключается в том, что субъекты (люди) не всегда определяют направление потока, поэтому субъект и объект во взаимосвязи становятся одним актором. Эти сложные взаимосвязи между социальным и природно-технологическим миром хорошо иллюстрируются в акторно-сетевой теории Б. Латура. В обществе действуют не люди, а сети — конгломераты человеческого и нечеловеческого. Жизнеспособность сети зависит от жизнеспособности ее звеньев: не важно, сломается ли оборудование, или эксперимент перестанет спонсироваться, в любом случае сеть перестанет быть действующей силой [2, с. 249]. Следовательно, ни люди, ни

объекты самостоятельно не способны привести поток в движение. Нельзя говорить о социальной реальности в чистом виде, потому что и общество, и Интернет представляют собой «глобальные гибриды» (Урри) человеческого и нечеловеческого.

Взаимодействие между людьми в современном мире всегда осуществляется посредством цифровых систем мобильности (*digitized systems of mobility*), т. к. если даже оно происходит лицом к лицу, оно оказывается помещенным в пространственно-временной фрейм, возникший в результате развития новых технологий. Это позволяет говорить о XXI веке как о веке «обитаемых машин» (*inhabited machines*) в том смысле, что люди налаживают социальные связи с помощью этих машин, и одновременно эти машины функционируют только при условии, что люди ими пользуются. Соответственно, необходимость учитывать взаимозависимость человека и материального мира выражается в двух аспектах: характер опосредованной технологиями коммуникации и изменение природы непосредственного взаимодействия людей в контексте технологического развития. Первый аспект привлек наибольший исследовательский интерес.

Однако более важным представляется не изолированное рассмотрение опосредованной технологиями коммуникации, а анализ ее во взаимосвязи с прерывистыми моментами соприсутствия, т. е. второй аспект взаимозависимости человека и материального мира. Это приобретает дополнительную актуальность в связи с тенденциями сжатия пространства и времени. Чтобы поддерживать прочные социальные связи с людьми, находящимися далеко, время от времени организуются встречи лицом к лицу, возможность которых вытекает из обширной физической мобильности, в том числе туризма.

Из рассмотрения концепции мобильностей Дж. Урри можно заключить, что современный международный туризм представляет собой глобальный поток. Невозможно предсказать, куда направится каждый конкретный путешественник, но вместе они составят динамически устойчивый поток, движение которого можно проследить и описать. «Под понятием турист скрывается не отдельно взятый, конкретный человек с его желанием путешествовать, а некий процесс, в который вовлекается все больше людей» [6, с. 313]. Значимость горизонтальной мобильности для современности, вытекающая из появления глобальных потоков, делает исследования туризма особенно актуальными, поскольку он в первую очередь

предполагает перемещение людей в физическом пространстве. Обратимся к теоретическим разработкам данного направления.

2. Трансформация туристских практик и социология туризма.

А.Н. Новгородцева выделяет два этапа обращения социологов к теме туризма. Первый этап начинается после окончания Второй мировой войны и связан с появлением массового туризма как такового. Второй этап относится к началу XXI века, когда массовый туризм превращается в обычную практику [6]. Возможность выделения нескольких этапов в развитии социологии туризма говорит о том, что изменились сами туристские практики, и поэтому потребовалось переосмыслить это изменение.

Осмысление трансформации туристских практик осуществляется в терминологии перехода от классического туризма к пост-туризму. Первоначально туризм зарождается как элитная практика, которая преследует цель получить опытное переживание нового окружения, тем самым увеличивая социальную дистанцию между теми, кому доступен опыт внеповседневного, и всеми остальными. С развитием транспортных сетей, повышением уровня жизни все большее число людей включается в туризм, и он становится массовой практикой. Омассовление превращает туризм в индустрию, что в итоге изменяет его облик. Дж. Урри описывает этот переход как преобразование способов познания, как превращение туристского пристального взгляда (*tourist gaze*) в совокупность беглых взглядов (*glances*) туриста. Это превращение начинается еще в XIX веке с развитием железных дорог. С тех пор мобильные технологии опосредуют взгляд туриста, и он уже не может видеть вещи в состоянии покоя. Движение становится повседневным фоном деятельности, поэтому опыт внеповседневного теперь закрепляется в прерывистых пристальных взглядах, которые рождают ощущение статики, физической включенности в ландшафт, событие, сообщество. Из необходимости с помощью путешествия выйти за пределы повседневности вытекает имманентная человеку «потребность в близости» (*compulsion to proximity*), которая только интенсифицирует потоки мобильностей [7].

Общим для концепций социологии туризма является акцент на том, что туризм всегда конструируется как противоположность нетуристскому опыту, или как выход за пределы повседневности. Он воспринимается туристом как «приключение», «событие». Времен-

ное исключение рутины из жизни придает действиям туристов игровой характер. Н. Грейбурн утверждает, что измененное состояние сознания туриста заставляет его переживать события и ситуации как ритуальное испытание, что выражается в высокой доле телесной вовлеченности в событие [8, с. 121]. Опыт внеповседневного всегда имеет материальную сторону, заключающуюся в стремлении к взаимодействию со «всеми, что можно потрогать» (touchables, термин П. Бяльски): номер гостиницы, блюдо местной кухни, оживленная улица. Фотографии, привезенные из туристических поездок, являются способом документирования и консервации полученных впечатлений, а сама фотография превращается в «искусство средней руки» (art mouep, термин П. Бурдые), доступное всем и при этом выполняющее ритуальные функции (интеграция группы, установление символической связи со значимыми периодами жизни).

Итак, практики туристов нацелены на переживание «события». Однако с развитием индустрии туризма событие становится «псевдособытием» (Д. Бурстин), и этот факт маркирует наступление эры посттуризма. Когда туризм становится массовым явлением, появляются специальные организации, трансформирующие пространства городов и других мест посредством создания множества платных развлечений, имитирующих реальную жизнь. Можно сфотографироваться с человеком в национальной одежде в музее истории какой-либо страны, но это не будет истинным соприкосновением с культурой, потому что вся обстановка искусственно создана с целью привлечения «пристального взгляда туриста». В результате на первый план выходит проблема аутентичности: турист ищет столкновения с реальностью, а имеет дело только с инсценировками. Данная проблема рождает различные интерпретации мотиваций туристов к путешествию.

Согласно Д. Бурстину, турист вообще не соприкасается с реальной жизнью местного населения, т. к. находится под опекой туристических компаний, ходит по проложенным маршрутам, указанным в путеводителе, где находит специально созданные развлечения и перестроенное под туристов пространство [3, с. 290]. Однако если в 1960-е гг. туристы еще могли принимать предлагаемую им модель реальности за чистую монету, то современный турист наслаждается игровым взаимодействием, осознанно стремится к получению заведомо неаутентичного опыта. Он знает, что «он не путешествен-

ник во времени, когда он посещает какие-то исторические места, не дикарь, когда он останавливается на тропическом побережье, не невидимый наблюдатель, когда он отправляется в местную деревню», — пишет М. Фейфер [14, р. 3173].

Другая точка зрения заключается в том, что в действительности современного туриста не удовлетворяют инсценировки, он стремится к соприкосновению с локальной культурой и местными жителями. Отсюда вытекает желание не просто прогуляться по типично туристическим местам, а заглянуть «за кулисы», проникнуть в частную сферу жизни города и людей, его населяющих. Однако это оказывается невозможным, потому что за туристом всюду следует индустрия туризма. Д. Маккеннелл говорит о возникновении специальных мест, откуда туристы могут наблюдать за внутренней организацией жизни местного населения. Это создает «инсценированную подлинность» (*staged authenticity*), т. к. реальность демонстрируется через призму индустрии туризма, что неизбежно ее искажает [3, с. 290–291]. К примеру, можно посмотреть на деятельность Нью-Йоркской фондовой биржи, но только со специально выстроенного для туристов балкона.

Данные трактовки не являются взаимоисключающими. Существуют разные типы туристов, побуждаемые разными потребностями и мотивами, для чего доступны разные средства реализации туристического опыта. Однако поиск аутентичности, как нам кажется, является фундаментальным мотивом посттуриста, поскольку через него может быть реализована внутренне присущая человеку «потребность в близости». В то же время наслаждение инсценировками скорее удовлетворяет только потребность в рекреации, т. к. в глобальной туристической сети развлечения унифицируются, а логика организации туристического пространства строится по единой для сети модели, что не позволяет туристу далеко уйти за пределы повседневности.

Из проведенного анализа зарубежных концепций социологии туризма можно сделать вывод о том, что туризм всегда рассматривается как противопоставление своей противоположности — рутинной обыденной деятельности. Следовательно, изменение повседневных практик ведет к изменению туристских практик: «Что создает специфический туристский пристальный взгляд, зависит от того, чему он противопоставлен, в каких формах осуществляется нетуристский опыт» [8, с. 124–125]. Например, экстремальный ту-

ризм выражает протест против работы и рутины; желание загорать на пляже рождается из протеста в отношении протестантской этики и домашнего образа жизни женщин; а появление альтернативных форм туризма — против самой индустрии туризма.

Необходимо также несколько слов сказать о российском опыте исследования туризма. Во-первых, социологическое изучение сферы туризма в России делает самые первые шаги, в большинстве работ по туризму анализируется только его экономический аспект. Во-вторых, помимо экономического подхода к данному явлению, существует традиция рассматривать туризм в концепции досуга. Однако при таком подходе туризм анализируется как один из способов проведения свободного времени, причем заведомо неравноценный, поскольку он предполагает большие временные и финансовые затраты в отличие от, скажем, чтения. Из этого можно заключить, что для российской социологии туризм еще не стал полноценным предметом анализа, что подчеркивает актуальность его социологического изучения в контексте затронувших социальную сферу изменений, происходящих в нашей стране.

3. Виртуальные сети гостеприимства (на примере CouchSurfing.org).

Несомненно, что ресурсы Интернета предоставляют огромные возможности для развития туристских практик: это реклама турагентств, самостоятельный поиск информации о желаемых местах путешествий, онлайн-бронирование билетов и многое другое. С точки зрения исследования туризма и влияния на него цифровых систем мобильности уникальным феноменом представляется возникновение сетей гостеприимства, специально созданных для взаимного предоставления помощи и ночлега во время путешествий. Исключительность подобных сайтов заключается в том, что они, в отличие от других социальных сетей, изначально предполагают взаимодействие сразу в *двух* модусах: опосредованное и лицом к лицу. Следовательно, в этих сетях переход из виртуального в реальное осуществляется одновременно с происходящим в практике туризма переходом из повседневного в неповседневное, что превращает сети гостеприимства в исследовательскую лабораторию новых туристских практик.

Под сетью гостеприимства можно понимать «сеть, базирующуюся на стремлении объединить людей на основании общности инте-

реса или цели посредством предоставления друг другу гостеприимства в форме системы “открытых дверей”» [12, р. 27]. Виртуальные сети гостеприимства предоставляют своим членам пространство, где последние могут создавать личные профили и участвовать в онлайн-коммуникации друг с другом, предваряющей личные встречи. Из-за того, что они являются одним из инструментов в цифровой системе мобильности (Интернет), по которой циркулируют глобальные течения информации, а также вследствие своего двойственного характера проводника виртуальной коммуникации и взаимодействия лицом к лицу, виртуальные сети гостеприимства представляют собой сложный социальный феномен. Такая сложность рождает множественность перспектив, исходя из которых может вестись изучение данного явления.

Во-первых, сети гостеприимства можно изучать с точки зрения коммуникации между участниками. Они представляют собой площадку для презентации себя другим и формирования собственной идентичности. Неизбежный переход онлайн-коммуникации в непосредственное общение в процессе путешествия побуждает обратить внимание на то, как конструируется образ себя и складывается идентичность одновременно в виртуальном и реальном пространствах. Во-вторых, сеть гостеприимства может быть рассмотрена как виртуальное сообщество. Тогда на первый план выходит изучение групповых отношений, которые будут характеризоваться высокой степенью доверия. Тем самым в фокус исследовательского интереса попадают вопросы о том, каким образом формируется и выражается доверие в виртуальных сетях гостеприимства, какова его природа. В-третьих, любая сеть гостеприимства функционирует на базе конкретной организации, и поэтому может исследоваться ее организационный аспект. В этой связи приобретают актуальность вопросы о характере организации, степени ее открытости, структуре входящих в нее коллективов, источниках финансирования и т. п. Наконец, виртуальные сети гостеприимства могут рассматриваться как коммуникативное пространство, раскинувшееся поверх территорий и локализованных в пространстве групп. Исходя из этой перспективы, можно анализировать процесс формирования и распределения социального капитала различных акторов в глобальном масштабе. С точки зрения исследований туризма данный уровень анализа является значимым, т. к. виртуальные сети гостеприимства

представляют собой тот контекст, в котором складываются и существуют глобальные туристические потоки. В этой связи необходимо установить их взаимовлияние, а также те функции, которые сети гостеприимства выполняют для развития и трансформации туристских практик.

Далее в рамках этой работы сконцентрируем внимание на последнем из вышеупомянутых аспектов, т. к. именно эта перспектива соотносится с историей социологии туризма. В качестве иллюстративного примера была выбрана социальная сеть CouchSurfing.org. Этот выбор обусловлен тем, что CouchSurfing является самой крупной виртуальной сетью гостеприимства, объединяющей около 4,5 миллионов человек в 207 странах мира (июль 2012).

В процессе путешествия через виртуальные сети гостеприимства между путешественником и принимающим его хозяином возникает определенная связь. Эта связь носит эмоциональный характер, поскольку серфер (тот, кто путешествует) проникает в личное пространство хоста (того, кто принимает). Сайт CouchSurfing.org целиком и полностью строится именно на эмоциональных категориях: оценка состоявшегося путешествия, оценка степени дружбы и т. п. Уже не просто аутентичность опыта играет определяющую роль как мотив туризма, а переживание чувств, возникающих от близости с другим человеком. Эту форму туризма П. Бьяльски называет «эмоциональный» (emotional), или «интимный» (intimate), туризм, понимаемый как система обмена, существующая помимо среды индустрии туризма, в которой люди путешествуют и испытывают близость (intimacy) в пространстве и в отношениях. Под близостью (интимностью) в данном случае понимаются близкие, искренние, значимые для одного или обоих участников отношения, основанные на взаимном доверии [11].

Потребность в близости в современных обществах является, по сути, принудительным мотивом к туристской мобильности. Рационализация общественных отношений, увеличение числа безличных социальных связей приводят к тому, что большая часть социальной жизни протекает вне личностных отношений. Путешествие в близость — это попытка защитить осмысленную жизнь, которая оказалась вытесненной за рамки крупных безличных организаций современного мира. Эти процессы могут быть описаны с помощью теории Ю. Хабермаса в терминах «колонизации» жизненного мира

системой или теории Ж. Бодрийера в терминах «смерти социального». В данном случае не имеет значения, какую объяснительную схему мы будем использовать, важно то, что одновременно с этими схемами появляются «специфически модернистские потребности в общении» (А.Т. Пауль), которые удовлетворяются в новых туристских практиках.

После эпохи посттуризма туристские практики продолжают трансформироваться, что выражается в появлении альтернативных форм туризма, в том числе эмоционального. Различия между этапами развития туризма представлены в табл. 1.

Таблица 1

Трансформация туристских практик

Этап развития туризма	Доминирующий мотив	Форма реализации мотива	Противопоставление туристских практик
Классический туризм	Испытать новое	Акцент на материальной стороне	Рутине, повседневности
Посттуризм	Испытать аутентичное, локальное	не: стремление к взаимодействию со «всеми, что можно потрогать»	Неаутентичности туристского опыта
Эмоциональный туризм	Испытать эмоции, связанные с доверием и близостью другого человека	Акцент на нематериальной стороне: стремление к переживанию близости	Безличности индустрии туризма

Несмотря на выявленные различия, туристские практики всегда основаны на противопоставлении. Из этого можно заключить, что движущей силой развития туризма является протест против существующих форм взаимодействия, которые не могут удовлетворить новые потребности современности. Эмоциональный туризм в таблице выделен курсивом, потому что он представляет собой только одну из возможных форм альтернативного туризма. Можно предположить, что более широкое различие классического и альтернативного туризма может строиться на переносе акцента с материальной стороны взаимодействия к его нематериальным составляющим. Сравнение практик альтернативного туризма с классическими туристскими

практиками поможет выявить, является ли нематериальная сторона взаимодействия главенствующей только в эмоциональном туризме, или она характеризует все альтернативные туристские практики.

Нужно понимать, что протест против обезличивающей индустрии туризма, выраженный в поиске близких человеческих отношений, не является революционным поворотом в сторону радикальной трансформации существующего социального порядка в целом. Согласно логике общества потребления, в котором возникает туризм, его эмоциональная форма тоже существует как способ потребления. «Точно так же, как потребитель идет по проходу в супермаркете, механизм обмена гостеприимством позволяет пользователю производить поиск внутри глобального сообщества серферов, чтобы найти лучшего друга, лучшее место для ночлега, самого интересного парижанина и т. д.» [11, р. 72]. Таким образом, доминирование нематериальных составляющих в способе реализации мотива путешествия не может свидетельствовать о сущностном изменении системы общественных отношений.

Было бы наивно полагать, что новые туристские практики полностью вытесняют старые. Скорее они призваны выполнять различные функции, что выражается в различной мотивации к путешествию. Современный мир составляют множество мобильностей, и рассмотренный нами эмоциональный туризм занимает только одну из ниш. Следовательно, можно говорить и о разных типах туристов, для которых мобильность будет играть неодинаковую роль. Рассмотрим полярные формы туризма, чтобы определить место эмоционального туризма в континууме туристских практик (см. табл. 2).

Большинство пользователей сети CouchSurfing, согласно исследованию П. Бяльски, не являются ни кочевниками, ни туристами в собственном смысле слова. Путешествие через виртуальные сети гостеприимства — это не просто отдых, а способ создания «вдохновляющих переживаний», что заявлено в миссии организации. Это сближает путешественника с кочевником, потому что путешествие рассматривается как способ испытать что-то. Однако в этом промежуточном случае путешественник не утрачивает чувства дома, и мобильность становится скорее средством познания, чем стилем жизни.

Многообразие и неоднородность форм туризма ставит вопрос о правомерности рассмотрения туризма в качестве самостоятельного

Таблица 2

Формы туристских практик

Форма туризма	Мотив путешествия	Наличие чувства дома	Роль мобильности	Статус туриста
Туризм как стиль жизни	Мобильность как элемент идентичности	—	Стиль жизни	Кочевник
Туризм как способ рекреации	Отдых	+	Средство реализации мотива	Турист
Промежуточный тип (случай CouchSurfing)	Личностный рост	+	Познание себя и мира	Путешественник

предмета социологического исследования. Отсутствие четкого социологического определения понятия «туризм» приводит к тому, что огромное число неоднородных практик рассматриваются как неразличенное целое или не рассматриваются вовсе. Вышесказанное позволяет нам согласиться с выводом Р. Бахлайтнера и Кш. Подемского о необходимости расширения социологии туризма до социологии путешествий [1; 5].

Данный вывод помогает очертить перспективы рассмотрения многообразия туристских практик. Туризм не следует представлять только как форму рекреации. Практики туризма, позволяющие выходить за пределы повседневности, требуют напряжения физических и эмоциональных сил, что несовместимо с отдыхом, хотя в определенных случаях туризм, несомненно, выполняет рекреационные функции. В современном мире, который состоит из множества мобильностей, сфера исследований туризма, расширенная социологией путешествий и социологией пространства, изучением социальных медиа в общем и виртуальных сетей гостеприимства в частности, является перспективным исследовательским полем.

Литература

1. Верченев Л.Н., Чайников Ю.В., Подемский Ки. Социология путешествия / РЖ. Серия 11: Социология. 2008. № 1. С. 86–96.

2. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2008. 298 с.
3. Засимович Е.С. Потенциал туристической деятельности в формировании культуры межнационального общения молодежи // Вестник ТГУ. Вып. 9 (77). 2009. С. 289–293.
4. Иванов Д.В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 212 с.
5. Ким С.Г., Бахлайтнер Р. Социология туризма, или О социологии путешествий / РЖ. Серия 11: Социология. 2006. № 3. С. 90–97.
6. Новгородцева А.Н. Становление теории туризма в зарубежной и отечественной практике // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 115. С. 310–319.
7. Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: современные западные исследования. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. С. 136–150.
8. Черняева Т.И. Туристическое потребление: стандартизация впечатлений // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII, № 3. С. 116–127.
9. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М: Логос, 2008. 664 с.
10. Barabási A.-L., Bonabeau E. Scale-free networks // Scientific American 288, 2003. P. 60–69.
11. Bialski P. Intimate Tourism: Friendships in a state of mobility — The case of the online hospitality network. Master Thesis. Warsaw, 2007.
12. Mulder H., Viguurs T. Reinventing Hospitality Networks: Research into the impact of a changing environment on the future of hospitality networks. Rotterdam, 2001.
13. Urry J. Mobilities. Cambridge-Malden: Polity Press, 2007.
14. Zotti G.D. Tourism // Encyclopedia of sociology / Edgar F. Borgatta, Rhonda Montgomery. 2nd ed, 2000. Vol. 5. P. 3165–3174.

Е.А. Скирдачева

ЭСКАПИЗМ В СОЦИОЛОГИИ: РАЗРАБОТКА ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Эскапизм является одним из наиболее противоречивых понятий. Границы эскапизма определены весьма нечетко. Теоретико-методологические основы исследования позволяют увидеть, что термин «эскапизм» употребляется каждым автором по-своему и в своем контексте. Л.Г. Мельникова утверждает, что дефиниция эскапизма «часто превращается в бессодержательную абстракцию, <...> в понятие скорее обыденного, чем научного сознания» [1].

В 1939 г. слово «эскапизм» впервые появляется в Webster's New International Dictionary и в 1940-е и 1950-е возникает в политической, культурной, исторической, искусствоведческой и литературной критике. Начиная с 1960-х гг. в большинстве англоязычных словарей в качестве одного из официальных значений слова «бегство» (escape) закрепляется «бегство от реальности» или схожие определения. По мнению Е.О. Труфановой, в русскоязычной среде этого не происходит [2].

В данной статье предпринимается попытка ответить на вопрос: что такое «эскапизм» как социологическое, а не философское или психологическое понятие? Какое понимание данного феномена позволит плодотворно использовать его для анализа социальных практик эскапизма в российском социуме?

Понятие «эскапизм» активно применяется в различных дисциплинах.

- 1) В политическом смысле оно обозначает аполитичность, уклонение от участия в общественно-политической жизни [3], характеризуется индифферентным, безразличным отношением индивидов к политике.
- 2) В религиоведении, социологии религии — понимается как уход от действительности с целью получения религиозного опыта, трансцендентного контакта с божественным, «сверхъестественным» посредством социальной изоляции и (или) приема психотропных веществ, использования «мистических практик» (ме-

дитация, холотропное дыхание и пр.). Религиозный эскапизм может быть связан как с аскетизмом (монашество, отшельничество, странничество), так и с вступлением в сектантские общественные группы.

- 3) В философских словарях отсутствует понятие «эскапизм». В диссертации к.ф.н. М.А. Грекова эскапизм с позиции философии определяется как подмена подлинного бытия в симуляциях развлечений.
- 4) В философии культуры делается акцент в исследовании эскапизма на преодоление границ, налагаемых культурой, возможностей перехода бытия культуры в ее инобытие, часто сопровождаемого конструированием новой социокультурной реальности [1].
- 5) В педагогике эскапизм (от франц. *escapade* — эскапада, экстравагантная выходка, выпад) — поведение, характеризующееся необычными поступками, как правило, не соответствующими общепринятым нормам [4].
- 6) В психологии эскапизм определяют как стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазий в ситуации кризиса, бессилия, отчуждения [5]. В психиатрии эскапизм понимается как невротическое бегство от реальности, например, в мир фантазий [6].
- 7) В медицинских науках эскапизм связан с естественными, зачастую генетически обусловленными, болезнями — аутизм, социопатия. Аутизм характеризуется в первую очередь неспособностью ребенка (и, в дальнейшем, взрослого) к нормальной социализации, к установлению социальных связей и коммуникации. Социопатами принято называть людей, закрытых от общества. В психотерапии понятие «социопатия» заменено на термин «психопатия». Под психопатией понимают расстройство личности, при котором происходит полное игнорирование норм общества, отсутствие или минимальное количество привязанностей к окружающим, агрессивность и непредсказуемость по отношению к обществу. И наконец, крайней формой эскапизма является самоубийство, как уход от жизни в целом.

Плюрализм интерпретаций термина «эскапизм» неоднократно подчеркивался такими исследователями, как Р.Е. Мантов, М.А. Греков, А. Тертишников, Д.А. Кутузова, Л.Г. Мельникова, Е.О. Тру-

фанова, Р.Я. Подоль¹. Обилие значений эскапизма неизбежно приводит к путанице и становится причиной множества споров.

В социологических словарях мы находим следующие определения эскапизма: ЭСКАПИЗМ (от англ. *escape* — бегство, побег; уход от действительности) — социальное явление, заключающееся в стремлении индивида или части социальной группы уйти от общепринятых стандартов общественной жизни [7]. Схоже определение эскапизма в англо-русском социологическом словаре [8]: ESCAPISM (сущ.) — эскапизм; бегство от ценностей и норм общества. Таким образом, социологическая трактовка эскапизма основывается на уходе от общепринятых стандартов, ценностей и норм общества.

Похожее определение эскапизма мы встречаем у российского социолога А.А. Яковлевой. Около трех десятилетий назад на Западе, а позже и в России распространился, по мнению А.А. Яковлевой, потребительский ретретизм (от англ. *retreat* — отступление, отход). Данный термин «характеризуется различной степенью “ухода” от норм, ценностей и стилей повседневной жизни в обществе массового потребления» [9]. Яковлева использует также категорию «стиль жизни».

Эскапизм входит во все сферы бытия индивида, его духовный мир, формы и стратегии поведения, в том числе и в стиль его жизни. Стиль жизни — понятие, отражающее индивидуальные типы жизнедеятельности человека, группы людей, индивидуальные особенности образа мыслей, стиля мышления. Стиль жизни во многом определяет способность человека сформировать себя как личность в соответствии с собственными представлениями о полноценной и интересной жизни [10]. Стиль жизни понимается как целостный комплекс социальных практик, соответствующих, с одной стороны, объективной позиции индивида в многомерном социокультурном пространстве, а с другой — его собственными представлениями о данной своей позиции, связанной с его биографическими обстоятельствами, социальным опытом и психологическими особенностями. О стиле жизни судят по социальным практикам в различных социальных полях: досуга и потребления, труда, политики, религии,

---

¹ См. выше теоретико-методологические основы исследования.

здоровья, образования и т. д. Мы имеем дело с уходом индивидов от повседневного стиля жизни.

По мнению автора, «уход» может быть номинальным и реальным. Номинальный уход подразумевает жизнедеятельность индивида, части социальной группы в обществе, характеризующуюся включенностью индивида в некоторые социальные институты. Например, молодежная субкультура готов предполагает готический стиль жизни, определенные ценностные ориентации, служит пространством бегства от реальности в готический социокультурный мир. При этом готы могут участвовать в общественном производстве, ходить на выборы, получать высшее образование. Приведем другой пример: Диоген Синопский (ок. 412 до н. э. — 10 июня 323 до н. э.), древнегреческий философ, основатель школы киников. Диоген жил в бочке, попрошайничал и стал известен благодаря аморальным поступкам, нигилистическим ценностям. Диоген участвовал в жизни древнегреческого социума, взаимодействовал с индивидами, провоцировал их своим поведением, а также использовал ресурсы общества (пищу, одежду, бочку и др.). Диоген отвергал цивилизацию и государство, социальный институт брака, религии, «признавал только основанную на подражании природе аскетическую добродетель, находя в ней единственную цель человека» [11]. Социальное поведение Диогена скорее является, по классификации Р.К. Мертон, мятежным, сопровождающимся отказом от культурно одобряемых целей и средств их достижения и заменой их своими. Поведение Диогена является революционным, не связано с физическим уходом от общества. Поэтому говорить об эскапизме в холистическом (целостном) смысле мы не можем.

Реальный «уход» связан с социальной изоляцией, миграцией.

Под социальной изоляцией мы понимаем социальное явление, при котором происходит отстранение индивида или социальной группы от других индивидов или социальных групп в результате прекращения или резкого сокращения социальных контактов и взаимодействий [12].

Миграция — процесс изменения постоянного места проживания индивидов или социальных групп, выражающийся в перемещении в другой регион, географический район или страну [13]. В данной ситуации мы видим, что эскапизм связан с формированием дистанции от общества, созданием иного стиля жизни, отвечаю-

щего потребностям, интересам и ценностям индивидов. Классическим примером реального ухода от общества являются религиозные практики: монашество, странничество.

Л.Г. Мельникова отмечает, что «эскапизм оказывается способом “выращивания” новых способов жизнедеятельности, ценностных устремлений и возможных перспектив развития в условиях “дистанцирования” от социальности, исчерпавшей свой творческий потенциал» [1].

Таким образом, под феноменом эскапизма в социологическом смысле мы понимаем социальное явление, характеризующееся уходом индивида или социальной группы от ценностей, норм и стандартов социума для формирования собственной социокультурной реальности в материальной форме посредством социальной изоляции и миграции.

Отметим некоторые положения, конкретизирующие данное определение.

Данное понятие фиксирует, прежде всего, глубинную суть эскапизма, заключающуюся в попытке в той или иной форме «уйти» из данной социальной реальности и тем самым попытаться создать собственное социокультурное пространство, структурированное особыми духовными смыслами и отвечающее ценностям, интересам, потребностям данного индивида, части социальной группы.

1) Социологический фундамент

В данном определении эскапизма отсутствует психологическая основа — уход от действительности в вымышленный мир иллюзий, фантазий, грез. Например, виртуальный мир компьютерной игры, фантастическая действительность литературного произведения, наркотические образы. В нашей дефиниции мы акцентируем внимание на формировании социокультурной реальности в материальной форме, которая создается в процессе реальных (не виртуальных) социокультурных взаимодействий субъектов, является результатом их жизнедеятельности. Мы называем социологическим фундаментом формирование индивидами альтернативной социокультурной реальности в материальной форме.

2) Социальная изоляция и миграция

Проявляется в смене места жительства, миграции. Это могут быть труднодоступные районы, деревни, горы, развивающиеся азиатские страны (Таиланд, Гоа и пр.). А также проявляется в изоляции от практик повседневного стиля жизни: шопинга, досуга с помощью

информационных технологий (компьютерные игры, просмотр телевизора, чтение электронных книг, поход в кинотеатр 3D), от участия в общественном капиталистическом производстве, от суеты урбанизированной среды, от социального взаимодействия на основе ценностей потребления, успеха, конкуренции и др., от участия в демократических социальных институтах (выборы и др.), от воздействия социальных манипуляций рекламы, политики и религии.

3) Социальное творчество, активные социальные действия

Данный эскапизм является позитивным и продуктивным, предполагает активное социальное творчество, созидательный процесс, направленный на преобразование сложившихся и создание качественно новых форм социальных отношений и социальной действительности. Оказывает положительное влияние на социальные взаимодействия индивида, проявляющего социальную активность в рамках своей эскапистской общности. Социальная активность — это совокупности методов, процедур, направленных на изменение социальных условий в соответствии с потребностями, интересами, целями и идеалами, на выдвижение и реализацию социальных инноваций, формирование в себе необходимых социальных качеств [14]. Противоположным явлением является социальная пассивность, тормозящая социальные реакции человека и отчуждающая его от общественных задач и проблем, характерная для деструктивного эскапизма на психологической основе. Индивиды, эскапирующие в обществе с помощью информационных технологий, веществ, изменяющих сознание (алкоголь, наркотики и пр.), не только сокращают свои социальные контакты, социальные взаимодействия, но и ухудшают свое психическое и биологическое здоровье.

4) Временное измерение

Данный вид эскапизма является постоянным, а не временным явлением или развлечением. На психологической основе мы наблюдаем временные бегства от реальности индивидов в кинематограф, литературу, интернет и компьютерные игры, употребление наркотиков и алкоголя. После некоторого времени индивиды возвращаются к социальной действительности и вынуждены поддерживать некие социальные контакты, выполнять общественно-полезные действия. Тогда как эскапизм в социологическом смысле является жизненной стратегией индивидов, осознанно выбираемым стилем жизни на весьма долгое время (десятки лет) или навсегда.

5) *Альтернативный стиль жизни*

Предполагает наличие у социальных субъектов альтернативных, контркультурных ценностных ориентаций, норм, иного содержания социальных институтов, неучастия в общественном трудовом процессе, демократических выборах, отвержение официальной государственной религии, наличие собственных образовательных систем (анскулинг²). Важно отметить, что индивиды сознательно уходят от общепринятых ценностей и норм в обществе.

б) Относительно положительное отношение со стороны общества

К практикам социального эскапизма наблюдается относительно положительное отношение со стороны общества. Так, создание экологических поселений в западных странах поддерживается даже на государственном уровне. В 1995 г. «Центр экологических инициатив “Нево-Эковиль”», Карелия стал частью глобальной сети экопоселений и получил грант на 50 000 долларов на строительство коммуникаций от государственной датской организации Gaja Trust, поддерживающей сеть экопоселений по всему миру [16]. Тогда как наркоманию, алкоголизм, геймеризм признают как социальные проблемы общества, болезни, которые необходимо лечить. 57% россиян считают наркоманию преступлением и болезнью согласно исследованию ФОМа от 12 апреля 2012 г.³

7) Данный вид эскапизма недостаточно освещен в научных публикациях, монографиях, социологических словарях.

Данные положения сводятся к трем признакам социального эскапизма:

1) пространственный признак предполагает социальное и географическое измерение, первое относится к построению собственной социокультурной реальности в физическом мире (не виртуальном), второй связан с социальной изоляцией и миграцией индивидов;

---

² Анскулинг (unschooling) — это метод, который предполагает отсутствие заранее спланированной программы обучения. Термин анскулинг в 1977 г. впервые употребил и ввел в обращение Джон Холт в своем журнале «Растем без школы» (Growing Without Schooling). Анскулинг еще иногда называют естественным обучением (naturalllearning) или образованием, которое определяет ребенок, основанным на интересах ребенка (child-lededucation, interest-lededucation) [15].

³ ФОМ. Наркомания: вводить ли уголовную ответственность? 12.04.2012 // <http://fom.ru/obshchestvo/10402>

- 2) *временной признак* отражает длительность пребывания индивида, части социальной группы в социальных практиках эскапизма;
- 3) *социокультурный признак* связан с построением собственной альтернативной социокультурной реальности в материальном мире на основе активного социального творчества, взаимодействий.

Рассмотрим социальные практики вышеобозначенного эскапизма.

Социальные практики — это конвенциональное социологическое понятие, означающее любые формы социальной активности, которые определяют место групп людей в социуме, их интересы, характер взаимодействия с другими социальными группами. Это предельно широкое понятие социальной жизнедеятельности, включающее, в том числе, и асоциальные модели. Различные внешние формы социальных практик институционализируются, становясь устойчивыми, социально-нормативными, оказывающими существенное организующее влияние на социальную жизнь. Другая часть практик остается за рамками социальных и культурных норм, формируя девиантные, протестные, субкультурные и даже контркультурные проявления социальной активности. Поэтому социальные практики способствуют формированию новых идентичностей, служащих не только осознанию собственной целостности, но и позволяющих гибко реагировать на социальные изменения, открываться новому опыту. В современном обществе спектр социально-культурных практик расширяется и они становятся максимально развивающими человеческий потенциал формами жизнедеятельности людей.

Социальная практика эскапизма — вид практики, в ходе которой конкретно-исторический субъект, используя общественные эскапистские институты, организации и учреждения, воздействуя на систему общественных отношений, изменяет общество и развивается сам. Сфера социальной практики эскапизма понимается как определенный вид человеческой деятельности, направленной на уход от общепринятых стандартов, ценностей и норм для самореализации и удовлетворения индивидуальных интересов, потребностей индивидов и социальных групп посредством географического перемещения и создания социокультурной реальности.

Мы рассмотрим следующие социальные практики социального эскапизма:

1) Социальная практика экологических поселений (экопоселений).

Слово «экология» в переводе с греческого означает «наука о доме». Под домом понималось не только жилье, но и все пространство, где обитал человек. Таким образом, коротко можно сказать, что «экологическое поселение» — это место, благоприятное для жизни.

Экологическое поселение (экопоселение) — поселение, созданное для организации экологически чистого пространства для жизни группы людей, как правило, исходящих из концепции устойчивого развития⁴ и организующих питание за счет органического сельского хозяйства.

На западе движение экопоселений началось в начале 1960-х гг. В России же первые экопоселения появились в начале 1990-х, когда стали вскрываться и широко публиковаться материалы по многим экологическим проблемам. Российская сеть экопоселений была создана в 2005 г. [18]

Социологическое исследование экопоселений было проведено Р. Гилманом и изложено в его книге «Экопоселения и экодережни» [19]. Из отечественных исследователей следует назвать научных сотрудников ЦНСИ⁵ А.А. Болотову, которая провела социологическое исследование экопоселения «Нево-Эковиль» (Карелия), а также А. Кулясову, изучившую экопоселение «ТИБЕРКУЛЬ» (Красноярский край) [20].

2) Социальная практика дауншифтинга.

Дауншифтинг (от англ. downshift — включать пониженную передачу) — добровольное долгосрочное изменение стиля повседневной жизни, которое может проявляться в изменении трудовой занятости, повседневных практик, социальной и географической мобильности, и т. д. [21]

Термин «дауншифтинг» был впервые использован в печати американской журналисткой Сарой Бен Бреатна в статье «Жизнь

---

⁴ В английском языке «устойчивое развитие» отражено выражением: sustainable development («Поддерживающие жизнь проявления»). Этот термин был специально введен Международной комиссией ООН по окружающей среде и развитию (МКОСР) в 1987 г. для обозначения такого развития, при котором «удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Формирование концепции устойчивого развития началось с работ Римского клуба в 70-х гг. XX века [17].

⁵ Центр Независимых Социологических Исследований <http://www.cisr.ru/Bolotova.html>

на пониженной передаче: дауншифтинг и новый взгляд на успех в 90-е» (Living in A Lower Gear: Downshifting: Redefining Success in the '90s), опубликованной в газете «Вашингтон Пост» 31 декабря 1991 г. [22] Он стал распространенным явлением в Британии, Австралии и США. Дауншифтинг становится актуальным и для современной России. Если в начале 2000-х гг. первые статьи и дискуссии о дауншифтинге стали появляться в основном в специализированных деловых изданиях, на сегодняшний день тема перешла из разряда специальных на уровень популярных. О дауншифтинге пишет развлекательная глянцева пресса, образ дауншифтера становится популярным в художественных произведениях⁶. Всероссийское сообщество дауншифтеров основано 30 августа 2006 г. Основатель сообщества — Александр Соколов, автор популярной статьи «Дауншифтинг — страшный сон HR-менеджера»⁷.

Джон Дрейк, «гуру дауншифтинга», предлагает доступные сценарии альтернативного образа жизни для любого трудоголика в своей книге «Дауншифтинг, как меньше работать и больше наслаждаться жизнью» [23]. В России известны книги А.В. Котлярова «Дауншифтинг без экстрима: кризис на пике карьеры» [24], С.В. Макеевой «Дауншифтинг, или Как работать в удовольствии, не зависеть от пробок и заниматься тем, чем хочется» [25].

Известны российские социологи — исследователи дауншифтинга: А.А. Яковлева «Потребительский ретретизм и ассоциированные с ним повседневные практики» [9], В. Мерзлякова «Альтернативные модели успешности в современной культуре: дауншифтинг» [26], Г.Г. Силласте «Гендерная социология и российская реальность» [27], Л. Бевзенко «Жизненный успех, ценности, стили жизни» [28].

Данные социальные практики эскапизма являются не единственными, выделяют также социально-религиозные практики эскапизма (монашество, странничество, отшельничество), а также практики туризма и путешествий автостопом. Е.Н. Шапинская путешествии рассматривает как один из видов эскапизма, способов бегства

---

⁶ Примерами в художественной литературе, в том или ином аспекте затрагивающей проблемы, образы, стратегии дауншифтинга, могут служить следующие романы: Гилберт Э. Есть. Молиться. Любить. М.: РИПОЛ классик, 2008.; Нарышкин М. Дауншифтер. М.: Эксмо, 2007; Сухочев А. Гоа-синдром. М.: Ад маргинем, 2007; Харрис Д. Ежевичное вино. М.: Эксмо, 2008.

⁷ Сообщество дауншифтеров в России // <http://www.downshifting.ru/community>

от повседневности, которая занимает все большее пространство в жизни человека [29].

Феномен социального эскапизма отождествляют также с такими социальными явлениями, как опрощение, «простая жизнь» или «добровольная простота».

Опрощение представляет собой идеологию, основанную на выборе человеком стиля жизни, связанного с отказом от большинства благ современной цивилизации. Причины такого выбора могут быть различными — этическими, религиозными, экологическими и т. п. Основателем считают великого русского писателя Л.Н. Толстого. Идеи Льва Толстого на практике пытались воплотить его последователи — толстовцы, создававшие земледельческие коммуны. Западным последователем можно назвать американского писателя Генри Дэвида Торо — автора книги «Уолден, или Жизнь в лесу» [30].

В 1981 г. Дюэйн Элгин опубликовал в США книгу *Voluntary Simplicity* («Добровольная простота»), представлявшую собой концепт убеждений и методик, вытекающих непосредственно из идей контркультуры «хиппи» 1960-х гг. Эта книга породила одноименное движение, которое представляет собой намеренную попытку отстраниться от цикла «работа — траты — долги», характеризующего современную жизнь. Это движение не выступает ни за бедность, ни за примитивизм, а призывает лишь пользоваться благами цивилизации для более полного и насыщенного существования, для привнесения порядка и ясности в жизнь индивида. Акцент делается на бережливость и скромность, на взаимопомощь в рамках самодостаточных и самоуправляемых общин [31].

Таким образом, мы можем отождествлять явление дауншифтинга с явлениями «опрощения» и «добровольной простоты» на основе отказа (сокращения потребления) материальных благ, изменения стиля жизни и миграции.

Отнесение эскапистов к маргиналам является неверным. Маргиналы — это люди, застрявшие между низким и высоким социальным положением, поскольку первое — ниже их потребностей, а второе — выше способностей [32]. Эскаписты — это индивиды, сознательно отказавшиеся от общепринятых стандартов, ценностей, норм ради установления иной социокультурной реальности посредством миграции и социальной изоляции. С помощью различных социальных

практик эскапизма эти люди приобретают идентичность и относят себя к той или иной социально-эскапистской общности. А.А. Болотова указывает на формирование особого социокультурного идентификационного кода в результате социальных взаимодействий коллектива экопоселения «Нево-Эковиль» [16].

Эскаписты, с одной стороны, воспринимаются как социальные аутсайдеры — индивид или группа, которая либо в силу собственного выбора (хиппи), либо в результате общественного давления оказывается вытесненной за рамки характерных для данного общества соц. институтов [33].

С другой стороны, эскаписты являются творческими социальными субъектами, создающими новые социально-эскапистские общности, механизмы и способы решения проблем в ходе социального взаимодействия и совместного проживания. Так, в России достаточно популярна идея возрождения страны посредством создания родовых поместий, усадеб, экопоселений.

Таким образом, мы разработали понятие социального эскапизма, дали краткую характеристику социально-эскапистских практик.

Литература

1. Мельникова Л.Г. Бытие эскейпизма в культуре. Автореф. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2009 // <http://www.dissercat.com/content/bytie-eskeipizma-v-kulture>.
2. Труфанова Е.О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // *Философия и культура*. № 3. 2012 // http://www.nbpublish.com/view_post_225.html.
3. Словарь иностранных слов / Под ред. Н.Г. Комлева. 2006. // <http://www.inslov.ru/html-komlev/6/6skepizm-6skapizm.html>.
4. Хрестоматия — педагогический словарь библиотекаря. Российская национальная библиотека, 2005–2007 // <http://didacts.ru/dictionary/1013/word/yeskapizm>.
5. Большой Энциклопедический словарь (БЭС) // <http://www.vseslova.ru/index.php?dictionary=bes&word=eskapizm>.
6. В.А. Жмуров. Большая энциклопедия по психиатрии, 2-е изд., 2012 // <http://vocabulary.ru/dictionary/978/word/yeskapizm>.
7. Большая актуальная политическая энциклопедия / Под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. Национальная политическая энциклопедия Онлайн // <http://www.politike.ru/dictionary/839/word/yeskapizm>.

8. Англо-русский социологический энциклопедический словарь онлайн // <http://www.diktionary.org/index.php/list/18/1,E,S,.xhtml>.
9. Яковлева А.А. Потребительский ретретизм и ассоциированные с ним повседневные практики // Материалы IV Всероссийского социологического конгресса «Социология в системе научного управления обществом». 24 февраля 2012.
10. Вайнер Э.Н., Кастюнин С.А. Краткий энциклопедический словарь: Адаптивная физическая культура, 2003 // <http://voluntary.ru/dictionary/926/word/stil-zhizni>.
11. Материал из статьи о Диогене на стр. Википедии, свободной энциклопедии // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E8%EE%E3%E5%ED>.
12. Зиновьева Т.В. Основные социологические термины: Учебное пособие. Изд-во ЮУрГУ, 2006 // <http://voluntary.ru/dictionary/984/word/izoljacija-socialnaja>.
13. Зиновьева Т.В. Основные социологические термины: Учебное пособие. Изд-во ЮУрГУ, 2006 // <http://voluntary.ru/dictionary/984/word/migracija>.
14. Воронин А.С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике, 2006 // <http://voluntary.ru/dictionary/898/word/aktivnost-socialnaja>.
15. Портал «Свобода в образовании, домашнее обучение в России и во всем мире» // <http://freeedu.ru/modx/unschooling-anskuling>.
16. Болотова А.А. Формирование новых культурных кодов в современной России. Экологические поселения: между городом и деревней // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Том V. № 1 // <http://www.jourssa.ru/2002/1/3bBolotova.pdf>.
17. Медиаресурс EcoRussia.info // <http://ecorussia.info/ru/ecopedia/sustainable-development-views-and-approaches>.
18. Мирзагазова Л. Экопоселения России // <http://www.eco-kovcheg.ru/article1.html>.
19. Гилман Р. Экодеревни и устойчивые поселения. СПб.: Центр Гражданских Инициатив, 1994.
20. Кулясова А. Эконоосферное поселение «Тиберкуль»: в поисках альтернативного образа жизни // Экопоселения в России и США. Труды ЦНСИ. Вып. 10 / Под ред. М. Соколова. СПб.: ЦНСИ, 2004.
21. Ray P., Anderson S. The Cultural Creatives. New York: Harmony Books, 2000. 384 p.
22. Пищур А. Несколько слов в защиту дауншифтинга, 2007 // <http://pishchour.ru/blog/neskol-ko-slov-v-zashhitu-daunshiftinga.html>.
23. Дрейк Дж. Дауншифтинг. М.: Добрая книга, 2007.
24. Котляров А.В. Дауншифтинг без экстрима: кризис на пике карьеры. М.: Вершина, 2008.

25. *Макеева С.В.* Дауншифтинг, или Как работать в удовольствие, не зависеть от пробок и заниматься тем, чем хочется. М.: Эксмо, 2011.
26. *Мерзлякова В.* Альтернативные модели успешности в современной культуре: дауншифтинг // Вестник общественного мнения. 2008. №4 (96), июль-август.
27. *Силласте Г.Г.* Гендерная социология и российская реальность : Монография. М.: Альфа-М, 2012. 640 с.
28. *Бевзенко Л.* Жизненный успех, ценности, стили жизни // Социология: теория, методы, маркетинг. 2007. №4.
29. *Шапинская Е.Н.* Путешествие на восток как бегство от повседневности: феномен туристического эскапизма // Международный журнал исследований культуры. Изд. Эйдос. № 4. 2011.
30. *Henry David Thoreau.* Walden or Life in the Woods / Пер. З. Александрова. М., Наука, 1979. В библиотеке Мошкова // <http://www.lib.ru/INPROZ/TORO/walden.txt>.
31. *Хиз Дж., Поммер Э.* Бунт на продажу: турист в поисках аутентичности // <http://twasbrillig.ru/?p=18>.
32. *Голохванов Е.* Альтернативный социологический словарь, 2001 // <http://voluntary.ru/dictionary/574/word/marginaly>.
33. Большой словарь по социологии, проект www.rusword.com.ua // <http://voluntary.ru/dictionary/662/word/outsaider>.

Е.В. Чайкина

ФОТОГРАФИЯ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Сегодняшние исследователи констатируют факт перехода к так называемой «третьей социологии» (или «социологии 3.0»). Если «первая» — это классика — Спенсер, Конт, Маркс, структурно-функциональный анализ, где все рассматривается с точки зрения системы, функций и там нет места человеку, «вторая» акцентирует внимание на деятельности людей, поведении, наделенном значением, а также человеческом взаимодействии (символический интеракционизм, феноменология, этнометодология), то «третьей» социологией называют как раз фотографию. Она фиксирует то, что различимо, наблюдаемо, фотографируемо — люди, их действия, взаимодействия, материальные продукты деятельности, среда обитания и т. д. Это социология процессов и событий, это публичная социология, которой характерен эклектизм и дисциплинированность, виртуализация и децентрализация. Майкл Буравой выделяет профессиональную, или академическую, критическую, прикладную, или заказную, и публичную социологии по типам основных задач и потребителей социологического знания [1]. Например, дать задание студентам что-либо сфотографировать — это и будет публичная социология, т. к. в нее вовлечены не только исследователи-социологи, но и люди.

Для того чтобы социальную теорию можно было использовать в визуальной социологии, необходимо, чтобы она отвечала нескольким требованиям:

- 1) принадлежала к социологии действий;
- 2) принадлежала к социологии повседневной жизни;
- 3) размещалась бы в рамках микросоциологии [5].

Этим требованиям в полной мере соответствуют такие направления социологической мысли, как феноменология, этнометодология и драматическая социология.

Феноменологическая социология — основанием и объектом анализа является повседневная жизнь, попытки объективно понять субъективный мир, жизненный мир, опыт всего человечества, закрепленный в знаниях, ситуациях, действиях и представлениях об

этом мире. Здесь нужно искать ответы на вопросы «Что мир значит для меня, как для наблюдателя?», «Что мир значит для наблюдаемой личности?», «Что наблюдаемая личность хочет сказать своими действиями?».

С помощью наблюдения можно найти ответы на эти вопросы, потому что большая часть того, что происходит в мире, доступно визуальному наблюдению, и, следовательно, все это можно зафиксировать с помощью фотографии. Имея большой фотографический капитал (большое количество снимков), можно увидеть многие аспекты, например, вид действия участника, предметы потребления, ситуации, акты коммуникации, культурные традиции, ритуалы, знаки, символы и другое, так как нахождение чего-то зависит от поставленной задачи.

Второе направление социологии — этнометодология — акцентирует внимание на процедурах (практиках) создания порядка и смысла в общественных ситуациях, либо «практиках», как это обозначается ее основателями. Использование фотографий для анализа, согласно этнометодологическим установкам, помогает выявить, что делают люди в той или иной ситуации, какие практики они используют, в рамках каких общественных систем они действуют, какими указателями смыслов они пользуются, как выглядит сцена в момент нарушения порядка, девиации, как происходит воспроизводство практик из поколения в поколение, что в них общего и особенного в разное время, и т. д. Процесс создания фотографий плюс интерпретация дают богатый опыт видения мира по этнометодологическим принципам. И этнометодологии это в свою очередь дает устойчивые, реалистические образы общественных ситуаций для дальнейшего анализа и более точной интерпретации. Ведь важной чертой современного общества (любого, в принципе), является его непосредственная познаваемость и наблюдаемость.

Драматургическая социология — одна из самых визуальных концепций, так как любое понятие, введенное ею, можно перевести в образ. Ее предметом выступает порядок взаимодействия — все, что происходит между людьми в обществе, их непосредственные контакты. Визуализация интеракций — то, что может дать неисчерпаемое количество материала для анализа. Мимолетные взгляды, жесты, позы тела — все это и есть то, что можно изучать и проникать вглубь причин, мотивов, предрасположенностей, предрассудков,

образов мышления, стереотипов людей. Интеракция, во-первых, представляет собой повсеместное явление, встречаемое во всех проявлениях общественной жизни. А во-вторых, она происходит независимо от времени и места в любых коллективах, общностях, группах людей, в которых признаются свои, отличительные правила, традиции, обычаи, ритуалы. Аналогия с театром — это своеобразный способ «упростить» и облегчить интерпретацию интеракции. Человек играет роль, представляя себя другим, имея представление о себе в глазах других, и, конечно же, самопрезентация — то есть то, как он видит себя сам. Поэтому человек и ведет себя в соответствии с этими принятыми и выработанными нормами и ценностями. Исполняя роль, мы следим, чтобы во всем было соответствие. и ни одна интеракция не обходится без знаков. Будь то движение рук при встрече, угол поворота тела при прощании, поза студента на лекции, взгляд начальника на подчиненных, — это примеры того, как коммуникация проявляется в повседневной жизни, доступной визуализации.

Из терминов драматургической социологии наиболее доступными для визуального восприятия являются «фасад» и «декорации». Сфера же личного, частного — «кулисы» — уже труднее поддаются визуальному выявлению.

Для того чтобы анализировать массив фотографий, дающих тот или иной материал, необходимо следовать той или иной интерпретации.

Структурная — анализ образа как системы отношений между его элементами как целого: человеческая деятельность, правила (нормы), идеи и жизненные возможности.

Дискурсивная — с точки зрения аудитории («тому, кто получает сообщение, остается частица свободы — свобода прочитать его по-другому» [6]).

Семиотическая — анализ образа как определенного визуального акта.

Герменевтическая — с точки зрения автора. Эмпатия. Двойная герменевтика — того, что интерпретируется и герменевтика интерпретатора.

Можно также воспользоваться одним из двух путей: либо протестировать фотографию на большой группе людей — тогда подтверждается верность интерпретации, либо собрать большое коли-

чество снимков, отражающих похожие явления, и протестировать их на разных людях (группах людей).

Эти и многие другие варианты фотопроектов направлены на развитие социологического воображения, значимость которого подчеркивал П. Штомпка вслед за Ч. Миллсом, и на акцентирование внимания на визуальных проблемах и возможных вариантах работы с изображениями не только как фотографу, но и как социологу.

Ответ на вопрос «Кто сделал снимок?» — то есть анализ с точки зрения автора фотографии. Для этого необходимо знать, кто сделал снимок, в какой ситуации он находился, для кого он делал снимок, какие мотивы им руководили, какие знания были использованы, какие эмоции сопровождали его, и т. д. Однако тут можно столкнуться с проблемой эмпатии — представления себя в качестве автора снимка, проникновение в ситуацию, в которой сделан снимок. В данном случае наилучших результатов можно достигнуть с помощью такого метода, как фотоэссе, так как в нем текст и снимки выступают равнозначными средствами для автора и для исследователя.

Что касается разнообразия методов социологических исследований, то, например, Петр Штомпка выделил четыре, в которых можно применять фотографию, — это наблюдение, контент-анализ, социологическое интервью и метод анализа документов, основанный Знанецким [5]. В прикладном исследовании есть несколько способов использования фотографии. Например, изображения используются для получения информации от респондентов. Этот метод помогает подтолкнуть человека говорить по теме, которая его чем-то смущает, или по теме, являющейся очень личной и интимной.

Метод контент-анализа также применим и для фотографий, потому как из отобранных изображений на одну тему можно уверенно описать то или иное событие, запечатленное камерой, или же проследить его освещение в СМИ, в Интернете, на рекламных плакатах и билбордах. Это помогает увидеть, с какой частотой то или иное явление освещалось в СМИ, какова была визуальная поддержка текстового сообщения, какой процент занимает фотография по отношению к тексту, какая частота и интенсивность упоминания события сопровождается изображением, и т. д.

Фотография, как наиболее распространенный способ визуализации повседневной жизни, оказывает непосредственное влияние на человека, сопровождая его всю его сознательную жизнь. Созна-

ние людей в состоянии перегруженности визуальными данными не способно действовать продуктивно. Поэтому визуальная социология призвана научить видеть и искать «внешние индикаторы внутренних феноменов» [5, xiii], проявляющихся с помощью и посредством фотографии.

Многие исследователи подчеркивали важность визуализации социологии, то есть использования в ней фотографии. Сегодня, с помощью новых технологий и технических средств, это представляется не только возможным, но и полезным. Поэтому в мире наблюдается тенденция к развитию визуальных наук, исследований и повышение интереса к этим вопросам в среде не только ученых, но и студентов. Поэтому видно, что фотография может служить и более глубоким познавательным целям не только как способ регистрации данных или иллюстрации текстов, но и как посредник в получении нового знания и видения тенденций изменений в социальной жизни.

Литература

1. Буравой Майкл. За публичную социологию // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ЦСПГИ, Вариант, 2008.
2. Сергеева О.В. Исследовательское поле визуальной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI, № 1. С. 137–146.
3. Шманкевич Т.Ю. О потенциале фотографии для социологического исследования. Сюжет школьного гламура // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 3. С. 94–105.
4. Штомпка П. Введение в визуальную социологию // INTER (интеракция, интервью, интерпретация). 2007. № 4. С. 6–12.
5. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: Учебник / пер. с польск. Н.В. Морозовой / М.: Логос, 2007. 168 с. + 32 с. цв. ил.
6. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

М.В. Ломоносова

**К ВОПРОСУ О ПЛАГИАТЕ, КОРРУПЦИИ,
ИЛИ О ТОМ, КАК ДВАЖДЫ ДОКТОР
ЮРИДИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
В СОВАВТОРСТВЕ С КАНДИДАТОМ
ФИЛОСОФСКИХ НАУК
ПРОВЕЛИ НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
И ОПУБЛИКОВАЛИ СТАТЬЮ**

В последнее десятилетие реформы системы образования вызывают ожесточенные дискуссии, в центре которых находятся такие проблемы, как повышение качества образования, преодоление коррупции при сдаче экзаменов и поступлении в высшие учебные заведения, развитие фундаментальной науки и интеграция ее достижений в мировую науку. Как правило, эксперты объясняют причины многих негативных явлений в системе высшего образования глобальным социально-экономическим кризисом, надолго охватившим нашу страну, макроэкономическими изменениями самого рынка образовательных услуг, недостаточным финансированием и другими системными факторами, действующими на уровне страны и общества в целом. Но всегда ли эти причины объективного характера являются первостепенными или очень часто ими принято маскировать те явления, которые происходят на уровне отдельных личностей, их социальной и профессиональной активности, где включаются в качестве регуляторов поведения уже не «объективные» причины, а субъективные желания и потребности, зачастую принимающие патологические формы обогащения и приобретения социального статуса любой ценой. Поэтому ключ к решению многих серьезных проблем современного российского общества зачастую находится не в принятии очередных новых законов и правительственных программ, а в повышении социальной и моральной ответственности тех людей, которые работают в науке и в системе высшего образования, поскольку именно они закладывают и транслируют следующим поколениям базовые ценности любого современного общества.

Ситуация, которая ниже будет описана, как зеркало отражает язвы на лице системы высшего образования, когда приобретенное научное звание, статус и положение позволяют ученым не заботиться и не беспокоиться о качестве своих собственных научных трудов, а институты, призванные контролировать их качество — редколлегии научных журналов, даже не подвергают такие научные «труды» хотя бы поверхностной экспертизе.

В Санкт-Петербургском теоретическом журнале «Credo new» в 2010 году (№ 2) была опубликована статья «Правовые взгляды П.А. Сорокина». У статьи два автора — уважаемые деятели науки РФ — Пиджаков Александр Юрьевич и Майор Михаил Николаевич. Оба автора трудятся в Санкт-Петербургском университете гражданской авиации. М.Н. Майор — кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии и социальных коммуникаций. А.Ю. Пиджаков — доктор исторических и юридических наук, возглавляет кафедру международного права, имеет звания «Заслуженный деятель науки РФ», «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», член ассоциации международного права, член редколлегий журналов: «Мир экономики и права»; «Экономика. Управление. Право»; «Московское научное обозрение»; «Правовая наука»; «Вестник гуманитарного научного образования».

Квалификация каждого из авторов указанной выше статьи безусловно подтверждена опытом их многолетней научно-практической работы в сфере высшего образования, поэтому редколлегии многих журналов рады включить их имена в число своих авторов, тем более что количество публикаций А.Ю. Пиджакова говорит о продуктивности его исследовательской деятельности — 430 научных публикаций¹.

В чем же особенность и уникальность статьи «Правовые взгляды П.А. Сорокина»? Занимаясь более чем 10 лет исследованием творчества Питирима Александровича Сорокина на кафедре теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, возглавляемой профессором А.О. Бороноевым, за правило было положено отслеживать новые научные публикации по интересующей проблематике, поэтому в начале 2011 года в поле моего

---

¹ Персональная страница А.Ю. Пиджакова на сайте Санкт-Петербургского университета гражданской авиации // <http://www.academiaga.ru/index.php?id=675&lang=0>

внимания попала эта статья. Она поразила меня с самого первого абзаца, слово в слово совпадающего с фрагментом из собственной статьи, опубликованной в «Журнале социологии и социальной антропологии» в 2006 году [1]. Дальше больше...

Третий и четвертый абзац статьи А.Ю. Пиджакова и М.Н. Майора принадлежит перу известного российского правоведа — Андрея Васильевича Полякова², правда, в тексте имеется некорректная ссылка на некий источник «Общая теория права...», но почему-то авторы статьи умолчали имя автора этого фрагмента из учебника [2].

Следующие 13 абзацев статьи «Правовые взгляды П.А. Сорокина» полностью заимствованы из работы Марии Алексеевны Ментюковой «П.А. Сорокин о революции 1917 года» [3], защитившей кандидатскую диссертацию на тему «Государственно-правовые воззрения Питирима Александровича Сорокина».

Далее следуют фрагменты из научной работы П.А. Сорокина, и эта часть статьи А.Ю. Пиджакова и М.И. Майора наименее уязвима с точки зрения критики, так как присутствуют ссылки на первоисточник, а именно на «Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве» издания 1919 года, хотя и это представляется странным, так как именно это издание, являясь библиографической редкостью, практически не доступно для исследователей, в отличие от его переиздания 2009 года [4].

Следующие 12 абзацев статьи «Правовые взгляды П.А. Сорокина» полностью заимствованы из работы Светланы Игоревны Глушковой «Интеллектуальная биография П.А. Сорокина (1889–1968)» [5], при этом, как всегда, ссылка отсутствует.

После этого А.Ю. Пиджаков и М.Н. Майор в своей статье, посвященной научному творчеству П.А. Сорокина, пишут следующее: «...Питирим Александрович Сорокин был арестован 2 января 1918 года и дальнейшую свою научную деятельность возобновил уже после эмиграции из России...» Данное утверждение является подтверждением *полной некомпетентности авторов в этом вопросе*,

---

² А.В. Поляков — российский правоведа, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета СПбГУ, член нескольких научных редколлегий, ученый секретарь диссертационного совета СПбГУ, автор более 70 научных и методических работ по теории, истории и философии права.

так как арест в январе 1918 года завершился освобождением 23 февраля 1918 года, после которого П.А. Сорокин переезжает в Москву для работы в «Союзе возрождения России» и «Союзе защиты родины и свободы» и готовит в Великом Устюге, Вологде и Архангельске восстание по свержению коммунистической власти. Лето 1918 года П.А. Сорокин провел в Яренском уезде, занимаясь агитацией населения против большевиков. Захват большевиками осенью Вологодской губернии вынудил его перейти на нелегальное положение, завершившееся арестом. Находясь в камере смертников в Великоустюжской тюрьме, он пишет открытое письмо с отказом от членства в партии эсеров и от политической деятельности. Письмо было опубликовано в газете «Правда» 20 ноября 1918 года и получило высокую оценку лидера большевиков. В своей статье «Ценные признания Питирима Сорокина» В.И. Ленин называет его «чрезвычайно интересным “человеческим документом”», который в то же время «является крупным политическим актом». После появления этой статьи П.А. Сорокин был освобожден, а его политической репутации был нанесен смертельный удар.

Завершение политической карьеры позволило П.А. Сорокину возобновить свою работу на научном поприще. В конце 1918 года он приезжает в Петроград и восстанавливается преподавателем юридического факультета Университета. В 1919 году П.А. Сорокин выступает одним из организаторов кафедры социологии на отделении общественных наук Университета, избирается профессором социологии в Сельскохозяйственной академии и Институте народного хозяйства. В следующем году он совместно с академиком И.П. Павловым организовал Общество объективных исследований человеческого поведения. В мае 1920 года П.А. Сорокин избирается заведующим Лабораторией коллективной рефлексологии, которая под его руководством проводит — с теоретических позиций бихевиоризма (коллективной рефлексологии) — исследования социальной мобильности и профессиональной стратификации в послереволюционном Петрограде. В 1922 году произошел конфликт ученого с советской властью, а поводом стал его научный интерес к причинам массового голода в стране в 1921–1922 гг. и подготовка им к изданию книги «Голод как фактор», также он вел открытую полемику с главным теоретиком коммунистической партии — Н.И. Бухариным.

Таким образом, вывод А.Ю. Пиджакова и М.Н. Майора о том, что в период с 1918 года до высылки из страны П.А. Сорокин не занимался научной деятельностью, вводит в заблуждение читателей.

И, наконец, завершается статья «Правовые взгляды П.А. Сорокина» *плагиатом* уже указанной выше статьи М.В. Ломоносовой «Питирим Сорокин в политике России и о политике в Америке» [1]. Несмотря на то, что авторы без изменений включили в свою статью 4 страницы текста, что, кстати говоря, нарушает все правила цитирования, ссылка отсутствует, точнее говоря, присутствует маленькая ссылочка (как и в случае с тестом А.В. Полякова) на «Журнал социологии и социальной антропологии», без указания названия цитируемой статьи и ее автора.

Будучи автором статьи «Питирим Сорокин в политике России и о политике в Америке», могу отметить следующий факт: заимствованный А.Ю. Пиджаковым и М.Н. Майором материал является результатом кропотливой работы в спецхране библиотеки СПбГУ и перевода на русский язык исследования «Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей?». Таким образом, уникальный авторский текст М.В. Ломоносовой в статье А.Ю. Пиджакова и М.Н. Майора полностью теряет свои права.

В настоящее время, поскольку редколлегия журнала «Credo new» занимает активную информационную политику на просторах Интернета, статья А.Ю. Пиджакова и М.Н. Майора имеет высокий рейтинг, и уже на нее стали ссылаться исследователи творчества П.А. Сорокина. Так, например, Борис Александрович Ионов в своем диссертационном исследовании [6] ссылается на статью «Правовые взгляды П.А. Сорокина», закрепляя ее статус в научном дискурсе.

Подводя итог, напрашивается несколько вопросов, на которые я так и не смогла найти ответ в результате критического разбора «исследования» А.Ю. Пиджакова и М.Н. Майора.

1. Каким образом из-под пера столь уважаемых и заслуженных ученых появилась научная статья, в которой всего 5 предложений авторского текста, а все остальное плагиат?
2. Как допустила к публикации такую статью редколлегия журнала «Credo new», не проверив даже корректность оформления ссылок и справочного аппарата?

3. Почему после личной встречи с А.Ю. Пиджаковым и указанием на плагиат и некорректное цитирование он хотя бы не убрал эту статью с просторов Интернета?
4. Как доктор юридических наук может нарушать нормы авторского права?
5. Кто руководит кафедрами, учит студентов и занимается подготовкой аспирантов, если анализ только отдельно взятой статьи работников системы высшего образования указывает на полное их пренебрежение принципами объективной научно-исследовательской работы?

Мысль о том, чтобы написать критический отзыв на статью А.Ю. Пиджакова и М.Н. Майора, возникла еще год назад, но так и не была реализована по причине сомнений и, честно говоря, опасений за собственную карьеру в системе высшего образования... Все-таки столь авторитетные и уважаемые авторы... Но после долгих размышлений я пришла к выводу о том, что не имею никакого морального и гражданского права молчать об этом, так как именно в этом реализуется один из основных принципов научной и образовательной деятельности — принцип интеллектуальной честности.

Литература

1. *Ломоносова М.В.* Питирим Сорокин в политике России и о политике в Америке // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № 1 (34). С. 45-60.
2. *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права: Учебник. СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 472 с.
3. *Ментюкова М.А.* П.А. Сорокин о революции 1917 года // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы, 2007. Специальный выпуск. 0,25 п.л.
4. *Сорокин П.А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009. 240 с.
5. *Глушкова С.И.* Интеллектуальная биография П.А. Сорокина (1889-1968) // София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. № 2-3 / Филос.фак.Урал. гос. ун-та. Екатеринбург. 2001 (2002). 182 с.
6. *Ионов Б.А.* Политические идеи П.А. Сорокина в российский период творчества. Автореф. дисс. ... канд. полит.наук. Москва, 2012.

Научное издание

**СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
МЕТОДОЛОГИЯ — ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ**

Сборник научных статей

Корректор *Т. К. Добриян*
Верстка *Е. Ю. Кузьменок*

Подписано в печать 06.06.2013. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,625. Тираж 300 экз. Заказ № 1975.

Издательство «Скифия-принт»
197198, Санкт-Петербург, ул. Ропшинская, д. 4.